

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

104

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

104

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор— доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарева,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. В. СЕДОВ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Важнейшие вопросы этнической истории Восточной Европы не могут быть решены археологами без учета данных гидронимики. Взаимодействие и взаимопомощь археологии и гидронимики весьма необходимы и для изучения деталей этногенеза и этногеографии. К сожалению, и археологи и топонимисты, работающие над вопросами этнической истории населения Восточной Европы, действуют изолированно, выводы их обычно покоятся исключительно на материалах какой-либо одной дисциплины, не учитывается, что взаимосвязь археологии и топонимики открывает перед теми и другими исследователями неиспользованные возможности. Настоящая статья затрагивает два небольших вопроса из области восточнославянской археологии и гидронимики, первый из которых связан с важнейшей темой в изучении старой славянской ономастики, ее стратиграфией.

Стратиграфия восточнославянской гидронимики до сих пор находится в самой начальной стадии исследования. Возможности разработки топонимической стратиграфии исключительно лингвистическими приемами пока ограничены. Так, новейший лингвистический анализ гидронимики Верхнего Поднепрорья позволил исследователям лишь выделить среди восточнославянских речных названий две стратиграфические группы — гидронимы, относящиеся к раннему этапу славянской колонизации Верхнего Поднепрорья, и гидронимы сравнительно более позднего времени. Вопрос о хронологии этих гидронимов остался открытым¹.

Старые восточнославянские гидронимы с суффиксом -ля, восходящим к -ia после губных (так называемый «l эпентетикум»)², подвергнуты лингвистическому анализу в статье шведского исследователя П. Арумаа, в которой собрана значительная часть речных и озерных названий этого типа³. Исследователь определяет, что основная масса славянских гидронимов с «l эпентетикум» сосредоточена в Верхнем и Среднем Поднепрорье, а восточная граница распространения этих названий проходит приблизительно по линии Калуга — Орел — Курск, в то время как к северу от Поднепрорья такие образования немногочисленны. Речным названиям с суффиксом -ля выделен специальный раздел в монографии, посвященной верхнеднепровской гидронимике⁴. Авторы этой монографии В. Н. Топоров и

¹ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепрорья. М., 1962.

² О возникновении «l эпентетикум» в нена начальном слове см.: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 190—195.

³ Р. Арумаа. Die ostslavischen Gewässernamen mit l-epentheticum. Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1956, S. 47—60.

⁴ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 101—104.

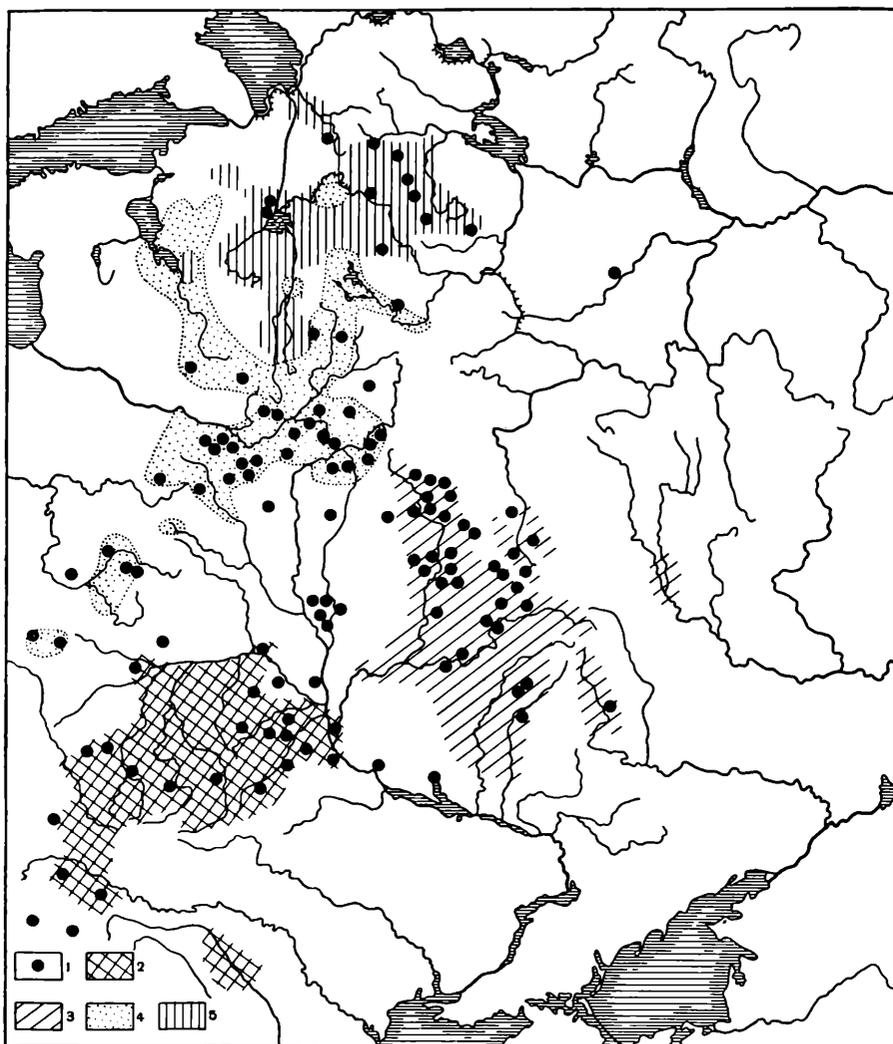

Рис. 1. Гидронимы с «l эпентетикум»

1 — гидронимы с «l эпентетикум»; 2 — ареалы поселений с керамикой типа Корчак; 3 — ареалы поселений с керамикой роменско-боршевского типа; 4 — ареалы длинных курганов; 5 — ареалы сопок

О. Н. Трубачев подчеркивают, что гидронический формант -ля (после губных) является достаточно древним, непродуктивным и восточнославянским по преимуществу. По мнению этих исследователей, изучение распространения гидронимов с «l эпентетикум» послужит надежным материалом для определения границ территории наиболее ранней экспансии восточнославянских племен и возможно позволит изучить детали восточнославянского расселения. Однако время образования гидронимов рассматриваемой группы не было определено ни исследователями верхнеднепровской гидронимики, ни шведским лингвистом.

Представляет интерес изучение распространения древних восточнославянских гидронимов с «l эпентетикум» в связи с археологическими материалами по восточнославянским племенам I тыс. н. э. На публикуемой карте (рис. 1) собраны все ныне известные гидронимы с «l эпентетикум». Их распространение довольно обширно и свидетельствует о том, что образование их относится ко времени, когда восточнославянские племена уже рассели-

лись по всему Среднему Поднепровью, заняли левобережную часть Верхнего Поднепровья, полоцко-витебскую часть западновинского бассейна и значительную часть Поильменя. Немногочисленные гидронимы рассматриваемого типа известны также в Верхнем Понеманье, свидетельствуя о раннем проникновении сюда славянских колонистов⁵. Сопоставление карты гидронимов с «I эпентетикум» с ареалом восточнославянских курганов с трупосожжениями IX—X вв. с несомненностью свидетельствует, что гидронимы рассматриваемого типа должны быть датированы более ранним временем, чем последние два столетия I тыс. н. э. Об этом убедительно говорит полное отсутствие гидронимов с суффиксом -ля (после губных) на обширной территории Волго-Окского междуречья⁶, начальный этап славянизации которой несомненно относится к IX—X вв. За исключением отдельных изолированных случаев отсутствуют гидронимы с «I эпентетикум» на правобережной части Верхнего Поднепровья, где древнейшие восточнославянские памятники также представлены курганными трупосожжениями IX—X столетий.

Речные названия с суффиксом -ля территориально образуют несколько компактных групп, соответствующих ранним группам восточнославянских племен. В правобережной части Среднего Поднепровья распространение гидронимов рассматриваемого типа соответствует ареалу археологических памятников юго-западной группы восточнославянских племен (поселения и могильники с керамикой пражского типа). Большое число гидронимов с «I эпентетикум» сконцентрировано в бассейне левого притока Днепра — Десны (включая Посеймье). Это — область распространения поселений роменского типа. В тех местах, где поселения роменского типа выходят за пределы деснинского бассейна, встречается и старая восточнославянская гидронимика, как бы свидетельствуя об образовании географических названий с «I эпентетикум» именно в это время.

Третья большая группа гидронимов с суффиксом -ля по территории своего распространения соответствует ареалу длинных курганов кривичей. В Смоленском Поднепровье и в бассейне р. Западной Двины гидронимика рассматриваемого типа почти нигде не выходит за пределы расселения кривичей VI—VIII столетий. Несколько гидронимов этого типа в Верхнем Понеманье также находятся в тех районах, где известны длинные курганы. Наконец, четвертая территориальная группа гидронимов с «I эпентетикум» находится в области расселения ильменских словен. Однако восточнославянская гидронимика древнего типа известна далеко не по всей территории распространения древних погребальных памятников словен — сопок. Это, по-видимому, объясняется тем, что часть новгородских сопок принадлежит ко времени более позднему, чем VI—VIII вв. Кроме того, необходимо иметь в виду, что некоторые из сопкообразных насыпей Новгородской земли отнесены к числу сопок составителем карты этих памятников Н. Н. Чернягиным лишь в связи с их крупными размерами. В действительности же они не являются сопками, т. е. погребальными памятниками ильменских словен, заключающими по несколько захоронений по обряду трупосожжения, так как содержат труположения⁷. К сожалению, без проведения новых полевых работ выделить среди сопкообразных насыпей, картографированных

⁵ Остались вне карты четыре изолированных гидронима, приведенных в статье П. Арумаа. Это — Жаравля в бассейне Тагила в Пермской губ., Муромля в Петрозаводском уезде Олонецкой губ. и Итомля и Едомля в левобережной части Донского бассейна. Последние два названия скорее всего принадлежат не к гидронимам с суффиксом -ля, а к типу мордовских речных названий с окончанием -ляй.

⁶ Единственный изолированный гидроним этого типа (Сурамля) известен под Владимиром на Клязьме (ПСРА, XXV, 117). Однако очень вероятно, что это название было занесено сюда переселенцами из южнорусских земель позднее, что обычно для ряда славянских географических названий Владимиро-Суздальской земли.

⁷ Группа сопкообразных насыпей с труположениями, расположенными в нескольких ярусах, описана в статье автора «Курганы с ярусными погребениями» (КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 3—11).

Н. Н. Чернягиным, словенские памятники VI—IX вв. не представляется возможным.

Итак, восточнославянская гидронимика рассматриваемого типа по территории своего распространения соответствует расселению восточнославянских племен до IX столетия, обрисованному по данным археологии. Единичные изолированные случаи нахождения гидронимов с «I эпентетиком» вне восточнославянской территории VI—VIII вв. не мешают сделать заключение, что образование речных и озерных названий рассматриваемого типа в основном относится ко времени до IX столетия.

Детальное изучение ареалов гидронимики с «I эпентетиком» заставляет обратить внимание на три следующих обстоятельства, требующих объяснения хотя бы в предварительном плане. Речные названия с суффиксом -ля (после губных) в правобережной части Среднего Поднепровья сравнительно разбросаны и менее многочисленны, чем, например, в Подесенье или в области расселения смоленских и полоцких кривичей. Очень возможно, что это наблюдение объясняется случайными мотивами. Если же оно не случайно (а основание для этого есть; в частности, отсутствие в правобережной части Среднего Поднепровья старых славянских гидронимов на -гошь/-гоща, рассмотренных ниже), то можно найти только одно объяснение. Правобережная часть Среднего Поднепровья, по всей вероятности, была частью территории, занятой славянами в период общеславянского единства, точнее до появления у восточных славян «I эпентетиком». Меньшее число гидронимов с суффиксом -ля в этой области связано с тем, что некоторые водные названия здесь были даны славянами в более раннее время и относятся к общеславянской эпохе⁸. Иначе говоря, гидронимы с «I эпентетиком» выявляют районы Восточной Европы, освоенные восточными славянами в первый период их расселения из общеславянской территории, а на правобережье Среднего Поднепровья — участки, обжитые славянами в то же время.

Небольшая компактная группа восточнославянских гидронимов рассматриваемого типа известна в устье р. Сожа. Но восточнославянских археологических памятников третьей четверти I тыс. н. э. здесь пока неизвестно. Однако поскольку гидронимические материалы с определенностью свидетельствуют, что славяне осели в районах, прилегающих к устью Сожа, ранее IX—X вв., отсутствие здесь ранних славянских памятников нужно объяснить недостаточной изученностью этого района археологами. Поиски ранних славянских памятников в треугольнике, образованном нижним течением Сожа и Днпром, вполне правомерны.

Если бы в древнем псковском диалекте не обнаруживалось отдельных особенностей, выделяющих псковские говоры среди других восточнославянских говоров и сближающих их с западнославянским миром, то отсутствие на Псковщине, где первые славянские колонисты, судя по данным археологии, появились в начале второй половины I тыс. н. э.⁹, восточнославянской гидронимики с «I эпентетиком» было неожиданностью и явилось поводом для сомнений в правильности хронологического определения рассматриваемого гидронимического типа. Такой особенностью старого псковского диалекта являются сочетания *гл*, *кл* (из *dl*, *tl*), окончательное происхождение которых, правда, остается невыясненным, хотя этому вопросу посвящена довольно обширная литература¹⁰. Однако представляется несомненным, что рассматриваемая особенность древнепсковских говоров не является изолированным явлением местного происхождения, а непосредственно связана с областями западнославянского мира.

⁸ T. Lehr-Splawiński. Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych. Rocznik slawistyczny, t. XXI, cz. 1, Wrocław — Kraków, 1960, str. 5—22.

⁹ В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 51.

¹⁰ Обзор мнений по этому вопросу недавно сделан Ф. П. Филиным в книге «Образование языка восточных славян», стр. 184—188.

Есть все основания считать, что псковские кривичи были первым славянским племенем, вступившим в непосредственный контакт с эстонскими племенами. В связи с этим интересно отметить, что некоторые эстонские и финские слова, заимствованные из славянского, отражают фонологические особенности (не деназализованные гласные *ǫ* или *ϕ*), не свойственные восточнославянскому (древнерусскому) языку, но характерные для западнославянских (и праславянскому) языков. В связи с этим лингвистами высказано предположение, что эсто-финские племена соседнили с таким славянским племенем в языке, которого деназализация произошла позднее, чем у остальных восточнославянских племен¹¹. Теперь на основании гидронимического материала можно предполагать, что в языке псковских кривичей отсутствовало эпентетическое *л*.

Другая интересная группа старых славянских гидронимов объединяет названия на -гошь/-гоща. В отличие от рассмотренного выше гидронимического суффикса -ля, названия с элементом -gost не являются чисто гидронимическими и исключительно восточнославянскими. Это — топонимические названия. Употребление их в качестве гидронимов вторично, они перенесены от соответствующих топонимических названий. В связи с этим очевидно на необходимость объединения гидронимов и топонимов на -гошь/-гоща в единую группу.

Географические названия на -гошь/-гоща ведут свое происхождение от старых прилагательных на -jъ от собственных имен со вторым элементом -gost¹². В. А. Никонов высказал предположение, что топонимический компонент -gost не связывается с готским *gast* ('купец'), как обычно считалось, а ведет свое начало от славянского *hozd* ('лес'), словенского *hosta* ('кустарник') и ('лесная чаща'). По мнению В. А. Никонова, названия на -гошь/-гоща указывают на места, где славяне застали леса¹³.

Географические названия рассматриваемого типа не являются исключительно восточнославянскими, а встречаются на всей славянской территории. На западе они обычны для бассейнов Вислы и Варты и доходят до Поморья и Тюрингии. Наиболее южные топонимы этого типа известны в Албании и Фессалии¹⁴. Предметом рассмотрения настоящей статьи является исключительно восточнославянская территория. Распространение географических названий с элементом -гошь/-гоща в Восточной Европе значительно шире по сравнению с рассмотренными выше гидронимами с («I эпентетикум» (рис. 2)¹⁵. Однако их ареал не обнимает всей территории древней Руси домонгольского времени. На окраинных землях древнерусского государства названия рассматриваемого типа неизвестны. Для определения хронологии продуктивности топонимов с элементом -гошь/-гоща их ареал сопоставим с археологическими картами. Оказывается, что терри-

¹¹ В. Кипарский, полностью не отрицая этого предположения, недавно высказал догадку о существовании фонологической разницы между краткими и долгими носовыми гласными и в древнерусском языке (В. Кипарский. О хронологии славяно-финских лексических отношений. *Scando-Slavica*, t. 4. Copenhagen, 1958, s. 127—136). Однако последнее предположение вряд ли может быть принято из-за отсутствия достаточной аргументации.

¹² Р. Агумаа. *Sur les principes et méthodes d'hydronymie russe. Les noms en -gost'. Scando-Slavica*, t. VI. Copenhagen. Munksgaard, 1960, p. 144—175; В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 127.

¹³ IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II, М., 1962, стр. 450.

¹⁴ *Slownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajow slowianskich*, t. III. Warszawa, 1882, str. 166.

¹⁵ Карта составлена по материалам, собранным П. Агумаа (Р. Агумаа. *Sur les principes et méthodes d'hydronymie russe: Les noms en gost*). Из списка топонимических названий с элементом -гошь/-гоща исключены названия Погост и производные от них (они немногочисленны и основная часть их находится на территории Белоруссии), так как по своему происхождению они, возможно, связаны с древнерусским термином «погост» — административно-территориальный центр небольшой округи.

тория распространения старых славянских названий этого типа соответствует области расселения восточнославянских племен к началу XI столетия. Карта восточнославянских курганов с трупосожжениями IX—X вв. в деталях совпадает с топонимической картой. Детальное совпадение исключает элемент случайности. В тех районах Восточной Европы, где по археологическим данным славяне расселялись только в начале II тыс. н. э., географических названий с элементом -гошь/-гоща уже нет¹⁶. Это дает основание для заключения, что топонимические названия рассматриваемой группы относятся в основном по времени до XI столетия. Вместе с тем нужно заметить, что картографирование не дает оснований датировать географические названия на -гошь/-гоща исключительно временем захоронений в круглых курганах по обряду сожжения, т. е. IX—X вв. По всей вероятности, какая-то часть подобных топонимов относится к более раннему времени. Нижняя хронологическая граница их пока не поддается определению.

Не менее интересным и важным вопросом, решение которого во многом зависит от взаимосвязи археологии и гидронимики является вопрос о направлениях славянской колонизации. Бесспорно, что гидронимика в этом отношении может служить весьма надежным и детальным источником славянского расселения. Исследователями уже неоднократно подчеркивалось, что о направлениях движения славянских племен и отдельных групп свидетельствует повторяемость речных названий славянского происхождения. При этом такие названия рек (или озер), как Песчанка, Каменка, Белая, Черная, Добрая, Лесная, Болотная и т. п., т. е. весьма распространенные гидронимы, в большинстве случаев связанные с местными особенностями, нельзя принимать во внимание. Ниже предпринята попытка восстановить на материалах гидронимики картину расселения одного из восточнославянских племен — радимичей.

Областью расселения радимичей согласно древнерусским летописям является бассейн р. Сожа. Радимические курганные древности получили историко-археологическое освещение в работе Б. А. Рыбакова «Радимичи»¹⁷, а позднее этой теме касалась Г. Ф. Соловьева, предметом исследования которой был погребальный обряд восточнославянских племен левобережного Поднепровья¹⁸. Самые древние курганы радимичей относятся к IX—X вв. Славянских погребений и поселений более раннего времени на основной территории расселения радимичей до сих пор не обнаружено. Поселения роменского типа VIII—IX вв. на северо-западе не выходят за пределы деснинского бассейна и таким образом не обнаруживают территориальной связи с радимичами. Не представляется возможным наметить какие-либо связи и при изучении материалов роменской культуры, с одной стороны, и радимических курганных древностей, с другой. В связи с этим вопрос о сравнительно позднем расселении радимичей в бассейне Сожа (по сравнению, например, с кривичами, древлянами, полянами, северянами и другими, чьи археологические памятники более раннего времени хорошо известны) остается открытым. К тому же следует подчеркнуть, что на основной территории расселения радимичей отсутствуют гидронимы с «l эпентетиком». Этот факт можно рассматривать как свидетельство того, что археологические памятники радимичей времени до IX—X вв. не обнаружены до сих

¹⁶ Исключением является Белозерье, где, хотя славянские курганы с трупосожжением и не открыты, проникновение славянского населения в последнем столетии I тыс. н. э. представляется бесспорным. Вторым районом, где славянская гидронимика рассматриваемого типа не коррелируется с курганами с трупосожжением, является между-речье Прони и Оки в Рязанской земле. Однако и для этой территории имеются основания говорить о проникновении славян из Подонья «боршевцев» в X столетии (А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 122—127).

¹⁷ Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай Акадэміі наук, т. III, Менск., 1932, стр. 81—151.

¹⁸ Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне). СА, XXV, 1956, стр. 138—160.

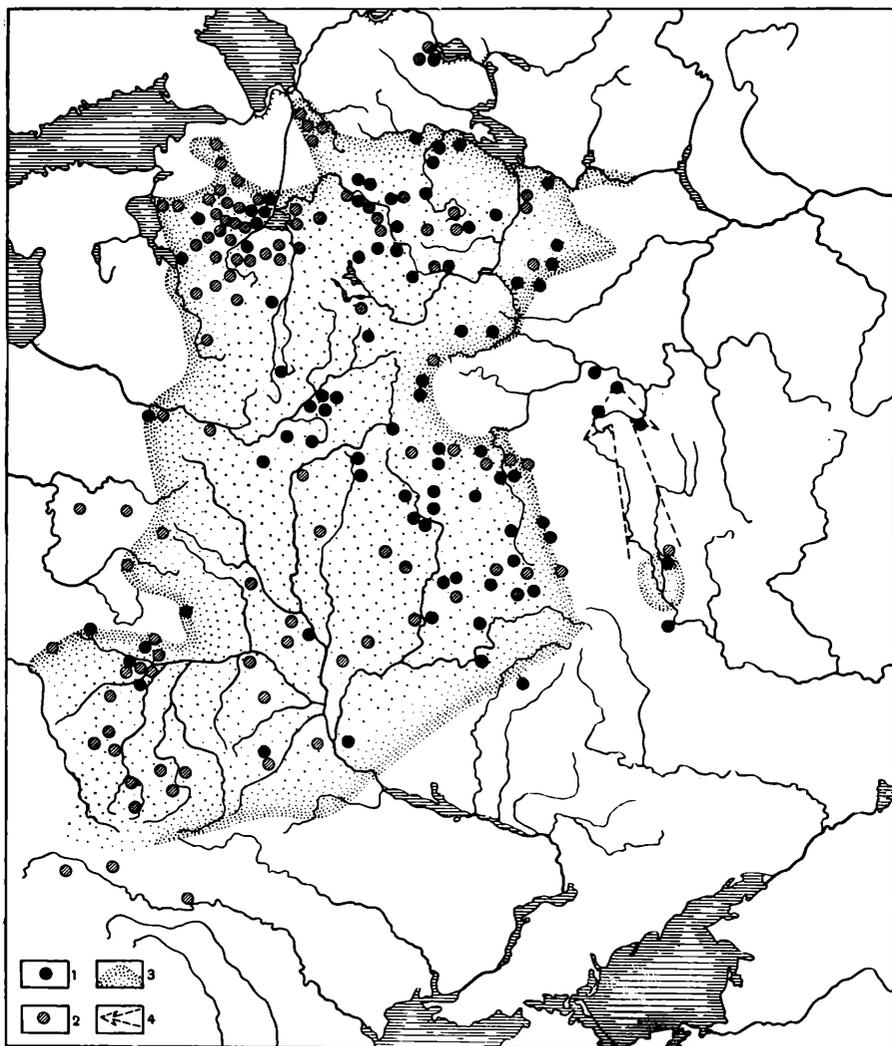

Рис. 2. Название с элементом -гошь/-гоша

1 — гидронимы с элементом -гошь/-гоша; 2 — топонимы с тем же элементом; 3 — территория распространения восточнославянских курганов с трупосожжениями IX—X вв.; 4 — направление ранней славянской колонизации Рязанского Поочья (по А. Л. Монгайту)

пор неслучайно. Наконец, требует объяснения и летописное известие о радимичах, как о пришельцах из западных областей¹⁹.

В настоящее время вопрос о принадлежности радимичей к ляхским племенам решается отрицательно. Никаких западнославянских особенностей ни в материальной культуре радимичей, ни в лингвистических материалах не обнаруживается. Те особенности белорусского языка, в которых А. А. Шахматов и некоторые другие исследователи видели ляхские черты, в действительности являются продуктом местного развития, независимого

¹⁹ Составитель «Повести временных лет» приводит рассказ о происхождении радимичей и вятичей «от ляхов», т. е. западных славян. «...радимичи бо и вятичи от ляховъ Бяста бо 2 брата в ляхех,— Радим, а другий Вятко,— и пришедьша седоста Радимъ на Съюю, и прозвашася радимичи...» (ПВЛ, I, М.—Л., 1950, стр. 14). Далее то же говорится только о радимичах: «Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедьше ту ся вселиши, и платять дань Руси...» (там же, стр. 59).

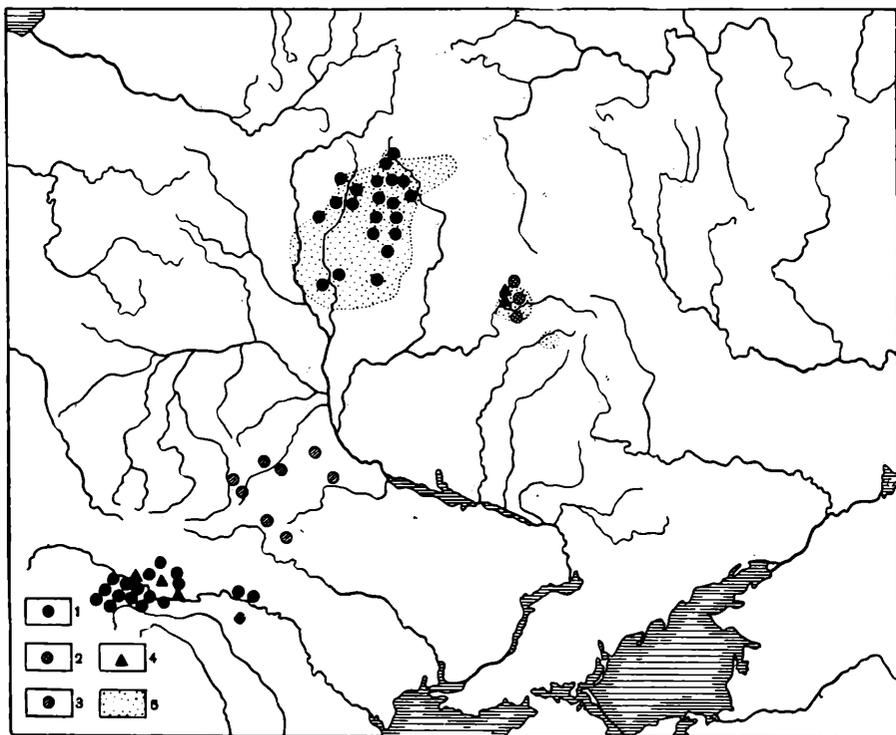

Рис. 3. Гидронимика радимической территории

1 — речные названия области расселения радимичей, повторяемые в Верхнем Поднестровье; 2 — те же названия, встреченные, кроме того, в других районах левобережной части днепровского бассейна; 3 — те же названия, известные в правобережной части днепровского бассейна; 4 — гидронимы, повторяемые в Посеймье и в Верхнем Поднестровье; 5 — ареалы радимичей по данным археологии (по Б. А. Рыбакову с небольшими уточнениями)

от польского языка. Летописное сообщение «радимичи... от ляховъ», по всей вероятности, означает, что они пришли от ляхов, т. е. прежние места их обитания находились по соседству с ляхскими племенами, хотя они были восточнославянским племенем.

Взгляды различных исследователей относительно места поселения радимичей до их расселения на Соже рассмотрены в названной выше работе Б. А. Рыбакова и нет необходимости возвращаться к ним вновь.

Позднее появилась работа польского историка Ф. Буяка, в которой исследователь пытается наметить область первичного расселения радимичей и вятичей на польской территории на основе наличия сходных топонимических названий в Среднем Повисленье и в районах расселения радимичей и вятичей в Восточной Европе²⁰. Однако сам материал, собранный Ф. Буяком, противоречит предлагаемым выводам. Оказывается, что географические названия, одинаковые с намечаемым районом Повисленья, имеются не только в областях расселения радимичей и вятичей, но и на территории северянского Подесенья и кривичского Поднепровья. Такие же названия, как Будогощ, Хотимль и др., не могут быть использованы, так как имеются во многих областях Восточной Европы (например, Будогощ Витебской губ., Будогощ Тихвинского уезда, Будогощ в Обонежской пятине). Ошибочно включение в число радимичско-вятических названий и топонимов балтийского и финно-угорского происхождения, т. е. несомненно местных.

²⁰ F. Bujak, Skąd przyszli Radymięze i Wjatyęze na Rus? Swiatowit, t. XX. Warszawa, 1949, str. 59—110.

Гидронимика среди других географических названий является самым надежным материалом для исторических исследований. Картографирование повторяющихся славянских речных названий, собранных П. Л. Маштаквым²¹, выявляет очень определенную картину (рис. 3). На обширной территории днепровского бассейна, Поднестровья и бассейна Южного Буга четко очерчиваются два района повторяющихся названий. Один из них занимает Посожье, точнее область расселения радимичей, нарисованную по археологическим данным, другой — выделяется в верхнем Поднестровье. Последний район, сравнительно небольшой по площади, где сконцентрированы многие славянские названия рек, сходные с радимической территорией Посожья, и нужно считать областью, откуда рассматриваемое племя переселилось на Сож. Случайность выделения этих районов исключается в связи с обширностью картографируемой территорией, во-первых, и в связи с полным охватом материала, во-вторых. Предполагать обратное движение из Посожья в Поднестровье нельзя, так как в Поднестровье повторяемые гидронимы очень скудны, а в радимическом Посожье заметно рассеяны. К тому же в Поднестровье, в том числе и в намеченной прародине радимичей, имеются более ранние славянские памятники, чем в Посожье.

Кроме радимической территории на Соже и Поднестровье, одинаковые с ними гидронимы в небольшом количестве известны в правобережной части Среднего Поднепровья. Они здесь очень рассеяны среди других славянских гидронимов. Скорей всего эта гидронимика выявляет направление движения радимичей из области Поднестровья в бассейн Сожа. Об этом, кажется, говорит и курганная группа близ дер. Нежиловичи с семилучевыми височными кольцами, расположенная в Среднем Поднепровье в полосе предполагаемого движения радимичей. Наконец, подобная гидронимика (три названия) обнаружена в среднем течении Сейма. Но здесь также имеются радимические курганные древности. К тому же в этом же районе Среднего Посеймья выявляются еще два речных названия, одинаковых с тем же районом Поднестровья. Последние речные названия указывают на то, что отдельные участки Посеймья были колонизованы непосредственно из Поднестровья. По-видимому, это была небольшая часть радимичей, отделившаяся от основной массы во время продвижения на Сож.

Поиски радимических височных колец в Верхнем Поднестровье вряд ли целесообразны. Скорей всего племенные височные украшения радимичей оформились уже после их расселения. Однако археологические поиски в том направлении, на которое указывает гидронимический материал, представляются необходимыми, так как в конце концов только археология сможет решить вопрос о переселении радимичей более детально и основательно.

²¹ П. Л. М а ш т а к о в. Десна. Пг., 1918.

Л. А. ГОЛУБЕВА

О ДАТЕ ПОСЕЛЕНИЯ ВЕСИ НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

Рассказ «Повести временных лет» о том, что «первыи насельници в Новегороде словене..., в Ростове — меря, в Белоозере — весь», полностью подтвержден археологическими данными. Русским городам: Ростову, Суздаля, Мурому, Белоозеру, возникшим в результате славянской колонизации на северо-восток, действительно предшествовали финские поселения мери, муромы и веси. Как показали археологические исследования, дорусские поселения возникли: на месте Ростова — в VIII—X вв., Суздаля — в IX—X вв., Мурома — в VIII—X вв.¹, Белоозера — в середине X в. Но если «Новый город», основанный словенами на берегах Волхова, был во второй половине X в. уже сложившимся ремесленно-торговым центром, то Ростов, Суздаля, Муром и Белоозеро этого времени еще нельзя назвать городами в настоящем смысле слова. При значительном развитии кузнечно-литейного дела, начавшего складываться в ремесло, у мери, муромы, мордвы² и веси в X и даже в XI в., гончарство продолжало оставаться домашним промыслом; посуда изготовлялась без применения гончарного круга. Появление круговой керамики в Ростове, Муроме, Белоозере в X в. связано с проникновением славянских поселенцев. Славянская колонизация и рост феодальных отношений сыграли решающую роль в процессе формирования городов на северо-востоке, происходившем в основном в XI в.

Поселение веси на правом берегу р. Шексны у ее истоков из Белого озера возникло на территории, освоенной человеком с глубокой древности. В предматериковом пласте западной части поселения веси обнаружены следы разрушенной неолитической стоянки. Там же, а также при случайных сборах на Белоозере найдены сетчатая, сглаженная травой и гладкостенная, орнаментированная ямочными вдавлениями керамика, костяные ножи, иглы, кочедыки, глиняные грузики дьякова типа и бронзовые украшения: коническая с прорезями и трапециевидная подвески, свидетельствующие о существовании на Белоозере поселения раннего железного века. Локализовать его пока не представляется возможным.

Поселение веси располагалось на гребне первой речной террасы. Оно не имело укреплений и его естественными границами служили ручьи, текущие в Шексну — безымянный с запада и Васильевский — с востока. Поселок, расположенный в 50—60 м от берега, был прикрыт лесом. Размеры поселка около 500 × 100 м. Раскопками вскрыта площадь около 2000 м²³.

¹ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 109, 162, 203.

² Там же, стр. 179.

³ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3, стр. 54—58.

Комплекс, относимый к поселению веси, залегал в нижнем горизонте культурного слоя древнерусского города Белоозера. По своему содержанию он резко отличается от инвентаря верхнего горизонта культурного слоя. Наиболее характерной его чертой является решительное преобладание лепной посуды (около 95% в первом снизу, предматериковом пласте и до 50% — в третьем). Эта посуда — приземистые, широкогорлые горшки, горшки банковидных и чашевидных форм со своеобразной орнаментацией преимущественно твердым гребенчатым штампом различных форм — наиболее выразительно утверждает неславянскую этническую принадлежность обитателей поселения. Такая же, лишь менее богато орнаментированная посуда бытовала в X — начале XI в. у финского населения Приладожья и Ярославского Поволжья⁴.

Несмотря на обилие железных орудий труда и оружия, в быту и на охоте население широко использовало изделия из кости: пряслица, ложки, гребни, иглы, проколки, кочедыки, гарпуны, наконечники стрел. Костяных наконечников стрел найдено вдвое больше, чем железных. Значительное применение изделий из кости типично для средневековых угро-финских племен.

Характерен состав найденных на поселении бронзовых украшений. Это шумящие привески: ажурная коньковая, височная лунничная, пронизки конусовидные и сферические с оттянутыми концами, костыльки и пр. Форма для отливки спиральных очковидных подвесок свидетельствует о том, что такие украшения здесь отливались. На основании исследования хозяйства поселка веси можно предполагать, что здесь жили оседлые земледельцы и скотоводы. В производственной деятельности населения сказывались устойчивые традиции земледельческо-скотоводческого быта⁵, несмотря на значительную роль охоты и рыболовства.

Об этом же свидетельствует тип жилища — рубленая в обло изба с печью-каменкой, хлевы с пластами навоза, указывающими на стойловое содержание скота, усадьбы, огороженные косою изгородью.

Если мы не можем еще назвать Белоозеро второй половины X в. сложившимся ремесленным городом, то его роль как торгового центра была в это время несомненно значительна. Шексна связывала Белоозеро с Великим волжским путем, бывшим в то время главной торговой дорогой между Востоком и Западом; система удобных волоков — с Прикамьем, Приладожьем, Прибалтикой и славянскими землями.

Это обстоятельство способствовало быстрому росту поселка и выделению его среди сельских поселений белоозерской веси. Заметно большое число привозных изделий, употреблявшихся в домашнем быту белоозерцев.

Поселение веси на Белоозере существовало сравнительно недолго; отложенный им культурный слой не превышает 0,40—0,50 м.

По сравнению с финскими поселениями VIII—X вв. на месте Ростова и Муромы, возможно являвшихся племенными центрами мери и муромы, поселение веси на Белоозере возникает поздно, не ранее середины X в. (Не указывает ли это обстоятельство на то, что племенной центр веси следует искать в юго-восточном Приладожье, где сохранялось и самоназвание веси — вэпса.)

Дата нижнего горизонта поселения веси на Белом озере устанавливается по находкам ряда изделий, хорошо датированных серединой — второй половиной X в.

Это уже упоминавшиеся коньковая ажурная подвеска⁶ и височная лунничная подвеска, имеющая аналогии в украшениях Максимовского могиль-

⁴ В. А. М а л ь м. Культурная и бытовая посуда из ярославских могильников. Сб. «Ярославское Поволжье в X—XI вв.». М., 1963, рис. 24 и 25.

⁵ Л. А. Г о л у б е в а. Указ. соч.

⁶ Там же, стр. 59, рис. 2.

ника X в.⁷ Затем это изделия скандинавского бронзового литья — браслет и пряжка с личинами. Подобные браслеты с поперечными валикообразными утолщениями найдены в Бирке и в погребениях с сожжениями в юго-восточном Приладжье вместе с арабскими дирхемами и двойными скорлупообразными пряжками типа 51В Петерсена⁸. Пряжка с личинами на концах и у основания иглы имеет аналогии в пряжках из погребений 628 и 477 Бирки⁹.

Второй половиной X в. датируются также односторонние гребни с приподнятыми концами накладок и прочерченными лопастями. Найденные на Белоозере два прикамских огнива с бронзовыми рукоятями, изображающими двух всадников, и две стилизованные звериные головы с раскрытыми пастьми, прорезь между которыми имеет форму ромба, относятся ко второй половине X — начала XI в.¹⁰

Нижний горизонт поселения веси датируют и шиферные овручские пряслица, производство которых начинается не ранее X в. Рост импорта волынских пряслиц, хорошо прослеживаемый по пластам, указывает на усиление связей со славянскими областями. Через последние на Белое озеро проникают из Византии амфоры, стеклянные изделия. В этом же нижнем горизонте поселения обнаружена желтая и красная круговая посуда X в. из Волжской Болгарии.

На поселении веси найдено свыше 200 бус, представляющих типичный для X — начала XI в. комплекс. Преобладающее большинство бус составляют лимонки (одноцветные, полосатые, позолоченные). Бусы из прозрачного стекла представлены также синими кольцевидными и цилиндрическими, из глухого стекла — бисером, зонными глазчатыми и мозаичными. Каменных бус сравнительно немного. Это сердоликовые: шарообразные, плоские, 14-гранные и хрустальные — шарообразные, плоские и многогранные. Стеклянных цилиндрических и битрапециодных бус с металлическим покрытием, столь распространенных в XI в., найдено не более десяти.

Почти во всех раскопах верхний горизонт поселения веси отмечен выразительными следами пожара. Сохранились обгорелые столбы построек, срубы, ошлакированная керамика, прослойки угля. Этот горизонт хорошо датируют два серебряных денария Оттона и Адельгейды (конец X — начало XI в.).

Интересна стратиграфия находок стеклянных изделий, дающих по аналогии с Новгородом надежную дату верхнего горизонта поселения веси.

На предматерике найдена уникальная подвеска из фиолетового с желтыми прожилками стекла.

Во втором (снизу) пласте — синий византийский с росписью плосковыпуклый браслет и такой же синий перстень.

В третьем (снизу) пласте — верхнем горизонте поселения веси, найдены круглый браслет синий византийский с росписью серебром и перстни плосковыпуклые — синий, зеленый два желтых и щитковый черный с голубым, а также стенка бокала из синего стекла. Как и в Новгороде, византийские браслеты и перстни из синего стекла появляются на Белоозере во второй половине — конце X в., а зеленые и желтые перстни — в начале XI в. Все они импортные. Выше слоя пожара встречаются черные, зеленые, фиолетовые и желтые стеклянные браслеты и желтые перстни из свинцового стекла. Последние получают наибольшее распространение в Новгороде в середине XI в.; также они датируются и на Белоозере.

⁷ А. А. Спицын. Древности бассейнов Оки и Камы, вып. 1, 1901, табл. XXVI, 3, 10.

⁸ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладжья. МАР, 18, 1895. погр. XCV, стр. 122.

⁹ Н. Агбман. Birka. I. Die Gräler Tafeln. Uppsala, 1940, табл. 48, 1, 2.

¹⁰ Л. А. Голубева. Огнива с бронзовыми рукоятями. СА, 1964, № 3, стр. 115.

В 1963 г. был получен новый материал, уточняющий дату гибели поселения веси.

В юго-восточной половине раскопа XXXVII была обнаружена незаметная с поверхности курганная насыпь. Песчаный холм занимал площадь около 30 м² и залегал на уровне 2—3-го и отчасти 4-го пластов. Плоская вершина холма была покрыта культурным слоем всего на 15—18 см. Он опускался по пологим склонам холма, увеличиваясь в мощности к северу и западу, где над курганной насыпью отложился развал камней и обожженной глины печи жилища XII в. Высота сохранившейся насыпи кургана 0,40—0,50 м, диаметр не менее 16 м. В раскоп курган входил своей западной половиной¹¹. При возведении кургана была снята часть верхнего горизонта поселения веси, отмеченного следами пожара. Подошва насыпи кургана лежала на уровне нижней границы 3-го пласта, два открытых под насыпью погребения были углублены уже в четвертый пласт.

Погребение № 1, находившееся, как нам кажется, в центре кургана было заключено в сруб. Сруб одновенечный (2,2 × 2,1 м) имел сверху покрытие, вероятно, из луба. Дерево сруба плохой сохранности, концы бревен сгнили, но предположительно можно определить рубку в обло. Сруб, ориентированный по странам света, был установлен на три бревна, положенных в направлении С—Ю и служивших опорой для тесин пола. Пол сруба состоял из 13 тесин толщиной около 0,2 м, плотно пригнанных друг к другу и ориентированных В—З. Скелет лежал у южной стены сруба; вся северная половина сруба оставалась свободной. Покойная (судя по вещам это была женщина) была положена на спине, вытянута, головой на запад, со сложенными на груди руками. Костяк сохранился плохо: череп был раздавлен и смещен с шейных позвонков к северу; мелкие кости рук и ног сгнили. У черепа и шейных позвонков лежали бусы. Справа у черепа — золотое височное кольцо (рис. 4, 1); между ребер — спиралевидное украшение (пронизка). Около кисти правой руки — следы распавшегося металлического изделия, возможно, перстня. Слева у тазовых костей — разломанный костяной односторонний гребень.

Золотое височное кольцо своеобразно и прямых аналогий ему автор не знает. Массивная проволочная дужка кольца согнута треугольником; один конец ее опущен, другой образует завиток, который удерживает насаженную на дужку бусину. Бусина листового золота, полая, ребристая (шесть граней), состоит из двух отдельно штампованных половинок, соединенных по вертикали. Вокруг канала бусины напаяно два проволочных колечка. Размер дужки 2 × 1,7 см; бусины — 1 × 1 см. Вес височного кольца 4,9 г. Золото яркое, сохранность изделия прекрасная.

Височное кольцо можно сопоставить с безбусинными эсоконечными височными кольцами славян, однако дужка у последних всегда округлая. Треугольные дужки характерны для восточнофинских височных колец, безбусинных или литых вместе с бусиной. Ближайшей аналогией белозерской бусине являются тисненные ребристые бусины трехбусинного серебряного височного кольца из погребения № 42 Максимовского могильника, которое А. А. Спицын считал русским и относил к XI в.¹² Ожерелье состояло из 21 бусины (рис. 4, 2): четыре из них цилиндрические из глухого стекла красно-печеночного цвета, четыре зонные глазчатые, четыре — кольцевидные из глинистой обожженной массы, две — лимонки, пять бус из горного хрусталя (три зонных, одна битрапецидная, одна — многогранная), одна — зонная из сердолика и одна — кольцевидная из янтаря. Все типы бус, представленные в ожерелье, уже встречались на Белоозере; они характерны для X — начала XI в.

¹¹ В поисках погребения пришлось прирезать к восточной и южной стенкам раскопа около 14 м². Таким образом, западная и, как мы полагаем, центральная часть кургана были исследованы. Однако восточная часть кургана осталась нераскопанной.

¹² А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XXIV, стр. 50—51.

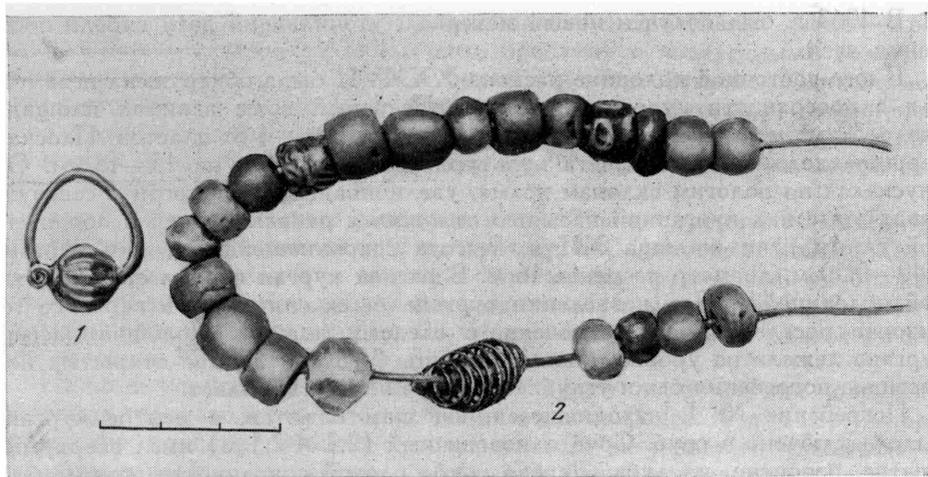

Рис. 4. Вещи из погребения № 1

1 — золотое однобусинное височное кольцо; 2 — бусы из стекла, глины, горного хрусталя, сердолика и янтара

Очень интересно украшение из серебряной рифленой проволоки, спиральнозагнутой в 11,5 оборотов (рис. 4, 2). Такие пронизки встречены в составе ожерелий в 606, 639, 649, 551, 791 и 1081 погребениях Бирки¹³ и в погребении с сожжением на о-ве Эланд¹⁴. Такая же пронизка обнаружена среди скандинавских украшений Гнездовского клада 1868 г.¹⁵

Второе погребение располагалось на расстоянии 1,8 м к югу от первого, в южном поле кургана, на том же уровне. Покойный был погребен в гробу, поставленном в сруб. Дерево сруба и домовины сохранилось только в виде тлена. По положению сгнивших древесных волокон можно определить размеры гроба (1,80 × 0,53 м) и сруба (1,32 × 2,20 м). Дно гроба было выстлано лубом. Костяк плохой сохранности лежал на спине, вытянуто, головой на запад; руки покоились на груди. На тазовых костях найден разломанный односторонний гребень с накладной спинкой, украшенный вертикальными резными линиями; под костяком — глазчатая бусина. По инвентарю оба погребения не могут быть отнесены ко времени более позднему, чем начало XI в.

Этническая принадлежность погребенных в кургане неясна, так как вещей, по которым мы с уверенностью отнесли бы их к веси, скандинавам или славянам — нет.

Как сказано выше, курган возведен на культурном слое древнего поселения и перекрыт отложившимся в XII в. жилым слоем. Дата кургана, таким образом, уточняет время гибели поселка веси. Судя по хронологической близости инвентаря верхнего горизонта поселения веси и кургана, время насыпки последнего совпадает с событиями, приведшими к пожару и гибели поселка.

Что же это за события? Под 1024 г. летопись сообщает о восстании в Суздале, связанном с неурожаем и голодом. Восставшие народные массы под предводительством волхвов избивали «старую чадь», скрывавшую запасы продовольствия. «Бе мятеж велик и голод по всей той стране», —

¹³ Н. Арбман. Указ. соч., рис. 114, 1, 7—12.

¹⁴ Н. Арбман. Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937, рис. 64, стр. 202.

¹⁵ А. Г. Гушчин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XII вв. Л., 1936, рис. 111, 21.

говорит летописец. Нельзя ли предположить (хотя письменные источники об этом умалчивают), что народные волнения охватили в это время и Белоозеро, и связать с ними пожар поселка и поспешное захоронение на его пепелище богатой представительницы «старой чади»?

Дальнейшая судьба поселения веси на Белоозере рисуется следующим образом. В восточной части старого поселка, у Васильевского ручья, над поселением веси отложился почти метровый слой русского города середины XI—XIV в. В основном, однако, город строился на новом месте, вдоль берега р. Шексны, на свежей лесной порубке. Над западной частью поселения веси культурный слой русского времени невелик — не более 0,20—0,30 м и следов построек мало. Очевидно, здесь в XII—XIV вв. были сады или огороды. Русский город XII—XIV вв. занимал территорию 7,5 га, во много раз большую, чем ранний поселок веси. Весь вошла в состав населения позднего Белоозера, что сказалось на многих сторонах его материальной и культурной жизни.

Н. Н. ВОРОНИН

ПАМЯТНИК СМОЛЕНСКОГО ИСКУССТВА XII в.

(Предварительная информация)

I

Смоленское зодчество давно привлекает внимание отечественной науки. Еще в дореволюционное время были проведены раскопки развалин ряда памятников Смоленска, продолженные эпизодическими археологическими исследованиями советских ученых¹. Широкое изучение ими истории древнерусского зодчества определило выдающееся значение смоленской архитектурной школы периода феодальной раздробленности XII—XIII вв. Она оказала сильное влияние на развитие архитектуры других княжеств². Видимо, смольнянином был зодчий Рюрика Ростиславича смоленского Петр Милонег — предполагаемый строитель одного из выдающихся памятников рубежа XII—XIII вв. черниговской церкви Пятницы с ее стройным объемом и ярусным верхом из стрельчатых кокошников-закомар³. Летописец отметил, что Рюрик Ростиславич имел «любовь несытну о зданьих»⁴. Смоленск не уступал по размаху монументального строительства своему северному собрату — Великому Новгороду. Однако на поверхности земли в Смоленске уцелело всего три здания XII в. — церкви Петра и Павла, Иоанна Богослова и Михаила архангела. Это лишь малая доля созданного смоленскими зодчими: значительная работа по надзору над городским строительством и специально поставленные разведки выявили здесь де-

¹ Н. В. Никитин и В. А. Попов. Доклад об осмотре остатков Борисоглебского храма на Смядыни. «Древности», т. III, М., 1909, стр. 105—108; Е. Е. Клетнова. Доклад о раскопках малого Смядынского храма в 1909 г. «Древности», т. IV, М., 1912, стр. 288 и сл.; И. М. Хозеров. Новые материалы да истории смаленскага будаўніцтва, т. 1. Минск, 1928, стр. 169—177; Н. П. Милонов. Древнейший памятник архитектуры. «Рабочий путь» (Смоленск), 1940, № 3; И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 20—26; И. Д. Белогорцев. Новые исследования древнесмоленского зодчества. В кн.: «Материалы по изучению Смоленской области». Смоленск, 1952, стр. 87—125; Д. А. Авдусин. Новый памятник смоленской архитектуры (церковь в Перекопном пер.). СА, 1957, № 2, стр. 228 и сл.; он же. Смоленская ротонда. В кн.: «Историко-археологический сборник» (в честь А. В. Арциховского), М., 1962, стр. 243—253.

² Н. И. Брунов. Беларуская архітэктара XI—XII ст. «Зборнік артыкулаў». Минск, 1928, стр. 247—307; Н. Н. Воронин и М. К. Каргер. Архитектура. В кн.: «История культуры древней Руси», т. II, М., 1951, стр. 284—289; Н. Н. Воронин и В. Н. Лазарев. Искусство западнорусских княжеств. В кн.: «История русского искусства», т. I, М., 1953, стр. 320—329; Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. В кн.: «Ежегодник Института истории искусств. 1952». М., 1952.

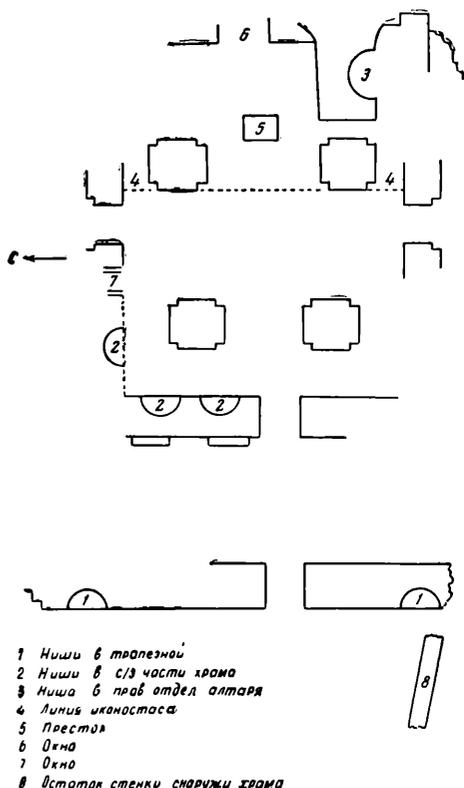
³ П. Д. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. В кн.: «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М.—Л., 1948, стр. 32—33.

⁴ ПСРЛ, т. II, М., 1962, стр. 710.

сятки руин и мест древних зданий XII—XIII вв.⁵ Актуальность их археологического раскрытия не вызывала сомнений, тем более, что они обещали пролить свет и на историю совершенно неизвестной смоленской живописи. Но систематических раскопок памятников смоленской архитектуры организовано не было. Начало этой работы было положено Институтом археологии АН СССР и Смоленским областным музеем, организовавшими специальную экспедицию.

Объектом работ 1962—1963 гг. явились руины большого безымянного храма на восточной окраине современного Смоленска за речкой Рачевкой. Эти руины образовали огромный «курган» с возвышавшимися над его поверхностью кладками и уже частично раскапывались сто лет тому назад в 1867—1868 гг., при консультации А. С. Уварова, смоленским краеведом М. Полесским-Щецилло. Он опубликовал довольно обстоятельный отчет о работах и далекий от действительности схематичный план вскрытой части храма (рис. 5). К этому времени храм сохранялся до начала сводов хор. На стенах и в аркосолиях были встречены и примитивно скопированы значительные фрагменты орнаментально-декоративных (имитация «поллилитии») и фигурных фресок⁶. Судя по этим данным, памятник представлял выдающийся интерес для истории смоленской архитектуры и живописи домонгольской поры. В начале 1960 г. городская застройка подошла почти вплотную к холму руин, а сам он начал эксплуатироваться как карьер щебня для дорожного строительства!

При этом экскаватором была разрушена западная стена храма и погребальный аркосолий в ней с уцелевшей со времен Щецилло фреской — пятифигурным Деисусом (работники музея спасли из-под ковша машины лишь разбитую фигуру Христа). Это заставило поспешить с исследованием руин. Публикуемая статья дает краткую предварительную информацию о результатах работ 1962—1963 гг.⁷

- 1 Ниша в трапеэной
- 2 Ниша в с/з части храма
- 3 Ниша в прав. отдел алтаря
- 4 Линия иконостаса
- 5 Престол
- 6 Окно
- 7 Окно
- 8 Восток стенки снаружи храма

Рис. 5. План храма (по раскопкам М. Полесского-Щецилло)

⁵ И. М. Хозеров. Архитектура Белоруссии и Смоленщины XI—XIII вв. (рукопись, 1946, архив Института истории АН БССР); И. Д. Белогорцев. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. В кн.: «Материалы по изучению Смоленской области», вып. V. Смоленск, 1963, стр. 129—145.

⁶ М. Полесский-Щецилло. Раскопки развития древнего храма св. великом. Екатерины в восточном предместьи г. Смоленска. В кн.: «Памятная книжка Смоленской губернии на 1870 г.» Смоленск, 1870. Архив ЛОИА, ф. 1, 1867 г., д. 7, разряд 1—арх. 1088.

⁷ В работах участвовали: Н. Н. Воронин (начальник экспедиции) и научные сотрудники и лаборанты А. Г. Векслер, Л. П. Гусаковский, Л. С. Китицына, В. И. Матвеева, Т. В. Равдина, П. А. Раппопорт, М. Б. Чернышев, А. А. Юшко. Консервация и съемка фресок проведена реставраторами Гос. Эрмитажа П. И. Костровым (начальник лаборатории), Т. В. Коваленко, Н. И. Ростовцевой, В. М. Соколовским, Е. Г. Шейниной.

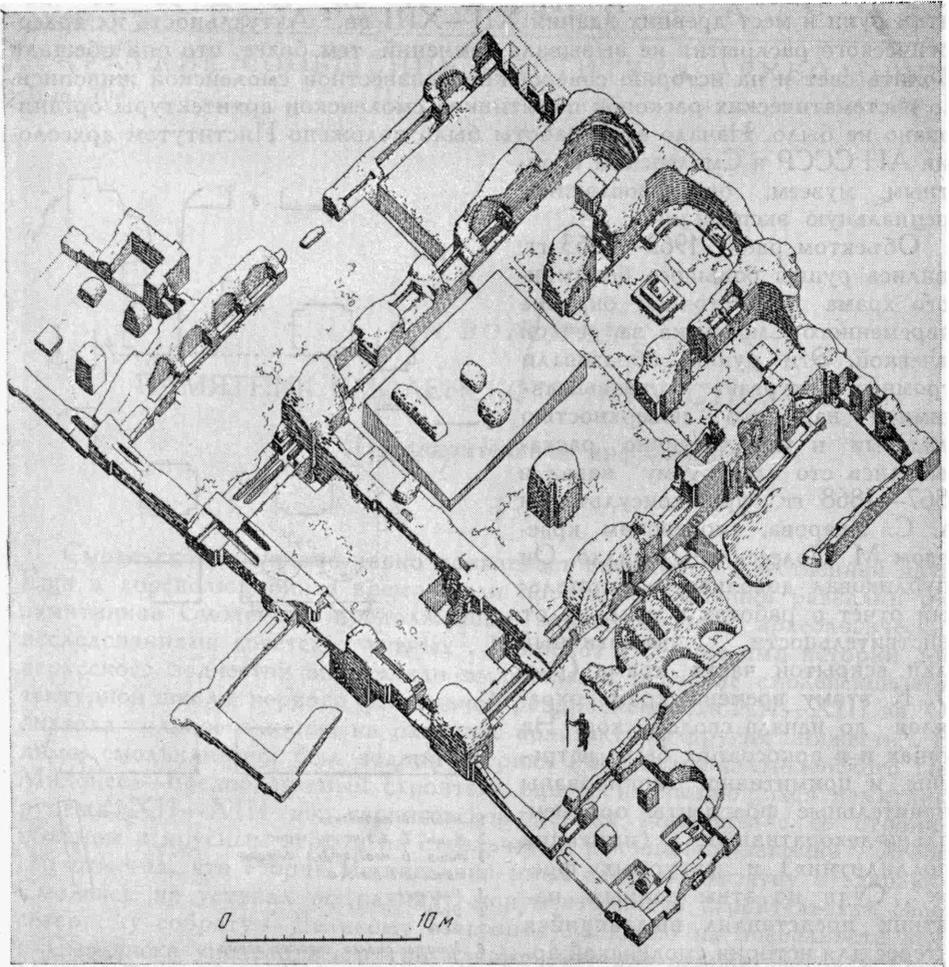

Рис. 6. Храм по раскопкам 1962—1963 гг. (аксонометрия)

II

К началу работ руины представляли собой поросший дерном и кустарником огромный холм, достигавший в северо-восточной и юго-западной части высоты 4—5 м. Отчетливо были видны следы раскопок Щепилло — прорез храма двумя траншеями по центральным нефам, раскопанный северо-западный угол, где был разрушен северо-западный столб, блоки кладки которого вросли в дерн холма; остальные три еще возвышались над его поверхностью. Экскаватором был глубоко срезан участок к западу от храма. Насыпь состояла из плотно слежавшегося плинфяного щебня, насыщенного мелкими обломками фресок, прослоек твердой земли; крупные, но бесформенные блоки кладки были редки.

Вскрытый в течение двух сезонов храм оказался сооружением куда более сложным, грандиозным и своеобразным, чем это представлялось его первому исследователю — М. Щепилло, считавшему, что перед ним обычный трехапсидный четырехстолпный храм с «трапезной».

Действительно, основу комплекса (рис. 6) составляет очень большой храм с четырьмя крестчатыми столбами, но без настенных внутренних ло-

патов. Его алтарная часть имеет необычную форму: несколько выступающая вперед центральная апсида прямоугольна, с угловыми лопатками, ее внутренние углы скруглены. Малые апсиды скрыты в толще стены. Боковые плоские крылья восточного фасада равномерно скошены к З, что придавало объему известную пластичность.

В жертвеннике сохранился целиком выложенный из плинфы полый внутри ритуальный стол и две служебные ниши в южной стене; в северо-восточном закрестье столба выложена из плинфы и оштукатурена врезанная в пол чаша для умыванья (см. рис. 9). В диаконике осталась основа стола и служебные ниши в северной и южной стенах. В средней алтарной апсиде вскрыто основание престола, за которым к В — прямоугольный проем в полу, видимо, от подножья запрестольного семисвечника или креста. В центре апсиды у стены — выложенное из плинфы на глине кресло игумена с подножием; по сторонам — кирпичные скамьи для клира. В плоскости западных граней восточных столбов шла от стены до стены, видимо, деревянная, алтарная преграда, следом которой является поперечная выбоина в покрытии пола. Подобная же прямоугольная выбоина — перед юго-западным столбом; было ли здесь деревянное княжеское место или что иное, сказать трудно (на восточной плоскости столба шла до низа орнаментальная роспись).

Форма подкупольного прямоугольника неправильна — его северная сторона больше южной (северо-восточный столб сдвинут к востоку), в связи с чем сместились с нормальных осей к востоку северный портал и членения северного фасада. При четырехстолпном плане боковые фасады расчленены не на три, а на четыре доли (одна лишняя выделена в восточной части). Лопатки фасадов в основании имеют прямоугольный цоколь, а выше — двухобломны со скругленными углами и тонкой прямоугольной тягой посредине. Порталы также имеют простой, из двух полок профиль, уподобляющий их двухступенчатым нишам. От декора верхних частей стен найдены лекальный кирпич аркатурного пояса и небольшие узкие плинфы с треугольным торцом — от поребрика. Кровля и глава храма были побиты листами свинца по деревянной обрешетке.

К западным углам храма примыкает приложенный впритык нартекс или, точнее, западная галерея с порталом в центре, выходящим в прямоугольный притвор, также в свою очередь приложенный впритык к уже оштукатуренному фасаду нартекса, имеющему в отличие от храма простые (без тяги) двухобломные лопатки. На С и Ю нартексе открывались арками, выводившими в северную и южную галереи.

Стены боковых галерей тоньше стен храма и западной галереи и также приложены впритык к их углам. Галереи имеют почти одинаковую значительную (более 5 м) ширину и похожи на продолговатые залы с прямыми (без апсид) восточными стенками; в их толще выложены заменяющие апсиды ритуальные ниши, т. е. в галереях совершалось богослужение. В руинах южной галереи удалось расчистить упавшую внутрь часть ее южной стены с высокими расписанными крупным растительным орнаментом окнами и проемом узкого арочного входа против портала храма. Такой же вход имела и северная галерея. Фасады галерей, видимо, не имели лопаток (кроме угловых) и завершались прямолинейной односкатной кровлей (для опоры сводов их стены тонки); по карнизу шел, вероятно, аркатурный пояс с поребриком, как и на храме. Западная и боковые галереи строились одновременно, но после основного здания храма: уровень его пола выше пола галерей, а западная галерея сообщалась арочными проемами с боковыми. Наличие же осадочных швов свидетельствует об учете мастерами разной весомости объемов храма, западной и боковых галерей и притвора.

В основании стены храма и галерей сделаны погребальные аркосолии. В храме их было 11, в южной галерее — восемь, в западной — четыре, в се-

верной — девять (рис. 6). Всего 32 аркосолия. Но их не хватило, о чем свидетельствуют повторные захоронения в уже занятой гробнице, а также пристройка в южной галерее у стены храма дополнительного ряда из девяти гробниц, с арочными перекрытиями (в двух из них сохранилась роспись).

К западным углам галерей были пристроены впритык маленькие четырехстолпные капеллы. Южная капелла имела полукруглую апсиду с тонкими прямоугольными тягами и узкие лопатки на остальных фасадах; она сообщалась проходом в ее северо-западном углу с южной галереей. Северная капелла сохранилась хуже, но уцелела ее восточная часть с прямоугольной, как у храма, апсидой. Каждая капелла была усыпальницей: в северной был один аркосолий и два — в южной. К наружной стене последней была приложена маленькая гробничка из плинфы, где был похоронен ребенок. Кроме того, делались погребения и прямо в грунт под пол храма и галерей. Таких погребений прослежено шесть (в северо-западном и юго-западном углах северной галереи, у северо-западного деления западной стены храма, за юго-западным столбом храма, два — перед ее северным порталом). Всего (вместе с аркосолиями) было 43 погребения. Таким образом, весь архитектурный комплекс был не только храмом, но и своего рода мавзолеем, усыпальницей, или — по-древнерусски — «гробницей».

Вскрытые погребения — главным образом мужские и в большинстве своем нарушенные с целью ограбления в пору постепенного разрушения храма; часть же костяков осела при просадке пола аркосолиев в пустоты каналов выгнивших связей. Уцелевшие лежат головой на З, под головой иногда положена плинфа; руки обычно в области таза, иногда левая вытянута вдоль туловища; для ступней ног часто выдвигались или делались при кладке нишка в восточном торце гробницы. Покойника клали в ящик еще не расписанного аркосолия (его передняя стенка имела высоту до 0,70 м) без гроба и засыпали грунтом, т. е. буквально «предавали земле». Вещей при погребенных нет. Уплотненная засыпь иногда перекрывалась беспорядочно уложенными плинфами и поверх всегда заливалась известковым раствором, который выглаживался и расписывался либо под камень, либо имитируя инкрустацию из камня или пелену из дорогой ткани. Свод и тыльная стенка аркосолия расписывались культовыми изображениями деисусного типа.

III

Техника постройки единообразна во всех ее частях. Неглубоко (0,60 м) запущенный в материк фундамент сделан из мелкого и среднего булыжника насухо. Кладка стен — порядовая с четкой перевязью и швом раствора от 1 до 8 см; с лица шов подрезался наискось или гладко вдавливался специальным деревянным «правилом». По толщине плинфа варьирует в пределах 25—56 мм, преобладает толщина около 40 мм; ширина — в пределах 13—26 см, преобладают размеры 14—15 и 19—21 см; длина в пределах 22—33 см с преобладанием размеров 24—25 и 26—29 см. Нижние ряды кладки над фундаментом велись на глине; выше — на известковом растворе. В нижних частях стен пускали в кладку и кирпич-сырец. Раствор сероватого цвета с примесью песка, цемьянки, гравия, угля и крупных кусков шлака — очень прочен. Внутренняя полость стены забучивалась обломками плинфы и булыжником с обильной проливкой раствором; т. е. кладка была фактически полубутовой. Лицевые стороны кладки сохранили двойные швы раствора, идущие в определенной системе (в уровне низа внутрстенных связей, порога, порталов, пят сводов аркосолиев, пальцев лесов и т. д.); нижний слой раствора тщательно заглажен и подрезан

и явно связан с периодичностью кладки; верхний слой является началом новой «захватки» строителей⁸.

В основании стен и столбов прослежены каналы выгнивших деревянных связей разного сечения и мощности (от 42 × 45 см в южной стене до 28—29 см в других местах), круглых либо окантованных; связи соединялись в углах врубкой чашки в верхнем лежне. Интересно, что при пристройке западной галереи связи ее ленточного фундамента были заштраблены в кладку угловых лопаток храма. Выше кладка велась с лесов с внутренней и внешней сторон стены, укрепленных на пальцах, неглубокие гнезда от которых (частью заделанные) хорошо сохранились в алтарной части.

Для облегчения кладки в нее вводились крупные глиняные кувшины двух типов: а) двуручных толстостенных амфор из тонкого теста красного звонкого обжига с линейным параллельным орнаментом и б) высоких конических кувшинов без ручек, грубой выделки из глины с примесями крупного песка и обваркой поверхности. Они закладывались в основаниях сводов⁹, часть их не имела акустического значения: найдены куски известкового фрескового грунта, закрывавшие их горловины. Фресковый грунт закреплялся на стенах и сводах многочисленными широкошляпочными гвоздями.

Известковый гладко затертый пол храма и галерей не имел настила из майоликовых плиток; найдены в небольшом числе неполные квадратные плитки 11,5 × 11,5 × 1,5 см со скосом и треугольные без следов раствора; может быть, ими был выстлан пол хор.

Существенно, что во многих местах фасады сохранили штукатурку со следами охристой покраски; изначальность этой штукатурки доказывается примыканием к ней последовательно пристраивавшихся частей комплекса (например, северной капеллы и западного притвора).

Особого внимания заслуживает производство плинфы — основного материала постройки. Она изготовлялась в деревянных разъемных формах; постоянны следы уминавших глину пальцев у краев постели и нависающая губа у закраин. На бортах часты отпечатки мешковины, на постелях — листьев ольхи или орешника.

На бортах стеновой плинфы — выпуклые знаки буквенного, цифрового, геометрического или орнаментального характера (рис. 7а). Единичны плинфы с двумя разными знаками на смежных или противоположных ребрах. Число вариантов знаков около 200. Наблюдается некоторая закономерность в топографии знаков на плинфе стен; так, северная капелла сложена почти исключительно из плинфы со значком в виде лежащей буквы Ф. Клейм, одиночно оттиснутых печаткой на постелях плинфы и известных по образцам из ряда памятников Смоленска¹⁰, почти не встречено, но зато найдены образцы, сплошь усеянные треугольными, округлыми или прямоугольными клеймами, что делает их похожими на нарядные набочные доски (рис. 7, б).

Особенно интересны плинфы с граффити, сделанными по сырцу. Следом за замечательным рисунком — головкой «княжича» из раскопок Д. А. Авдусина¹¹ — появились новые образцы «автографов» смоленских

⁸ Ср. аналогичный прием в архитектуре Новгорода XII—XIII вв. (Т. В. Гладенко и др. Архитектура Новгорода в свете последних исследований. «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, стр. 196 и др.).

⁹ М. Полесский-Щепило. Указ. соч., стр. 10.

¹⁰ И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. «Научные известия Смоленского гос. университета», т. V, вып. 3, 1929, чертежи 58—80; И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, 1907, стр. 294; С. П. Писарев. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, вклейка к стр. 383; Д. А. Авдусин. Указ. соч., рис. 6.

¹¹ Д. А. Авдусин. Указ. соч., стр. 234.

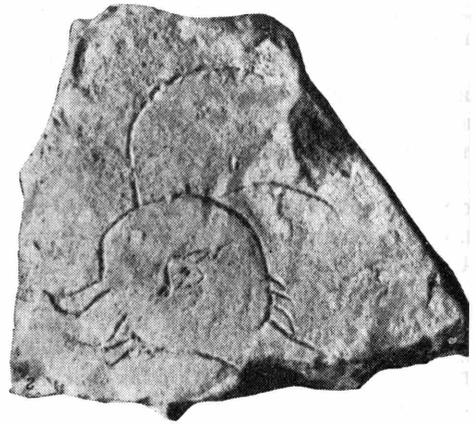
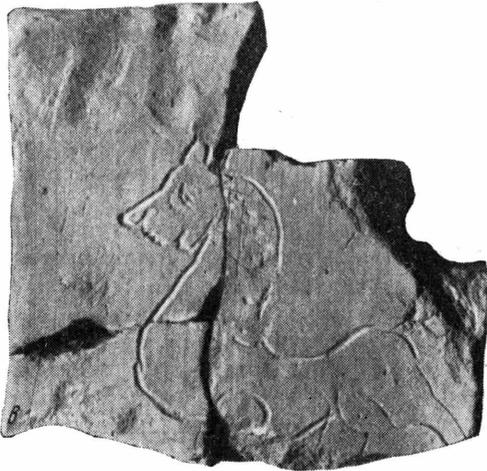
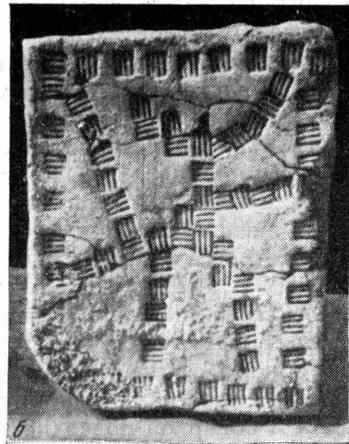
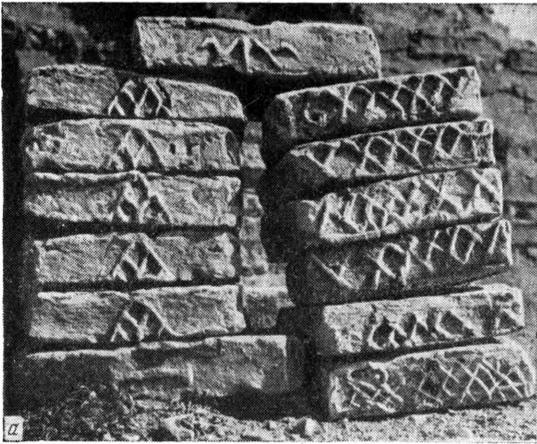

Рис. 7. Знаки на торцах плинф (а); плинфа с узором из клейм (б), плинфы с граффити (в и г)

кирпичников, их непрофессиональные рисунки: это зверь-конек, голова лысого черта или птицы (рис. 7, в и г) и т. д. Есть также хорошо прорисованные отдельные буквы, изображение звезды, орнаментальные опыты в виде решетки в раме и пр. Серия подобных находок свидетельствует о народном интересе к искусству.

В 157 м к юго-западу от храма был вскрыт уникальный производственный комплекс — кирпичеобжигательная печь, которая в числе других, видимо, и поставляла материал для его стройки (рис. 8). Она встроена в песчаный северный склон высот, поднимающихся к Ю от храма (нулевая отметка печи выше отметки храма на 7,69 м). Почти круглый в плане корпус печи диаметром около 4 м сложен из сырцового кирпича. Топочное отверстие сделано с пониженной северной стороны склона. Внутри печь разделена параллельными кирпичными стенками с арочными проемами центрального топочного канала, откуда жар через щели меж стенок шел в загруженную сырцом верхнюю камеру. Об ее высоте и объеме мы судить не можем, так как ее стенки сохранились фрагментарно. Печь стояла на месте и на основании двух таких же круглых и той же конструктивной системы предшествующих печей, которые, видимо, быстро выходили из строя, разрушались и возобновлялись.

Рис. 8. Печь для обжига плинфы:

Вид с севера после разборки перемычек III печи, слева видны основания перемычек II печи, в середине — лоток топочного канала, на заднем плане перемычка с аркой III печи

IV

Изученный нами архитектурный комплекс не менее драгоценен остатками монументальной росписи, сохранившейся на стенах и насыщавшей тысячами несоединимых обломков щебневую толщу руин.

Естественно, что при большой разрушенности кладок остались главным образом нижние декоративные части росписи двух видов: 1) ряды белых платов или завес с желтыми складками, коричневой, черной и оранжевой каймой по краю с узором из черных «процветших крестов» разнообразных причудливых форм (рис. 9); 2) подражание мраморным облицовкам низа стен и инкрустации цветного камня (политития). Они ограничивались сверху красно-коричневой полосой, составлявшей обрамление вышерасположенных фигур и композиций. Оба вида орнамента применялись осмысленно: так, в алтарной апсиде пояс коротких платов огибает стену в границах синтрона, а за его пределами написаны симметричные панели геометрической «облицовки». В числе ее мотивов для заполнения узких полос (например, косяков порталов и закрестий столбов) мастера особенно любили применять орнамент из чередующихся красных, оранжевых, коричневых, желтых, зеленых и черных волнистых полос на белом фоне — передававший, видимо, «моромор красный разноличный» (М. Щепило удачно назвал этот орнамент «струйчатым»). Часть стен имела гладкие одноцветные панели, например оранжевая окраска выходящих в галереи северной и западной стен храма.

Заслуживает особого упоминания декоративная роспись, подражающая мотивам дорогих импортных тканей. На простенке меж алтарными нишами

Рис. 9. Роспись северо-восточного столба — «платы»

южной галереи художник репродуцировал подобную византийскую шелковую ткань XII в. с парными птицами у «древа жизни» в переплетающихся с малыми большими узорчатыми кругах¹² (рис. 10). Подлинная ткань одноцветна, рисунок передан чередованием блестящих и притушенных матовых плоскостей; но смоленский художник сделал ее полихромной¹³. Второй раз подобный, явно текстильный круговой орнамент, исполненный светлым контуром по черной основе (держащие копьевидный крест парные львы в малых кругах; в больших, — видимо, цветок), художник поместил на восточной грани юго-западного столба.

Юго-западный угол храма вообще необычайно своеобразен в отношении живописного убранства. На западной грани столба помещены два крупных зверя (льва?) спиной друг к другу по сторонам древа (расцветка сохранилась плохо, головы утрачены). Вместе с львиной «гербовой» тканью эта пара львов подчеркивает особую торжественность юго-западного угла храма. Вспомним, что здесь на своде хор должна была размещаться финальная сцена «Страшного суда» — рай, что погребение в этом

¹² O. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1936, рис. 201, 202, 203; стр. 27.

¹³ Исследовавший фрагменты под микроскопом В. М. Соколовский установил следующую первоначальную расцветку: фон круга — зелено-серый, птицы и древо — темно-красные, детали птиц написаны густыми белилами по черному цвету, контуры фигур и древа белые. Обрамляющий композицию круг — белый с черным орнаментом. Изображения в малых кругах не определены, фон здесь темно-красный. Ромбовидные промежутки меж кругов — черные с неопределенным белым орнаментом.

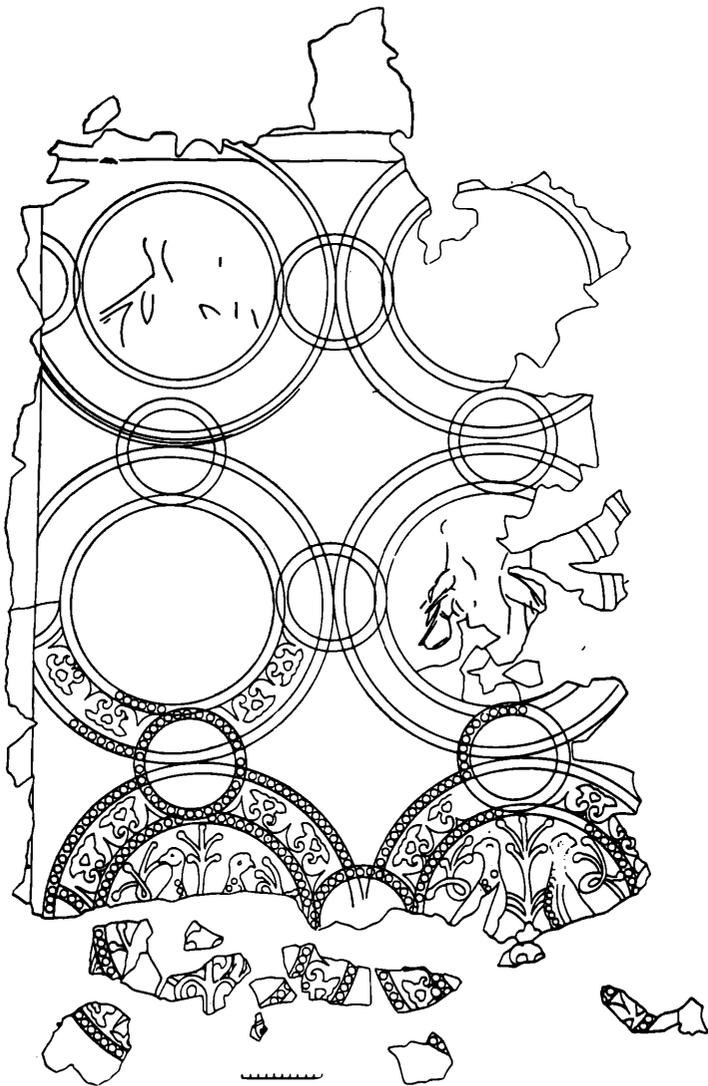

Рис. 10. Орнаментальная роспись, подражающая византийской ткани XII в. Прорись по натуре

углу было особенно почетным. В этой связи интересна необычайно свободно сделанная по общей ографке эффектная роспись лицевых стенок и покрытий второго с запада аркосолия южной стены ярусами парных погрудных изображений коричневых птиц по сторонам плодоносящего дерева; головы птиц киноварно-красные, в клювах кокетливо зажата ветка с ягодкой (рис. 11). Остатки подобного «птичьего орнамента» (здесь фигуры птиц целые) прослежены у гробницы к В от южного портала. Эти мотивы находят аналогию в арабской ткани X—XI вв.¹⁴ Невольно вспоминаются слова «Поучения» Владимира Мономаха, дивящегося, как «птица небесная изъ ирья (рая) идут... по всем землям божиемъ повеленьемъ да наполняются леси и поля...»¹⁵. «Птичий орнамент» подобно ткани облакал и «покрытие»

¹⁴ A. Venturi. Storia dell'arte Italiana, v. II. Milano, 1902, fig. 357.

¹⁵ ПСРЛ, т. I (1926). стб. 244.

гробницы. Рядом совершенно несохранившийся угловой аркосолий западной стены был декорирован также подобным ткани узором из черных процветших крестов фантастической формы, чередующихся по диагонали с киноварно-красными цветами — «гвоздиками» — на белом фоне. Этот узор

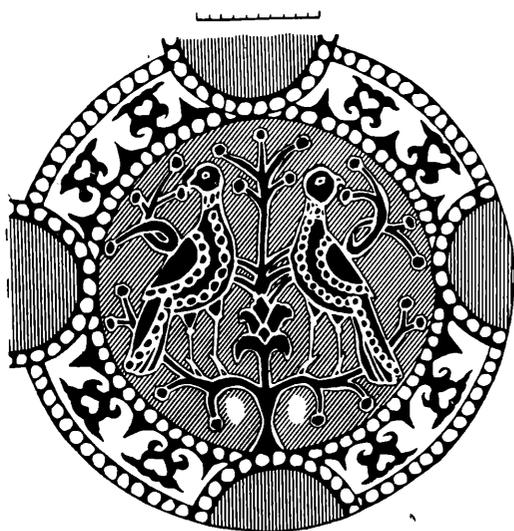

Рис. 11. Реконструкция художника-реставратора В. М. Соколовского орнаментальной росписи Смоленского храма

написан очень свободно по диагональной разграфке, дававшей лишь «канву» композиции. По своей контрастной расцветке этот узор хорошо гармонирует со смежным «птичьим орнаментом».

Любовь мастеров и заказчиков к красочной цветистости и нарядности росписи сказалась в обилии ярких крупных орнаментов. Так, белые откосы окон галерей оплетал монументальный узор — сочные желтые или фиолетово-розовые побеги с голубыми и розовыми цветами. Арочные обрамления вокруг фигур святых украшал аканфовый узор разнообразной расцветки. В верхних частях храма применяли крупную плетенку на белом фоне, напоминающую книжный орнамент.

Роспись в целом характеризовалась красочной звонкостью. Примечательны фоны: ярко-синие ультрамариновой силы и киноварно-красные, напоминающие пламенные фоны новгородских икон несколько более поздней поры. Красочными и разнообразными были одежды святых — фиолетовые с яркими «пробелами», малиновые с зелеными, синими и белыми складками и др. Следует подчеркнуть техническое своеобразие росписи, сочетающей фресковую технику с обильной темперной детализировкой изображения, играющей здесь очень большую роль, сообщающей росписи пастозность и усиливающей звонкость ее цвета.

Сохранившиеся *in situ* фрагменты сюжетной росписи связаны преимущественно с погребальными аркосолиями. Таковы две трехфигурные композиции деисусного типа над западными гробницами у южной стены храма, сохранившие в основном лишь фресковую цветовую основу. Фрагменты фигур были около северного портала рядом с погребениями за его пологом. Несравненно лучше сохранила свою мрачноватую гамму, но почти утратила лики, композиция в пятом с запада аркосолии северной галереи: в центре — Иоанн Предтеча со свитком с надписью «се агнец божий», по сторонам его по три фигуры святых, может быть, патронов семьи погребенного¹⁶. Пятифигурный деисус украшал аркосолий в западной стене храма; композиция типа «моления» была на западной стене и над этими аркосолиями¹⁷.

Лучше сохранилась роспись жертвенника. В центре апсиды над поясом платов уцелела нижняя часть композиции: Христос с босыми ногами, в темно-синей и охряной одежде на желтом троне. Слева у трона предстоящая мужская фигура в желтой одежде и красных, шитых жемчугом сапожках; справа — аналогичная левой также мужская фигура в темной одежде

¹⁶ Репродукцию см.: Н. Воронин. Смоленская живопись XII в. «Творчество», 1963, № 9.

¹⁷ М. Полесский-Щепило. Указ. соч., стр. 31.

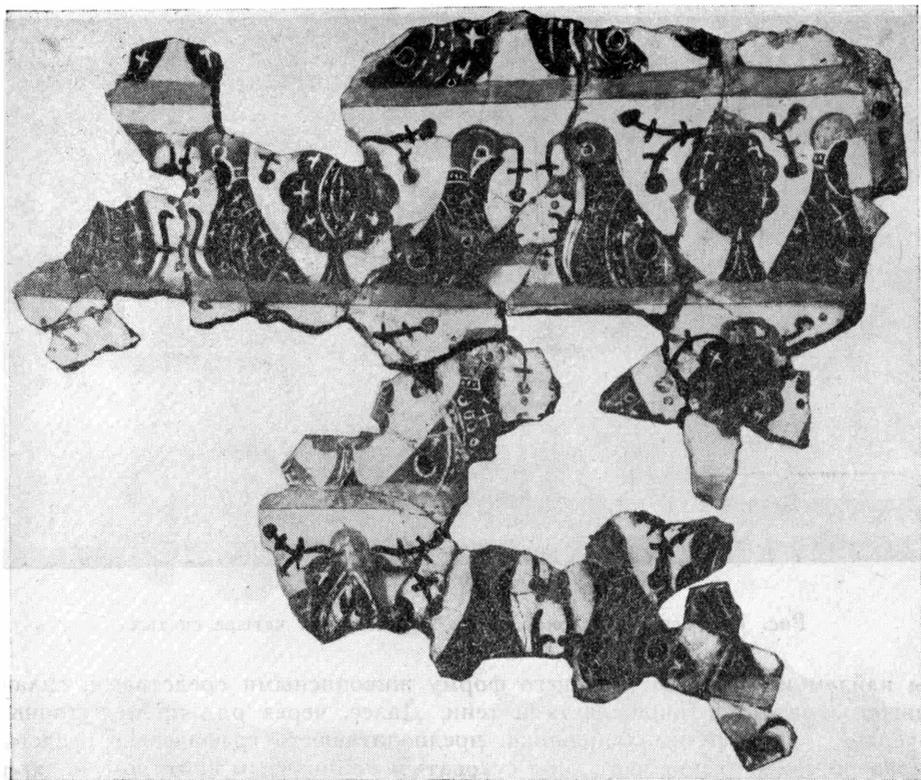

Рис. 12. Орнаментальная роспись, подражающая арабской ткани X—XI вв.

и красных сапожках. Композицию замыкали по сторонам высокие желтые подсвечники или колонны сени-кивория, сохранился низ левой — витой, с коричневой прорисовкой, зелено-розовыми притенениями и струйчатым орнаментом. Возможно, что это была ктиторская фреска, изображавшая предстоящего Христу князя — строителя храма. На северной стенке, в уровне центральной сцены, — четыре поясных святых на синем фоне (рис. 12): слева два в белых одеждах юных святых с прекрасно написанными курчавыми головами на крепких шеях и изящными руками; третья — женская поясная фигура в красной одежде с белым крестом в руке (вероятно, Параскева-Пятница); ряд замыкает четвертое изображение молодого святого в белой одежде и красном плаще с широкой «золотой» узорчатой каймой по краю. Сохранившие главным образом лишь фресковую основу одежд, эти фигуры выглядят несколько «призрачно». Любопытно, что первоначальная разметка фигур, сделанная охряным контуром, была нарушена живописцем, сдвинувшим фигуры. Головы юных святых с охряной моделировкой по темно-зеленой основе кажутся отлитыми из мерцающей бликами бронзы. На западной части южной стены жертвенника справа от ниши сохранилась одна из лучших фресок — поясной Никола с книгой в левой руке и уцелевшей надписью по бокам нимба: АΓΙΟΣ ΝΙΚΟΛΑΕ; в правом нижнем углу интересное граффити, упоминающее «русальную неделю». Рядом, на западном торце южного простенка, сохранились босые ноги двух фигур (пустынников?) на зеленом «поземе».

Таковы главные сохранившиеся на стенах части росписи.

Среди многочисленных обломков росписи особенно драгоценны части ликов, говорящие о разнообразии творческих почерков художников. Здесь

Рис. 13. Роспись северной стены жертвенника: четыре святых

мы найдем и мастера, лепившего форму живописными средствами, сплавлявшего градации тонов, света и тени. Далее, через ряд промежуточных почерков, мы встретим художника, предпочитавшего графические средства выражения, выявление черт лица суховатым коричневым контуром по охряной основе. Некоторые лики наделены живой человеческой красотой и как бы индивидуальной характеристикой. Таковы лики молодого святого с болезненным румянцем на худых щеках и пристальным взглядом или фрагмент головы старца с юношески розовыми губами (рис. 13); таков близкий этому фрагменту Никола из жертвенника с живой лепкой строгого лика и т. п. Масштабы фрагментов свидетельствуют, что при очень крупных размерах храма роспись характеризовалась, по крайней мере в ее нижних частях, обилием небольших фигур, что позволяет предположить некоторое развитие в росписи повествовательного начала. Для росписи (особенно в галереях) характерно множество крупных надписей не только имен святых, но и каких-то пространных, к сожалению невосстановимых, текстов, явно рассчитанных на грамотность молящихся.

С фресковой же росписью связана серия интереснейших граффити. Обломки одного из них представляют схватку двух воинов с миндалевидными щитами. Особенно хорош горбоносый профиль правого воина в шлеме. Но подлинной жемчужиной является большая надпись, собранная Л. С. Китицыной по кусочкам около западной гробницы у южной стены храма. Содержание надписи — заклятие «врагов-игуменов» и некоего Климяты — было справедливо связано Б. А. Рыбаковым с историей смоленского вольнодумца XII—XIII вв. священника Авраамия¹⁸. Исследователи «Жития» Авраамия относят гонения на него к первому десятилетию XIII в.¹⁹ Запись по своей графике не противоречит этой дате. Она свидетельствует, что власти монастыря («дом великий»), храм которого мы вскрывали, стояли на стороне Авраамия и подвергались преследованию

¹⁸ Подробнее о граффити см.: Н. Н. Воронин. Смоленские граффити. СА, 1964, № 2, стр. 171—178; Б. А. Рыбаков. Смоленская надпись XIII в. о «врагах-игуменах», стр. 179 и сл.

¹⁹ Н. Н. Редков. Преподобный Авраамий смоленский и его житие. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, 1909, стр. 8—10; С. П. Розанов. Жития преп. Авраамия смоленского и служба ему СПб., 1912.

а

б

в

Рис. 14. Фрагменты ликов (копии художника *Е. С. Трошкиной*)

его противников «врагов-игуменов», стремившихся «истощить» монастырь. Возможно, что отсутствие росписи в капеллах-усыпальницах является результатом этого оскудения. Кто был Климьята, мы не знаем, но любопытно, что смоленский епископ Лазарь, державший еще до епископства сторону Авраамия (по словам «Жития»), покинул в 1219 г. кафедру «за многое обидение святых церквей, иже обидят и властели, отъимающе чюжая бес правды и обидящих вдовица и сироты...» Возможно, что Климьята был каким-либо административным лицом, участвовавшим в «истощении» «великого дома» на Рачевке. Вспомним, что в начале XIII в. на северо-востоке Руси завязывается борьба светских феодалов с епископами и монастырями. Два другие граффити скорее всего связаны с первым и содержат одно — имя Авраамия, а другое — Никифора и Константина. Соблазнительно видеть в последних имена двух учеников Авраамия, подвергшихся вместе с ним гонению.

V

Подытожим высказанное и дадим первичную оценку изученного памятника.

Прежде всего несколько слов об его общей композиции. Наличие осадочных швов между его частями — храмом и нартексом, нартексом и притвором, храмом и галереями, галереями и угловыми капеллами, а также различная толщина стен этих слагаемых комплекса свидетельствуют о различии их объема и веса, а следовательно, о сложной ступенчато-ярусной композиции здания. Господствующим объемом был самый храм. Отсутствие внутренних стенных лопаток, обычно сопутствующее системе ступенчато-повышенных подпружных арок, позволяет допустить повышенный постамент под барабаном главы. Нартекс (западная галерея), приложенный к храму со швом, был ниже его; естественно, еще ниже был небольшой западный притвор. Высота галерей определяется упавшей южной стеной. Как соотносились размеры капелл с галереями, сказать точно трудно. Нельзя снова не вспомнить смоленский храм Михаила архангела, где ярусность и ступенчатость объема выражены еще более ярко. Наш памятник более сложен. Уникальной его особенностью являются прямоугольные апсиды храма и северной капеллы, имеющие одну параллель в малой церкви Бельчицкого монастыря XII в. под Полоцком²⁰. Нужно отметить особое внимание зодчих к западному фасаду здания, обращенному к пути из города, восточный же фасад, смотревший в поле, был проще и беднее.

Храм на Рачевке выделяется из среды своих современников и своими крупными размерами. Если сравнить его четырехстолпную основу с другими храмами Смоленска, то получим следующие цифры (в наружных размерах в метрах): церковь Петра и Павла — 14×19; церковь Иоанна Богослова — 16,20×20,0; храм на Рачевке — 18,20×24,0. Близкий по типу большой храм с галереями Борисоглебского монастыря на Смядыни также меньше храма на Рачевке: основа шестистолпного храма на Смядыни — 18,30×25,80; основа храма на Рачевке с нартексом — 18,20×29,60. Соответственно ширина храма с галереями: Смядынь — 20,50; храм на Рачевке — 31,25, а с боковыми капеллами — 46,60 м. Следует напомнить, что церковь Иоанна Богослова имела галереи-усыпальницы.

Вся совокупность изложенных данных позволяет утверждать, что памятник принадлежит концу XII в. Скорее всего он был построен в княжение Давида Ростиславича (1186—1197); некоторые его архитектурные и технические особенности находят подобие в церкви Ивана Богослова 70-х годов XII в.; его роспись сближается с фресками Георгия в Старой

²⁰ Н. Н. Воронин. Бельчицкие руины. «Архитектурное наследство», вып. 6. М., 1956, стр. 12.

Ладоге и Нередицы конца XII в.; граффити с закланием «врагов-игуменов» сделано по росписи гробницы у южной стены храма в первом десятилетии XIII в.

Памятник занимает в истории русского искусства видное место. Как его архитектура, так и роспись как бы обращены вперед. Сложная архитектурная композиция, основанная на принципе живописной комбинации соподчиненных объемов, развивает идеи церкви Михаила архангела 1191—1194 гг. в сторону форм позднейшего выдающегося памятника — псковского Троицкого собора XIV в., созданного мастером Кириллом²¹. Наличие, хотя и отрывочные, данные о монументальной росписи памятника свидетельствуют, что исполнявшая ее артель мастеров была не менее богата творческими индивидуальностями, чем новгородские артели художников Нередицы и Старой Ладоги. Смоленские живописцы обнаруживают ту же любовь к цветистости и узорчатости ансамбля, идя в направлении повышенной узорчатости фресок Суздальского собора XIII в. Широкие, просторные и светлые галереи храма с их обильной надписями красочной живописью, хотя и несли функции усыпальницы, не могут не напомнить позднейших галерей ярославских купеческих храмов XVII столетия. Все это — симптомы роста национальных, народных начал в искусстве, кристаллизующихся в передовых городских центрах XII—XIII вв. и исподволь подготавливающих слияние областного многообразия в едином потоке национального искусства XV—XVII вв.²² В то же время новый памятник смоленской художественной культуры всем своим обликом теснейшим образом связан с кипучей жизнью крупнейшего торгового и ремесленного центра XII—XIII вв. Смоленска, раннего очага городских движений и вольнодумства Авраамия, в атмосфере которых развивалось творчество зодчих и художников. Новый памятник — драгоценный исторический источник.

Храм разрушился не в пору осады Смоленска в начале XVII в., как это предполагал Полесский-Щепило²³, но гораздо раньше. Он просуществовал очень недолго и погиб в результате особых причин. В ряде мест здания обнаружены глубокие провалы фундамента, вызвавшие трещины и осадку его стен. Эта осадка была вызвана, видимо, сильными деформациями геологических слоев грунта. Храм был построен на равнинном берегу Днепра, куда с юга и востока спускались склоны береговых высот. С них в сторону здания устремлялись потоки внешних снеговых и летних ливневых вод, вымывавших пустоты в грунте, куда и садились сухие и мелкие булыжные фундаменты и сложенные на глине нижние части плинфяных стен. Эти бреши и прослежены главным образом в юго-восточных частях здания. Процесс разрушения протекал быстро и шел с юга на север. Южная галерея завалилась на север внутрь, храм частью внутрь, частью к С на северную галерею, где прослежены крупные блоки его стены, северная галерея упала наружу к северу.

В руинах галерей вскоре начались погребения, частью отмеченные крупными надгробными валунами, частью без них. Положение костяков такое же, как и в аркосолиях галерей; вещей при костяках также нет. Только в разрушенном, стратиграфически позднем детском погребении № 2 в руинах южной галереи найден литой бронзовый крест, датируемый в пределах XIII—XV вв.²⁴, а у головы погребения № 24 в руинах северной галереи был найден разбитый горшок XIV—XV вв.²⁵ Все эти данные подтверждают раннюю дату разрушения комплекса.

²¹ Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества, стр. 302 и сл.

²² Там же, стр. 316.

²³ М. Полесский-Щепило. Указ. соч., стр. 20 и 31.

²⁴ Точно такой же крест, датируемый XIV—XV вв., см.: Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, стр. 27, табл. XII, № 140.

²⁵ В таком же горшке был найден в Смоленске клад польских монет XIV в. Сообщено Е. А. Шмидт.

Е. Г. ШЕЙНИНА

МЕТОДИКА СНЯТИЯ СТЕННЫХ РОСПИСЕЙ ХРАМА XII в.
В СМОЛЕНСКЕ

В 1962—1963 гг. группа сотрудников мастерской реставрации росписей Государственного Эрмитажа провела работу по закреплению и снятию росписей со стен храма XII в. в Смоленске¹. За два сезона работ (всего 2,5 месяца) было снято и вывезено в Эрмитаж около 40 м² росписей, не считая большого количества мелких фрагментов, вынутых из завала. Были сняты: росписи северной апсиды — орнаментальный пояс высотой до 1,6 м, протяженностью 14 м с изображением плата с процветшими крестами и несколько фигурных композиций, расположенных выше; в центральной апсиде — два больших фрагмента панели с орнаментами из кругов и ромбов; очень хорошей сохранности орнамент на северо-восточном столбе и сильно поврежденные, но очень интересные по тематике, росписи юго-западного столба; композиции из трех аркосолий, орнаментальные росписи гробниц, роспись откосов окна упавшей стены и др. (рис. 15).

Снятые со стен росписи исполнены по однослойной известковой штукатурке, которая, таким образом, одновременно является грунтом для живописи. Толщина штукатурки колеблется от 10 до 25 мм; по структуре она среднезернистая, с частыми включениями мелких кусочков угля. Среди фрагментов, упавших с верхних частей здания и найденных в завале, встречаются такие, где можно проследить и второй слой (толщиной около 5 мм) — собственно грунт. Оба слоя одинаковы по составу и так плотно соединены, что линия их стыка с трудом различается².

О технике выполнения росписей пока можно судить лишь предположительно, тем более, что на различных участках здания эта техника далеко не одинакова. По сырой штукатурке с помощью графьи производилась предварительная разметка композиций — основные горизонтальные и вертикальные членения и нимбы. Первоначальный грубый рисунок красной или желтой охрой и некоторые основные тона одежды были выполнены жидко разведенными красками также по сырой штукатурке. Краски эти прочно связаны с грунтом и совершенно не размываются водой. Остальные слои большей частью пастозные, с ясно видимыми мазками. Верхние слои краски иногда отслаиваются в виде чешуек; на местах утрат видны четкие границы между слоями. Многие краски верхних прописок размываются водой.

¹ Раскопки проводились Смоленской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством Н. Н. Воронина. Снятие живописи в 1962 г. вели реставраторы П. И. Костров, Е. Г. Шейнина, Т. В. Коваленко; в 1963 г. — Е. Г. Шейнина, Т. В. Коваленко, В. М. Соколовский, Н. И. Ростовцева.

² Четко выраженные и легко отделяющиеся друг от друга два слоя грунта были обнаружены лишь в одном случае — на упавшем сверху блоке стены в северной галерее.

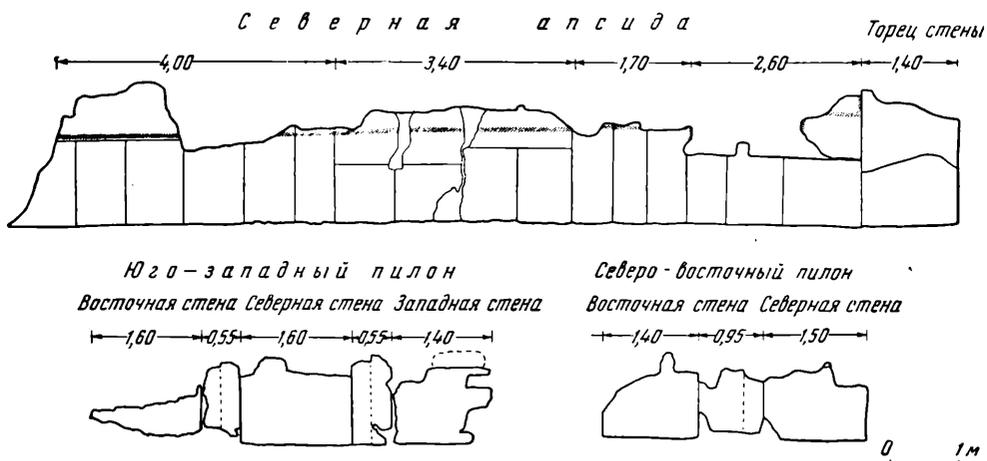

Рис. 15. Схема расположения фрагментов росписей, снятых со стен в 1963 г. (развертка)

Можно предположить, что работу по росписи храма начинали по сырой штукатурке в технике чистой фрески, а продолжали ее уже по подсохшей или даже совсем сухой штукатурке. Только тщательное дальнейшее обследование всех обнаруженных росписей поможет установить систему выполнения живописи³.

Краски применялись в основном минеральные: желтые, красные, коричневые, зеленые — натуральные железные, синяя — ультрамарин, черная — уголь, белая — известь⁴.

Сохранность красочного слоя различная. Меньше всего пострадали краски на фрагментах, упавших со стен и найденных в завале. На некоторых ликах уцелели даже верхние прописки. На стенах лучше сохранились сгруппированные нижние участки. Из орнаментальных композиций в лучшем состоянии находятся те, которые написаны на белом фоне: платы с черными и красными крестами, а также так называемый струйчатый орнамент. На фигурных композициях лица и руки сохранились лучше, чем одежда.

Сохранность штукатурки на стенах здания также была различной. На немногих участках (верхние фрагменты центральной части северной апсиды, северо-восточный столб) штукатурка почти не имела трещин и сцепление ее с кирпичной кладкой было прочным. Значительно чаще штукатурку пронизывали многочисленные сквозные трещины, связь со стеной была неодинаковой — отставшие участки перемежались с плотно державшимися (панель северной апсиды). Во многих местах (центральная апсида, юго-западный столб, южная и северная стены храма) штукатурка была настолько раздроблена, что состояла из отдельных мелких кусков, иногда сильно смещенных по рисунку, которые удерживались на стене только завалом земли. Кроме того, громадное количество мелких фрагментов штукатурки с живописью, упавших со стен и сводов, лежало в завале. Из-за длительного пребывания в сырых условиях вся штукатурка была очень непрочной.

Способы снятия фресок со стен, применявшиеся как в Советском Союзе, так и за рубежом, в основном рассчитаны на работу в нормальных сухих

³ Техника выполнения русских монументальных росписей X—XIII вв. до настоящего времени еще не окончательно выяснена (см., например, Ю. Н. Дмитриев. Заметки по технике русских стенных росписей X—XII вв. «Ежегодник института истории искусств». М., 1954, стр. 238).

⁴ Анализы пигментов выполнены химиком Государственного Эрмитажа И. Л. Ногид.

условиях и большей частью при хорошей сохранности штукатурки⁵. В археологических раскопках в Смоленске при сильной сырости, насыщенности стен здания влагой и раздробленной хрупкой штукатурке использовать эти способы было невозможно прежде всего потому, что в основе их лежит применение водных клеев. В условиях повышенной влажности водные клеи совершенно не схватываются. Кроме того, размываемые красочные слои и сырая хрупкая штукатурка требовали обязательного закрепления, для чего эти клеи также совершенно непригодны. Нами был применен метод реставрации стенных росписей с помощью синтетических смол, используемый в Государственном Эрмитаже уже с 1949 г. Разработанный первоначально для консервации среднеазиатской клеевой живописи на лёссе, он был в дальнейшем применен для целого ряда других материалов, в том числе и фресковой живописи⁶. Этот метод включает в себя весь комплекс работ от закрепления росписей в полевых условиях и снятия их со стен до окончательной обработки в мастерской и экспозиции в музее. При работах в Смоленске методика, естественно, была несколько изменена с учетом специфики материала и условий.

Для закрепления красочного слоя и штукатурки, а также заклейки была применена синтетическая смола полибутилметакрилат (ПБМА). Пропитку вели раствором ПБМА на ксилоле, а заклеюку — раствором ПБМА на смеси ацетона с четыреххлористым углеродом. Добавление четыреххлористого углерода было вызвано тем, что в условиях сильной сырости в ацетоновом растворе происходит выпадение смолы, вследствие чего утрачивается ее клеящая способность. Применение комбинированного раствора в значительной степени устраняет этот недостаток, а в сочетании с прогреванием стены электроотражателями дает достаточную прочность при заклеюке.

Раскрытие и первичная обработка росписей производились по-разному, в зависимости от сохранности. При хорошем состоянии штукатурки и плотном соединении ее со стеной роспись открывали большими участками, очищали от приставших комков завала и корней растений, сушили электроотражателями и закрепляли раствором ПБМА на ксилоле. Для лучшего впитывания раствора обрабатываемый участок закрывали полиэтиленовой пленкой и также прогревали. После четырех-семидневной сушки роспись заклеивали двумя рядами марли также на ПБМА.

Там, где штукатурка слабо связана со стеной, пропитку нельзя было применить из-за длительной сушки. Поэтому приходилось ограничиваться лишь поверхностным закреплением красочного слоя и штукатурки раствором ПБМА на смеси ацетона с четыреххлористым углеродом, но меньшей концентрации, чем для заклеюк. В этом случае заклеюку можно было производить уже через несколько часов.

⁵ Работы по снятию фресок со стен зданий, которые проводились в Советском Союзе на многих памятниках, к сожалению, очень слабо освещены в литературе (см., например, Е. А. Домбровская. О заболеваниях и повреждениях древней фресковой живописи и методах ее реставрации. «Практика реставрационных работ», I. М., 1960, стр. 193). Более широко известны многочисленные работы итальянских реставраторов (L. Tintori. Methodes used in Italy for Detaching Murals. «Recent Advances in Conservations», London, 1963, стр. 118; P. Moga. Some Observation on Mural Paintings. Там же, стр. 123).

⁶ П. И. Костров. Реставрация древней монументальной живописи на лёссовой штукатурке и расписной лёссовой скульптуры. «Доклады советских специалистов на конференции комитета по лабораториям музеев Международного совета музеев». Л., 1963, стр. 49; Е. Г. Шейнина. Применение синтетических смол в реставрации монументальной живописи и некоторых других музейных экспонатов. «Доклады и сообщения на совещании по вопросам консервации и реставрации художественных ценностей». ВДНИАКР, ч. 1. М., 1960, стр. 62; она же. Реставрация фрагмента стеной росписи из Афона. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XII. Л., 1957. P. Kostrov, T. Sheinina. Restoration of Monumental Painting on Loess Plaster using Synthetic Resins. Studies in Conservation, vol. 6, № 2/3, London, 1961, стр. 90.

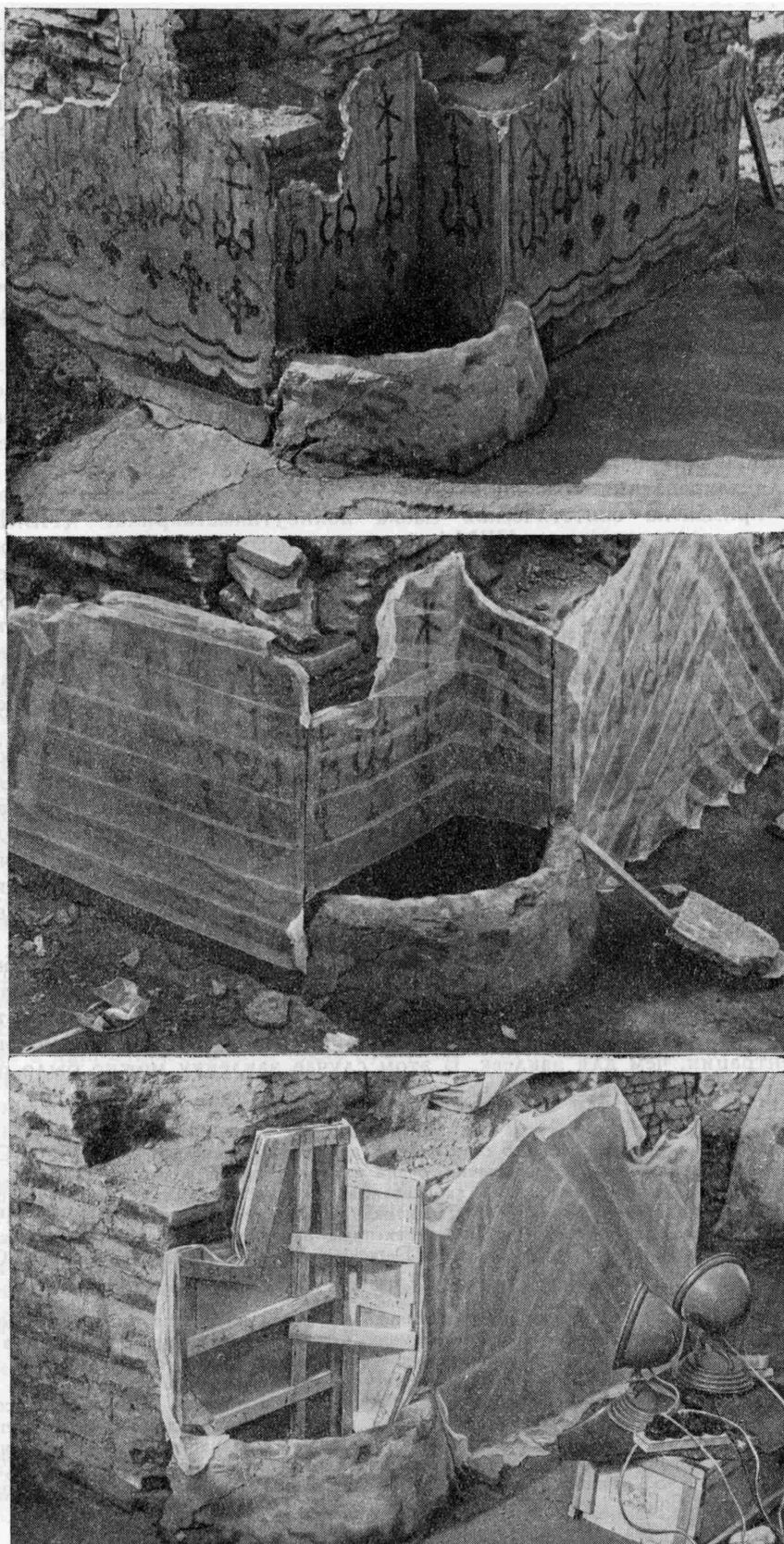

Рис. 16. Этапы снятия росписей на северо-восточном столбе

Гораздо сложнее обстояло дело там, где штукатурка была раздроблена и совершенно утрачена ее связь со стеной. В этом случае раскрытие живописи сопровождалось немедленной заклежкой. Кроме того, для временного прикрепления штукатурки к кладке и скрепления отдельных кусков на период снятия был применен гипс. Этот материал, от которого мы полностью отказались для постоянных монтировок, для этой цели вполне пригоден. Практически работа велась следующим образом: открытую верхнюю кромку штукатурки прикрепляли к кладке ватными тампонами, смоченными в разведенном гипсе. Затем, постепенно обнажали из-под завала роспись небольшими участками (иногда не более 15—20 см высотой) и сразу же, несмотря на сырость, покрывали раствором ПБМА на смеси ацетона с четыреххлористым углеродом. Покрытие раствором ПБМА, помимо закрепления, защищало роспись от случайного загрязнения гипсом. Отдельные куски штукатурки по трещинам скрепляли ватой, смоченной в гипсе. Как только гипс схватывался, этот участок заклеивали широким марлевым бинтом на ПБМА. У верхних и боковых краев росписи концы бинта гипсом же прикрепляли к кладке выше и сбоку росписи. Так, по мере скрепления гипсом отдельных кусков штукатурки и заклейки ее раскрывали участки росписи, попутно ведя заклежку вторым слоем бинтов, но в другом направлении. Такой способ скрепления раздробленной штукатурки позволил снимать фрагменты площадью до 1,5—2 м² и не делить на куски целые композиции.

Границы участков, подлежащих съемке, выбирались таким образом, чтобы они попадали на разрушенные или менее ценные места живописи. Прорезку борозд (шириной 3—3,5 мм) производили скальпелем, иногда пилкой. Перед съемкой росписи со стены к ней приставляли специально изготовленный щит, на котором эта роспись и оставалась после отделения ее от стены (рис. 16). Отделение снимаемых фрагментов проводилось в зависимости от прочности сцепления штукатурки с кладкой. При прочном соединении либо пробивали борозду в кладке, либо разбирали ряд кирпичей, примыкавших к штукатурке; и то и другое обычно лишь на часть высоты снимаемого куска, так как в процессе работы вскоре появлялась щель между штукатуркой и кладкой. При менее прочном соединении штукатурки с кладкой, роспись отжимали от кладки длинными упругими ножами.

После снятия тыльную сторону фрагментов грубо выравняли, спиливая утолщения и выступы, и также закрепляли раствором ПБМА на ксилоле. После сушки тыльную сторону заклеивали двумя рядами марли, также на ПБМА, и роспись упаковывали в специально изготовленные ящики. Неровности и углубления заполняли опилками. В таком виде росписи транспортировались в Эрмитаж.

В мастерской реставрации стенных росписей снятые со стен фрески проходят дальнейшую обработку. Производится окончательное закрепление и расчистка. Самыми трудоемкими процессами являются выправление, укладка по рисунку и склейка отдельных кусков, а также мастиковка всех трещин. Еще более длительна работа по подборке к снятым со стены композициям фрагментов, найденных в завале.

Следующим этапом является монтирование снятых фрагментов на твердую основу. Их укладывают на специально изготовленные из оцинкованного кровельного железа листы на воско-канифольной смеси. Железные листы наглухо прикреплены к деревянным подрамникам. Такой способ монтировки полностью изолирует роспись с тыльной стороны от внешних воздействий, делает ее удобной для хранения и экспозиции и позволяет легко соединять фрагменты в композиции подобно тому, как они были расположены на стене.

Помимо работ по консервации, большой и самостоятельной задачей является реконструктивное восстановление утраченных частей на основании тщательного изучения сохранившейся живописи.

В. П. ДАРКЕВИЧ

ГЕММА ИЗ СМОЛЕНСКА

В 1957 г. при раскопках Д. А. Авдусина на ул. Соболева в Смоленске в слое XII — начала XIV в. была найдена круглая гемма из голубого стекла диаметром 1,9 см¹. На плоской поверхности очень схематично вырезаны три взявшиеся за руки мужские фигурки. Они примерно одинакового роста. Два крайних человечка обращены к среднему. На них широкополые шляпы с плоской тульей, какие носились средневековыми паломниками, к поясу подвешены мечи. Персонажи бородаты. Тонкие туловища с приподнятыми плечами изогнуты назад. Ноги непомерно вытянутые (рис. 17).

Подобные геммы, круглые или овальные, стали привлекать внимание ученых с середины прошлого века. Гемма с «рунами», найденная в 1871 г. в Зондербурге на острове Альзен в Дании, послужила поводом для дискуссии в журнале «Zeitschrift für Ethnologie». Она дала наименование всей группе гемм — *Alsengemmen*. Особенно много их обнаружено между Рейном и Нижней Эльбой на территории древней Фризии (рис. 18). К настоящему времени известно 85 *Alsengemmen*. Они изготовлены из голубоватосерой, изредка зеленой, стеклянной пасты. Геммы различаются по числу бородатых людей, выгравированных на лицевой стороне. Известна одна гемма с четырьмя фигурками, 43 — с тремя, 27 — с двумя и 14 — с одной. В Нидерландах найдено 11 экземпляров, в Германии — 12, Дании — 8, Норвегии — 1, Швеции — 4, России — 2. В ризницах церквей Нидерландов хранится 6 гемм, в германских ризницах — 31. Происхождение остальных гемм из европейских музеев неизвестно².

Смоленская находка принадлежит к самой многочисленной разновидности *Alsengemmen*. Ключом к расшифровке их таинственных идеограмм послужила гемма, найденная в 1862 г. в Ливерен провинции Дренте в Голландии (рис. 19, а). Левая фигурка сидит (виден угол сиденья), к ней направляются три бородатых человека. Над головами персонажей стоят крест и две звезды. Сравнение этой композиции с бронзовыми дисками-амулетами VII—VIII вв. из Рима (рис. 19, б) показывает, что она изображает поклонение Марии с младенцем трех ближневосточных волхвов — Каспара, Мельхиора и Вальтасара. Согласно О. Ф. Гандерту, памятные значки паломников к святыням Рима или Равенны, которые воспроизводят восточные и византийские образцы (в частности, мозаики Равенны), могли распространяться вдоль Рейна до полуязыческой Фризии. Здесь, на

¹ Благодарю Д. А. Авдусина, предоставившего мне вещь для публикации.

² O. F. G a n d e r t. Die Magiergemme von Lieveren (Prov. Drente) als Schlüssel zur Frage der Alengemmen. «Palaeohistoria» v. III. Groningen, 1954, стр. 246.

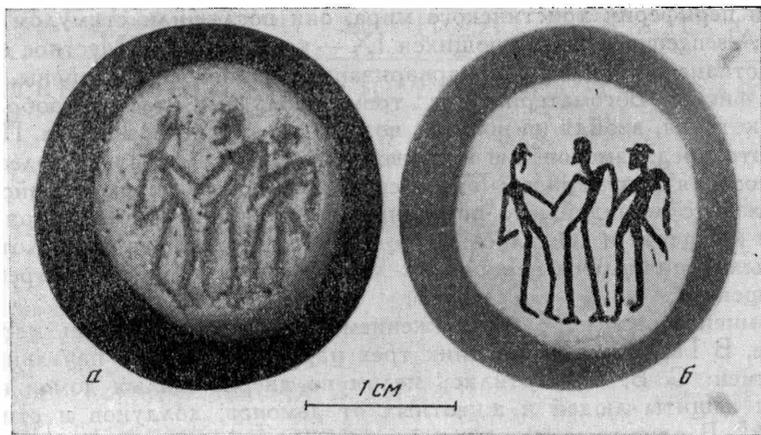

Рис. 17. Гемма из Смоленска

а — лицевая сторона геммы (фото), б — то же (прорись)

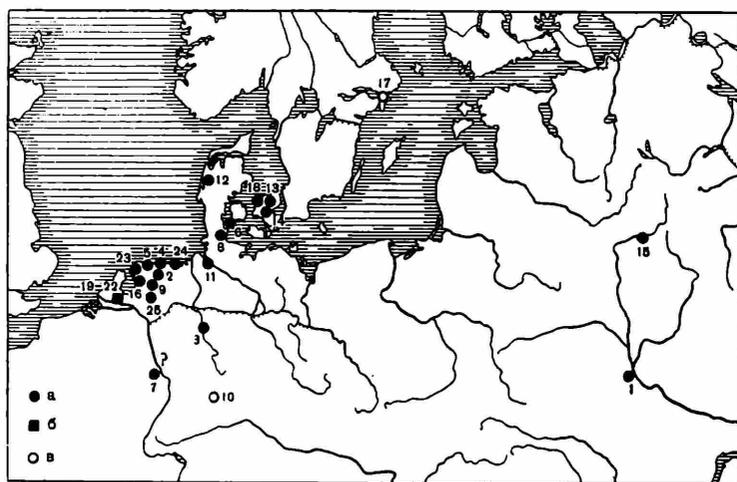

Рис. 18. Распространение Alsengemmen

1 — Белгород; 2 — Бирлар; 3 — Бокель, ок. Беверна; 4 — Варффюм; 5 — Гольверд; 6 — Зондербург, о-в Альзен; 7 — Идар; 8 — Клейн-Гладсбрюгге; 9 — Ливерен; 10 — Нюрнберг; 11 — Ольденбург; 12 — Рингкёбинг; 13, 14 — Роскильде; 15 — Смоленск, СССР; 16 — Снеек, пров. Фрисландия, Нидерланды; 17 — Стокгольм, Швеция; 18 — Тис-Сё, ок. Калундборга, о-в Зеландия; 19—22 — Утрехт; 23 — Франекер; 24 — между Аурихом и Эмденом; 25 — Энсхеде. Условные обозначения: а — места находок Alsengemmen; б — Alsengemmen на предметах церковной утвари; в — локализация неточная

Рис. 19. Гемма из Ливорна и ее прототипы

а — гемма из Ливорна; б — диски-амулеты, найденные в Риме

северной периферии христианского мира, они послужили стимулом для создания *Alsengemmen*, датирующихся IX — концом X в.³ Местное еще слабое христианство подвергло варваризации иконографию сцены, откуда выпала фигура Богородицы. Над тремя волхвами часто изображалась звезда, которая, взойдя на востоке, возвестила рождение Иисуса. По Евангелию, это предзнаменование и привело восточных магов в Вифлеем. Возможно, особая популярность этого сюжета в христианизующейся Фризии связана с легендой, что по возвращении из Иерусалима цари-волхвы приняли крещение и сделали проповедниками новой религии. Хотя волхвы не были причислены церковью к лику святых, их имена употреблялись при крещении⁴.

Несомненно, геммы с изображением трех волхвов имели магическое значение. В Германии в праздник трех царей (6 января) начальные буквы их имен: С, В, М чертились мелом на дверях жилых домов и конюшен для защиты людей и животных от демонов, колдунов и стихийных бедствий⁵. В одном случае гемма, идентичная смоленской, была снабжена серебряной подвеской с вотивным рисунком человеческого глаза⁶. К помощи трех волхвов звали против эпилепсии.

В средневековье волхвы, совершившие быстрое и успешное путешествие в Вифлеем, считались покровителями путешественников и паломников. О. Ф. Гандерт предполагает, что *Alsengemmen* служили амулетами печатями странствующих купцов. Вместе с потоком фризской прибалтийской торговли они проникали в Скандинавию, северную Германию и в единичных экземплярах далее на восток⁷. При раскопках древнего Белгорода была найдена *Alsengemte* с изображением двух человеческих фигур⁸. Отсутствие гемм к востоку от Эльбы подтверждает основанное на нумизматических данных предположение Н. П. Бауера о непосредственных контактах Фрисландии и Руси. Обе находки гемм в Восточной Европе связаны с днепровской магистралью, по которой западные денарии проникали на юг.

³ О. F. Gandert. Указ. соч., стр. 247—250, рис. 2в, 3в. В Голландии и Германии находим *Alsengemmen* во вторичном использовании — на драгоценной церковной утвари X—XI вв. (О. F. Gandert. Указ. соч., стр. 254).

⁴ L. Réau. *Iconographie de l'art chrétien*. т. II, вып. 2, 1957, стр. 240.

⁵ L. Réau. Указ. соч.

⁶ T. Grohne. *Alte Kostbarkeiten aus dem bremischen Kulturbereich*. Bremen, 1956, стр. 42—44, рис. на табл. IV.

⁷ О. F. Gandert. Указ. соч., стр. 254.

⁸ T. J. Arne. *Alsengemmen aus Russland*. *Wiener Prähistorischen Zeitschrift*, т. III, 1916, стр. 92—94, рис. 1.

А. В. ГАДЛО

ГЛИНЯНАЯ СТАТУЭТКА В СОБРАНИИ
НОВОЧЕРКАССКОГО МУЗЕЯ¹

В 1960 г. в Новочеркасский музей истории донского казачества поступила археологическая коллекция, состоящая из отдельных предметов — памятников разного времени, которые были собраны народным учителем А. Г. Саввиным после сильных ураганных ветров в 1908 г. в урочище Сыпучие пески близ станицы Нижне-Кундрюченской. Из предметов этой коллекции исключительного внимания заслуживает фрагмент небольшой глиняной статуэтки (высота фрагмента 84 мм), представляющей часть человеческой фигурки (рис. 20). Сохранились только верх туловища и голова, покрытая невысокой плоской шапкой, которая по низу опоясана отдельным валиком глины, очевидно, передающим меховую опушку мягкой тульи.

Статуэтка изготовлена без применения штампа. Она вылеплена из отдельных катышей серой песчанистой глины и подвергнута слабому обжигу. Еще до обжига по мягкой глине мастер острым инструментом вырезал рельефные дуги бровей, нос, длинные чуть свисающие вниз усы, губы, аккуратную небольшую бородку. Тем же инструментом он прорезал глаза и подчеркнул глубину рта. Не показал он только уши и волосы. Но, как будет отмечено ниже, отсутствие прически, возможно, не является следствием оплошности мастера.

Не заботясь о передаче деталей одежды, все свое искусство он направил на изображение лица, очевидно стремясь придать ему некоторые портретные черты².

Широкое скуластое уплощенное лицо с выступающими надбровиями на большой крепко посаженной голове, невысокий и очень широкий у основания нос, чуть раскосые глаза, прикрытые тяжелыми верхними веками, полные губы, густые усы, брови, бородка, завершающая оттянутый книзу подбородок — все это придает скульптуре облик монголоида, с некоторыми чертами европеоидности, что соответствует южносибирскому антропологическому типу. Эта антропологическая определенность служит достаточным основанием для того, чтобы ограничить отрезок времени, в который могла быть создана терракота, и соответственно направить поиски аналогий не в сторону античной северопричерноморской, а в сторону раннесредневековой среднеазиатской коропластики.

¹ Доклад на группе славяно-русской археологии ЛОИА 18 февраля 1964 г. Приношу глубокую благодарность заместителю директора по научной части Новочеркасского музея О. Е. Ворониной за разрешение опубликовать памятник и за помощь в работе над ним.

² Лицо фигурки несколько пострадало: слегка отбит нос и выщерблено верхнее веко левого глаза.

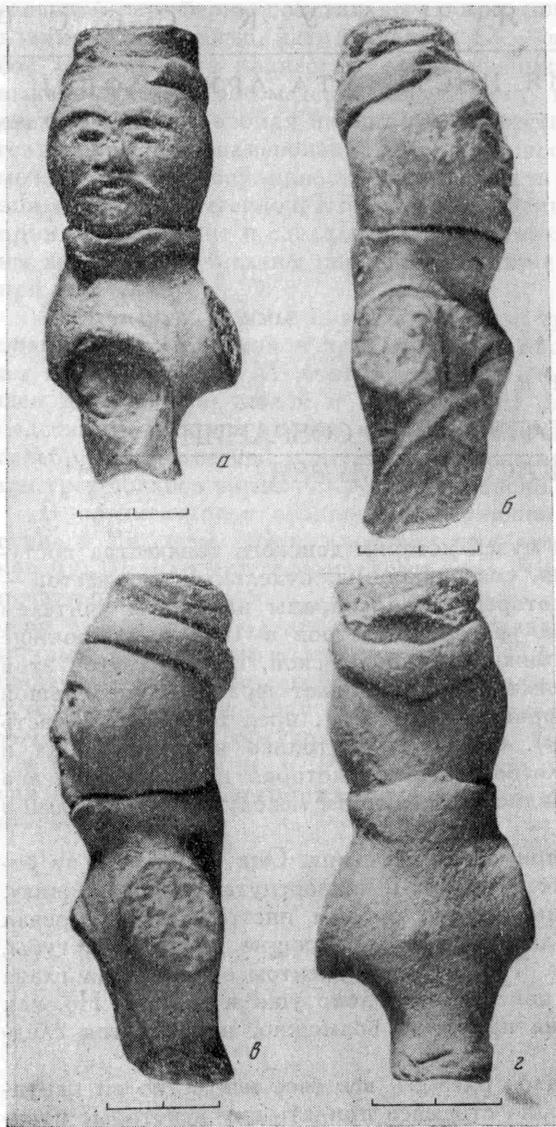

Рис. 20. Терракота Новочеркасского музея:
а — вид спереди; б — вид слева; в — вид справа; г — вид сзади

части фрагмента седловидной выемки, обычной для среднеазиатских терракотовых всадников, посредством которой соединялись лепившиеся отдельно фигурки коня и всадника.

В Приазовье известен один памятник, который кажется возможным сопоставить с нашей терракотой. Это — каменное (известняк) изваяние всадника, найденное в 1904 г. у с. Ново-Яковлевки под г. Бердянском (рис. 21)⁴.

Однако при сравнении нашей фигурки с изделиями коропластов Согда, Хорезма, Хотана и других областей Средней и Центральной Азии обнаруживается полное отсутствие какого-либо художественного родства между ними. Правда, иногда можно найти сходные приемы в изготовлении, что объясняется, скорее всего, одинаковыми составом и качеством материала. Тем не менее, учитывая постоянное соприкосновение народов Южно-русской степи с Востоком, нельзя полностью отрицать вероятность некоторой связи нашей терракоты с древним искусством азиатских коропластов времени тюркской экспансии (VI—VIII вв.). Так, техника «удаления фона», примененная при моделировке лица нашей фигурки, несомненно восходит к технике обработки камня. Она роднит ее с традициями древнетюркской каменной скульптуры и обуславливает иконографическое сходство, главным образом в трактовке лица с тюркскими изваяниями VI—VIII вв. (третья группа, по классификации А. Н. Бернштама)³.

Уцелевшие детали позволяют реконструировать статуэтку как изображение всадника. В этом нас убеждает наличие в нижней

³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1962, стр. 79—81, 143—146.

⁴ ОАК за 1904 г. СПб., 1907, стр. 123—124, рис. 216.

Оба наездника наделены общими антропологическими признаками сходны и их головные уборы, кроме того, следует отметить, что каменный всадник также выполнен в технике «удаления фона»: все его детали переданы рельефом. Обоим всадникам присуще величественное, монументальное спокойствие — черта, указывающая на их смысловое тождество.

Стилистическая близость бердянского изваяния к произведениям салтово-маяцкой художественной металлургии (подвески-амулеты в виде коней с лебедиными шеями или в виде всадников на этих конях) и к графическим изображениям на стенах Маяцкого городища, Дербента, на каменных блоках из Плиски и на кирпичях Саркела, казалось бы, свидетельствует о принадлежности памятника черным болгарам, обитавшим в Приазовье в VIII—X вв.

Рис. 21. Каменное изваяние всадника, найденное под г. Бердянском

Форма седла с высокой передней лукой не противоречит такой датировке. Подобные седла известны с VII в. (Кудыргэ, Бородаевка, Галиат и др.). Только кольчатые удила без псалий, отчетливо видимые на изваянии, не характерны для салтовской культуры, хотя они встречаются в памятниках IX—X вв., при этом иногда вместе с удилами салтовского типа (могильники Бездед, Киш-Добра, Карош в Венгрии)⁵.

Таким образом, и каменного всадника из-под Бердянска и Новочеркасскую фигурку можно предположительно отнести к памятникам салтово-маяцкого круга⁶ и приурочить ко времени наивысшего расцвета в Подонье-Приазовье оседлой земледельческо-скотоводческой культуры, художественные традиции которой восходят к традициям тюркского востока VI—VIII вв. (салтовская графика — писаницы Сулека).

Искусство коропластики не было чуждо носителям салтово-маяцкой культуры. Фрагменты глиняной скульптуры известны из Саркела⁷ и Плиски⁸. В Саркеле была найдена часть терракоты, изображавшей музы-

⁵ J. Hampel. *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn*. Braunschweig, 1905, Bd. III, ff. 354—365, 420, 424.

⁶ Около станицы Нижне-Кундрюченской, где была найдена терракота, известно салтовское селище (см.: И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон. МИА, № 62, 1958, стр. 149).

⁷ М. И. Артамонов. Саркел-Белая. Вежа. МИА, № 62, 1958, стр. 76, рис. 53. Оттуда же происходит лощеный сосуд в форме животного, найденный Н. И. Веселовским (М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, Л., 1935, стр. 23, рис. 9).

⁸ Ст. Станчев. Реалите въерху релефа на Мадарския конник. Сб. «Мараският конник», Изд. БАН. София, 1956, стр. 195—197, рис. 17.

канта, в Плиске — фигурка коня под седлом с высокой лукой, на котором видны следы несохранившейся фигурки наездника.

Расовый тип терракотового всадника не противоречит данным об антропологическом облике населения степного Юго-Востока (Подонья и Приазовья) в период бытования в этом районе салтово-маяцкой археологической культуры. Правда, сравнительное изучение антропологического материала показывает нарастающее преобладание в этой группе признаков европейской расы, но разные серии черепов отражают разные стадии смешения европеоидного и монголоидного типов⁹. Явные признаки монголоидности отмечены были и при изучении черепов могильника Нови Пазар в Болгарии (начало VIII в.)¹⁰.

Интересно, что этот антропологический тип нашел отражение в изделиях художественной металлургии VIII—IX вв. Имеем в виду «болгарского хана» на серебряном кувшине из Надь-Сент-Миклошского клада и фигурки с ритонами в руках на бляшках из Салтовского могильника¹¹.

Трудно представить, чтобы при той тщательности, с которой мастер моделировал лицо фигурки, он упустил случай показать прическу, которая, как известно, в связи с древними верованиями в магическую силу, заключенную в волосах, была всегда предметом особой заботы. Вероятнее другое: либо волосы того лица, которое имел в виду мастер, создавая терракоту, были вовсе острижены, либо его голова была острижена так, что лишь на макушке под шапкой оставалась часть волос. В обоих случаях мы имеем право считать нашего всадника принадлежащим к племени «с остриженными главами». Так характеризует «Именник болгарских ханов» древнеболгарских вождей из рода Дуло. Эта этнографическая деталь отличает болгар от других народов эпохи Великого переселения, которые чаще всего носили длинные волосы, заплетенные в косы или распущенные по плечам¹².

Последнее обстоятельство еще раз подчеркивает связь терракоты с салтово-маяцкими (в частности, болгарскими) древностями VIII—IX вв. Цель настоящей публикации состоит в том, чтобы привлечь внимание к этому интересному и важному для решения этнических проблем Юго-Востока Европейской части СССР памятнику.

⁹ В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Саркела-Белой Вежи и его происхождение. МИА, № 109, 1963, стр. 260—263.

¹⁰ М. Балан и Боев. Антропологични материали от некропола при Нови Пазар. Изв. на археол. инст. на Българска академия на науките. XX, 1955, стр. 347 сл.

¹¹ Тр. XII АС, т. 1, М., 1905, табл. XX, 18, стр. 473.

¹² М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 78—83; он же. История хазар. Л., 1962, стр. 155—156.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

НАХОДКА НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ
ПОД НОВГОРОДОМ

В 1961 г. близ Новгорода в размытом берегу Рюрикова городища (правый берег Волхова) был найден фрагмент фибулы (рис. 22, 2), переданной С. Н. Орловым в Новгородский исторический музей¹. Фибула отлита из желто-красной меди, поверхность ее сильно выщерблена действием почвенных вод. От фибулы сохранилась часть, представляющая собой голову мужчины, ниже которой расположена другая, меньшая голова, по-видимому, животного. На обороте — часть застежного устройства фибулы. Вдоль щек мужской головы и по сторонам головы животного — не счищенные после отливки подтеки металла, проникшего в щели литейной формы. Судя по тому, что обработка фибулы не доведена до конца, она вряд ли была в употреблении. По-видимому, отливка получилась неудачной и была выброшена.

Аналогичная фибула, также фрагментированная, но сохранившаяся лучше и полнее, была найдена В. И. Сизовым в Гнездове (рис. 22, 1)². Гнездовский экземпляр позволяет лучше понять некоторые детали фибулы с Рюрикова городища и восстановить ее недостающие части. На голове мужчины гнездовской фибулы находится головной убор в виде узла плетенки.

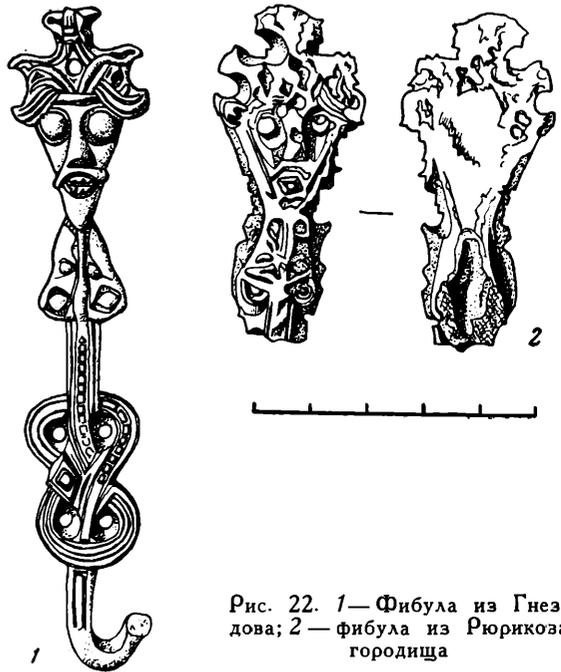

Рис. 22. 1 — Фибула из Гнездова; 2 — фибула из Рюрикова городища

¹ Инв. № 14558/ГР-2. Благодарю С. Н. Орлова за сообщение о находке и за разрешение ее опубликовать.

² В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 42—43, табл. V, 17. К сожалению, в Государственном историческом музее, где хранятся гнездовские материалы раскопок В. И. Сизова, фибула не обнаружена.

Лицо с огромными глазами и крупным носом резко суживается книзу. Под усами — рот с оскаленными зубами. Остальная часть фибулы представляет собой, по-видимому, змею, завязавшуюся восьмеркой. Голова змеи, насколько можно судить по публикации, впилась в подбородок или бороду мужчины. На фибуле Рюрикова городища эта голова оформлена несколько иначе и повернута, по-видимому, в обратную сторону. В остальном же — в размерах, в форме головного убора и в чертах лица — обе фибулы одинаковы. На фибуле Рюрикова городища, правда, нет дырочки, которая просверлена среди плетенки головного убора на гнездовской фибуле. Но отсутствие дырочки естественно: поскольку отливка городищенской фибулы была неудачной, мастер не стал ее дорабатывать. Дырочка была нужна для прикрепления цепочки. Следовательно, фибулу прикалывали не так, как она изображена на рисунке, а головой вниз.

Кроме этих двух экземпляров, фибулы подобного типа в Восточной Европе не известны. Стилистически и по своему сюжету — животное, пожирающее человека, — фибулы близки кругу памятников Скандинавского полуострова X в., но, насколько можно судить, фибулы подобной формы в Скандинавских странах не найдены. Если это верно, то напрашивается предположение о сложении данного типа фибул в Восточной Европе. Находка неудачной и брошенной отливки на Рюриковом городище делает высказанное предположение правдоподобным. Трудно сказать, кем был автор, создавший особый тип фибул нордического облика, — скандинавский литейщик, поселившийся в Приильменье, или местный житель, усвоивший стиль заморских украшений. В любом случае первая находка следов производства на Волхове металлических украшений, выполненных в манере, характерной для искусства скандинавского Севера, является очень интересной³.

³ В этой связи следует упомянуть о находках в Ладоге заготовок для роговых наборных гребенок, аналогичных гребенкам, широко распространенным в IX—X вв. в Европе и, в частности, на Скандинавском полуострове (О. И. Д а в и д а н. Гребни Старой Ладоги. Археологический сборник, вып. IV, Л., 1962, стр. 103—108, рис. 5).

Ю. Л. ЩАПОВА

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

Находки стеклянных браслетов постоянны на всех древнерусских городищах. Они массами встречаются в домонгольских слоях и значительно меньше — в послемонгольских. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют археологические материалы прежде всего Новгорода¹ и Полоцка².

Полоцк был центром большого княжества, на территории которого располагалось много городов³, три из которых изучены археологически: Минск, Друцк и сам Полоцк. Стеклянные браслеты из этих городов изучены с помощью спектрального анализа. Всего изучено 332 браслета (161 — из Друцка, 100 — из Минска, 71 — из Полоцка)⁴. Этого числа определений достаточно для общей характеристики браслетов Полоцкой земли. Возможно решение и двух других проблем: во-первых, сравнение браслетов Полоцкой земли с браслетами киевскими, и, во-вторых, сравнение браслетов городов Полоцкой земли между собой.

На изготовление браслетов употреблено стекло разных составов.

Таблица

Соотношение (в %) браслетов разного состава в городах Полоцкой земли

Город	Pb—Si	Pb—Mg— Ca—Si	K—Pb— —Si	K—Na— Pb—Si	K—Na— Mg—Ca —Si	K—Na—Ca Mg—Si Na—Mg— Ca—Si	Кол-во
Полоцк	36,6	—	52,11	1,41	5,62	4,21	71
Минск	1	—	78,0	—	17	4	100
Друцк	19	8	66,0	—	2	3,8	161
Полоцкая земля (в целом)	17,48	3,91	66,87	0,3	7,53	3,91	332

Браслеты Полоцкой земли заметно отличаются от браслетов киевских. Полоцкие браслеты изготовлены и из калиево-свинцово-кремнеземных стекол и из свинцово-кремнеземных, последние составляют более 20% всего объема. Свинцово-кремнеземное стекло на изготовление браслетов в Киеве употреблялось не более чем один раз в ста случаях.

Это отличие браслетов Полоцкой земли усугубляет и иное, чем в киевских, соотношение цвета и формы. Из 332 браслетов, найденных здесь,

¹ М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. МИА, № 117, 1963.

² Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты Полоцка. ЕА, 1965, № 1.

³ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1965.

⁴ Друцк — раскопки Л. В. Алексеева, Минск — раскопки Э. М. Загорюльского, Полоцк — раскопки М. Г. Митрофанова.

коричневых — 115 экз., что составляет 34,6% от общего числа, фиолетовых — 23 (7%), синих — 70 (21%), зеленых — 73 (22%), бирюзовых — 35 (10,8%), желтых — 16 (4,82%).

Цветовая гамма полоцких браслетов совершенно одинакова с киевскими: постоянно те же шесть цветов. Желтых, коричневых и бирюзовых браслетов в обеих группах примерно равное количество, фиолетовых браслетов в Полоцкой земле много меньше, а синих и зеленых настолько больше, что соответствующие доверительные интервалы киевских и полоцких браслетов не накладываются друг на друга.

Так, в Киевской земле было (в доверительных интервалах): коричневых браслетов 27—33, фиолетовых — 25—31, синих — 11—15, зеленых — 10—14, бирюзовых — 9—13 и желтых — 4—7. В Полоцкой земле: коричневых — 28—40, фиолетовых — 4—11, синих — 16—27, зеленых — 17—28, бирюзовых — 7—16 и желтых — 3—9.

В Полоцкой земле встречаются браслеты тех же форм, что и в Киевской, и даже, как мы видим, типологически абсолютно сходных. Наиболее сходны с киевскими браслеты Минска, близки к ним и браслеты Полоцка. Браслеты же Друцка заметно отличаются набором форм (крученых браслетов в Друцке 68%, а гладких только 28%, 4% браслетов витых и плоских).

В Киевской земле было 40—52% крученых браслетов, 36—48 — гладких, 5—12 — плоских и 2—7% витых. В Полоцкой земле: крученых 51%, гладких — 42,8, плоских — 3,5 и витых — 2,5%.

Итак, браслеты Полоцкой земли обладают определенным своеобразием. Будучи типологически абсолютно сходными с браслетами киевскими, они отличаются от них относительно большим числом браслетов синих и зеленых, значительно меньшим — фиолетовых, при прочих равных характеристиках. Самое большое своеобразие полоцких браслетов в том, что на 20% они изготовлены из свинцово-кремнеземного стекла.

Своеобразие браслетов Полоцка легко объяснить существующим в городе собственным производством браслетов. Именно желтые, зеленые и коричневые браслеты изготавливались в самом Полоцке, что и определило более высокие уровни их показателей.

Друцкие браслеты отличаются от полоцких (городских) преобладанием (до трети каждого) браслетов зеленого и синего цвета. Рассмотрим их специально. Синие браслеты изготовлены из калиево-свинцово-кремнеземного стекла и из стекол $\text{Na} - \text{K} - \text{Ca} - \text{Mg} - \text{Si}$; изделия из него производились в Киеве жившими там греками. Изделия из калиево-свинцово-кремнеземного стекла производились также только в Киеве, но русскими мастерами. Таким образом, в Киеве покупалось около трех четвертей всех браслетов Друцка, из которых почти треть была синими.

К сожалению, по собственно друцким материалам точнее определить, на какое время приходится наибольшее распространение синих браслетов, нельзя. Судя же по новгородским аналогиям, это могло быть с конца XII в. до 40-х годов XIII в.

Зеленые браслеты составляют почти треть (29%), причем в Киеве, судя по составу, покупалось 17%, а 12% в другом месте. Из тех же 29% коричневых — в Киеве покупалось 15%, остальные 14% происходят из другого производственного центра, из 5% желтых — 3% браслетов происходят из Киева. В других городах покупалось, таким образом, 27% друцких браслетов, всех тех, которые изготовлены из свинцово-кремнеземного стекла. Яснее все эти данные можно выразить следующим образом: Друцк покупал в Киеве 15% коричневых браслетов, 5 — фиолетовых, 23 — синих, 17 — зеленых, 9 — бирюзовых и 3% — желтых; 14% коричневых, 12% зеленых и 1,8% желтых браслетов Друцк покупал в других городах.

Естественно встает вопрос — о каких других городах может идти речь. Прежде всего — о Полоцке. Предположение о собственном производстве

браслетов в Полоцке вполне оправдывается имеющимися материалами. Браслеты в Полоцке изготавливались из свинцово-кремнеземного стекла, в составе примесей которого наблюдается устойчивость по отношению к титану, алюминию, магнию и кальцию. Из браслетов, найденных в Друцке, этими признаками обладают составы 16 стекол. Это гладкие и крученые, зеленые, коричневые и желтые. Два зеленых браслета имеют аналоги среди стекол, вырабатываемых в Церковище⁴. Стекло для 11 браслетов (три коричневых и восемь зеленых) сварено из свинцово-известково-кремнеземного стекла; стекла, единые по составу, различаются количеством титана — в шести стеклах его содержание менее процента, в других пяти — оно на пороге чувствительности прибора (ИСП-22). Место изготовления этих браслетов определить пока что невозможно, равно как и место изготовления еще двух коричневых браслетов.

Есть и еще одна группа из 11 стекол, также сходных с полоцкими.

Итак, в Друцк браслеты поступали из разных мест (табл. 4): из Киева, Полоцка, Смоленска. Происхождение одной группы браслетов, объем которой 7,5%, осталось неопределенным. По мере накопления материалов соотношение объемов браслетов разного происхождения может измениться, но в пределах приводимых доверительных интервалов.

Так, среди стеклянных браслетов Друцка 72 киевских браслета (доверительный интервал в % — 62—81). Среди них 15 коричневых, 5 — фиолетовых, 23 — синих, 17 — зеленых, 9 — бирюзовых и 3 желтых; 18 браслетов из Полоцка (доверительный интервал в % — 11—27): 8 — коричневых, 8 — зеленых и 2 желтых; один зеленый браслет из Смоленска. Происхождение восьми других браслетов не определено.

Сейчас еще трудно говорить о характере торговли браслетами и следует поэтому ограничиться несколькими предположениями. Браслеты, видимо, продавались на рынке. Покупатели располагали известной свободой выбора. Покупатели из Друцка настойчиво приобретали синие и зеленые и оставались равнодушными к бирюзовым и желтым и мало покупали фиолетовых. Недостаток предложения коричневых браслетов в Киеве с успехом возмещался покупкой коричневых браслетов в Полоцке и в других городах. Зеленые браслеты привозились из самых разных мест: и из Киева, и из Смоленска, и из Полоцка, и из других городов.

В Минске 99% браслетов киевского происхождения. Лишь один браслет крученый зеленый изготовлен из свинцово-кремнеземного стекла, по всем признакам этот браслет изготовлен в Полоцке. Соотношение цветов в минских браслетах отчасти соответствует киевским (желтые, бирюзовые, зеленые), фиолетовых браслетов в Минске, как и в других городах, меньше, чем в Киеве, а синих браслетов столько же, сколько и в Друцке. Видимо, мода на синие браслеты была устойчивой для этих двух городов Полоцкой земли.

Завершая рассмотрение браслетов Полоцкой земли, можно сделать следующие выводы. Набор браслетов Полоцкой земли только на четверть составлялся из изделий собственного производства, остальная часть ввозилась из Киева. Связь городов с Киевом была скорее всего непосредственной.

Браслеты собственного производства оседают в массе в самом Полоцке, здесь их больше трети, в Друцк и, возможно, в другие города вывозится до половины производимой продукции; Минска и других городов Полоцкой земли, относительно слабо связанных с центром, достигала небольшая часть браслетов полоцкого производства и, по всей вероятности, очень нерегулярно.

Столь же нерегулярно поступали браслеты из соседней Смоленской земли и из других мест, пока еще не определенных.

⁴ В. В. Седов. Сельские поселения Смоленской земли. МИА, № 92, 1961.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. П. РУСАНОВА

РАБОТЫ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ ЖИТОМИРСКОЙ ГЭС

Плотина, строящаяся у г. Житомира, поднимет уровень воды в р. Тетерев и в ее притоках Гуйве и Гнилопяти. Археологических памятников в зоне затопления известно было до сих пор очень немного. Наиболее интересные работы были проведены в 20-х годах С. С. Гамченко на р. Тетерев у сел Корчак и Перелевка, где им были открыты славянские памятники VI—VII вв.¹ В низовьях рек Гуйвы и Гнилопяти в 40-х годах были проведены разведки Р. И. Выезжев² и Е. В. Махно³. В зоне затопления, т. е. ниже с. Пряжево на Гуйве и бывшего с. Шумск на Гнилопяти, ими была указана только неолитическая стоянка в устье р. Гнилопять⁴.

В 1963 г. было вновь проведено обследование берегов рек Тетерева, Гнилопяти и Гуйвы в пределах будущего затопления⁵. Коренные берега этих рек довольно высоки и в основном затопляться не будут. Особенно круты и обрывисты берега Тетерева у створа плотины, выше по реке они становятся более отлогими, появляются широкие затопляемые поймы. Такой же характер имеют берега р. Гнилопяти. Наименее благоприятны для археологических исследований берега р. Гуйвы, так как они сплошь покрыты густыми лесами.

Самым ранним по времени памятником в зоне затопления оказалась неолитическая стоянка в устье р. Гнилопяти. Стоянка расположена на высоком песчаном мысу, образованном руслами рек Тетерева и Гнилопяти. Культурный слой сохранился в более возвышенной и ровной части мыса. Здесь проведены раскопки, которыми вскрыта основная площадь стоянки⁶. Открыто несколько очагов и скопления неолитической керамики, кремневых орудий и отходов кремневого производства.

¹ С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований на Волини (1919—1923). Архив ИА АН УССР, ф. 3, оп. 1, д. 24.

² Р. И. Выезжев. Археологічні пам'ятки нижньої течії р. Гнилоп'яті, АП УРСР, т. III, 1952. Р. И. Выезжев. Археологічні пам'ятки верхньої течії р. Гнилоп'ять та нижньої течії р. Гуйва, АП УРСР, т. V, 1956.

³ Е. В. Махно. Житомирская разведывательная экспедиция. Архив ИА АН УССР, 1945/9.

⁴ Р. И. Выезжев. Археологічні пам'ятки нижньої течії р. Гнилоп'яті, стр. 197.

⁵ Работы проводились Древянским отрядом Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР в составе И. П. Русановой, Л. В. Артишевской, Л. П. Гуссаковского, А. В. Кузы, В. Б. Никитиной, И. К. Фролова. В работе принимали участие сотрудники Института археологии АН УССР В. И. Бидзиля и В. И. Митрофанова.

⁶ Раскопками руководила В. И. Митрофанова.

Памятников эпохи бронзы встречено немного. Это поселение в устье р. Гуйвы, разрушенное пахотой, поселение на р. Тетерев напротив с. Перлевка и небольшое количество тшинецко-комаровской керамики на славянском селище у с. Корчак.

Гораздо многочисленнее и богаче оказались памятники раннескифского времени. Они встречены в девяти пунктах по всей зоне затопления. Располагаются они на высоких берегах рек, иногда на их пологих склонах и в двух случаях на небольших возвышениях среди поймы. Все это сравнительно небольшие по площади поселения, слой которых крайне насыщен обломками сосудов. Сосуды представлены большими горшками с налепным валиком по тулову, с жемчужным и ямочным орнаментом под венчиком и мисками с загнутым внутрь краем. На трех поселениях этого типа были заложены небольшие раскопы, обнаружившие несколько ям, углубленных в материк и заполненных обломками сосудов⁷.

К зарубинецкой культуре относится лишь один памятник — поселение, расположенное в пойме р. Тетерев. Оно находится на мысу у самой реки и в половодье заливается водами Тетерева. Основная часть поселения была раскопана⁸.

В окрестностях с. Корчак по берегам р. Тетерев открыто 15 раннеславянских поселений середины I тыс. н. э. Поселения располагаются на пологих террасах коренного берега р. Тетерев, у его современного русла и у русла стариц. Отдельные жилища этого же времени располагались вдоль реки на заливаемой в разлив пойме.

В 1960 г. около с. Корчак было раскопано одно поселение (Корчак 1)⁹. В 1963 г. раскопки проводились на четырех поселениях (Корчак 7, 8, 9, 10), два из которых раскопаны полностью¹⁰. Выяснена планировка поселков, характер и количество жилищ на них. На самом большом поселении, Корчак 7, где вскрыта площадь около 4 тыс. м², обнаружено 16 жилищ, расположенных тремя не совсем правильными рядами. Все жилища однотипны. Это неглубокие полуземлянки, почти квадратные в плане со следами столбовой конструкции стен (рис. 23, а). Во всех жилищах печикаменки находились в северо-восточном углу и не примыкали к стенам жилища. Печи сложены из больших камней без связующего материала и засыпаны сверху более мелкими камнями (рис. 23, б). Около печей и особенно за печами, в углу жилищ, сосредоточено основное количество находок — обломков лепных сосудов. На этом же поселении открыты печи для обжига железной руды. На поселении Корчак 9, также раскопанном полностью, среди жилищ оказалось одно трупосожжение в урне, поставленной в неглубокую ямку в материке. На поселениях найдены лепная керамика и другие изделия из глины: сковороды, пряслица, «хлебцы».

Район с. Корчак, обследованный в свое время С. С. Гамченко, дал название целой археологической культуре, распространенной в северной части Правобережной Украины в VI—VII вв. н. э. Лепная керамика типа Корчак была сопоставлена Ю. В. Кухаренко с широко известной в западнославянских землях керамикой пражского типа¹¹.

На следующем этапе развития той же раннеславянской культуры распространяются памятники типа Луки Райковецкой, датируемые VIII—IX вв. В зоне затопления обнаружено три поселения этого типа. Два из них находятся на р. Гнилопять у хутора Тетеревского, одно на берегу р. Тетерев против устья р. Гнилопяти. Располагаются эти поселения, как

⁷ Раскопки проводились В. Б. Никитиной и Л. П. Гуссаковским.

⁸ Раскопками руководили А. В. Куза и В. Б. Никитина.

⁹ И. П. Русанова. Поселение у с. Корчак на р. Тетерев. МИА, № 108, 1963.

¹⁰ На поселении Корчак 7 раскопки проводила И. П. Русанова, на поселении Корчак 8 — Л. В. Артишевская, на поселении Корчак 9 — Л. П. Гуссаковский.

¹¹ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1955.

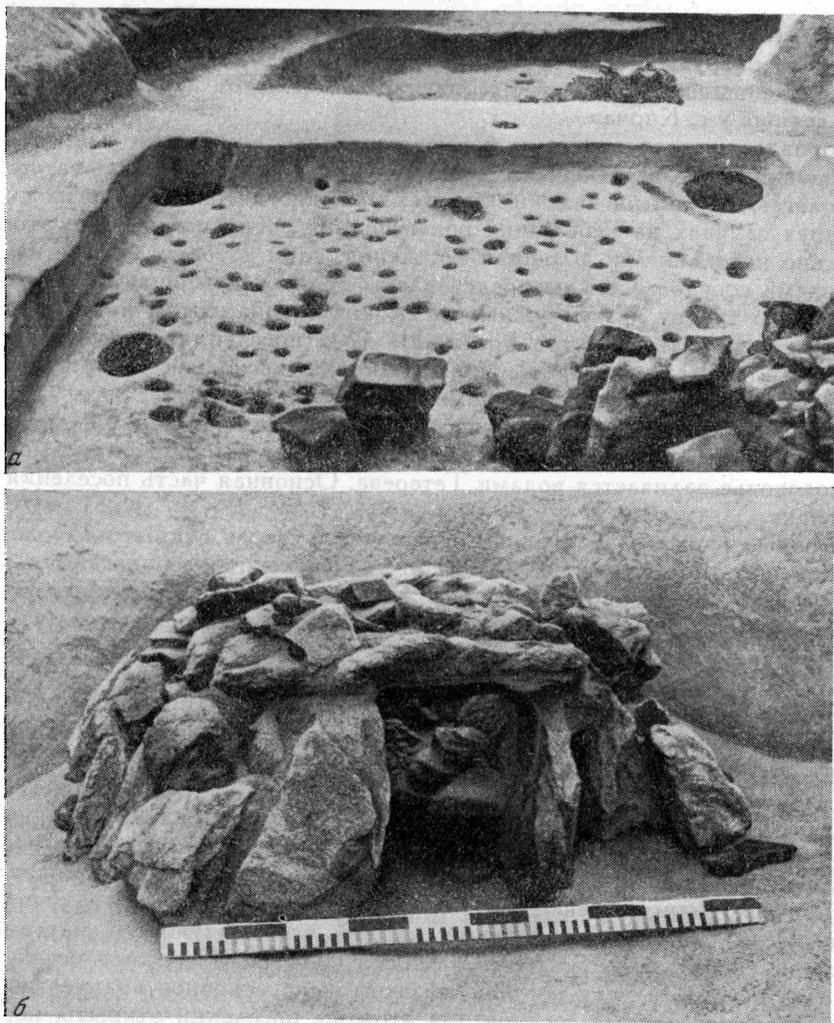

Рис. 23. а — селище Корчак 7, жилища № 6 и № 7; б — селище Корчак 9, печь в жилище № 7

и более ранние, на коренных берегах рек недалеко от воды. Но в отличие от ранних поселений типа Корчак они занимают гораздо большую площадь и дают более многочисленный подъемный материал. Раскопки велись на двух поселениях на р. Гнилопять¹². Жилища на поселении Тетеревка I того же типа, что в Корчаке, — полуземлянки с печами-каменками. Но планировка жилищ VIII—IX вв. более разнообразная и сложная, чем в Корчаке, жилища окружены большим количеством хозяйственных пристроек и ям. На поселении Шумск открыты сооружения в виде срубов, лежащих на материке. На обоих поселениях найдено много лепной керамики более развитых форм, чем в Корчаке, и раннегончарная керамика с воднистым и линейным орнаментом. Здесь так же, как в Корчаке, много глиняных сковород, но с более высокими бортиками, пряслиц и «хлебцев».

¹² На поселении Тетеревка I раскопки вели В. И. Бидзиля и И. К. Фролов, на поселении Шумск — И. П. Русанова.

Поселения времени Киевской Руси встречены в трех пунктах на р. Гуйве и Гнилопяти. Поселения располагаются на коренных берегах рек и не затопляются, кроме поселения на Гнилопяти, занятого в настоящее время огородами хутора Тетеревского.

Обследование ранее почти не изученного района дало новое представление о характере его заселения, начиная с неолита. Особенно интересными оказались до сих пор совершенно неизвестные в этом районе памятники раннего железного века. По-видимому, в это время до р. Тетерев доходили раннескифские культуры, известные в более южных областях Украины. Но наибольший интерес представляют памятники славян времени до Киевской Руси. Славяне VI—IX вв. густо заселяли берега р. Тетерев и его притоков. Их поселения располагались большими гнездами, одно из которых теперь исследовано полностью.

С. А. ПЛЕТНЕВА, Т. И. МАКАРОВА
ЮЖНОЕ ГОРОДИЩЕ У с. ВИТАЧЕВА

В 1095 г. киевский князь «Святополк... повеле рубити город на Витаचेво холму, и свое имя нарек Святополчь город и повеле епископу Марину с юргевци сести ту...»¹. Этой краткой фразой ограничиваются все сведения русской летописи о жизни Святополчегородка, построенного близ важного стратегического пункта — у переправы через Днепр, у так называемого Витачева брода. Тем не менее не многим русским городам так повезло, что время их основания — «год рождения» — было бы упомянуто в летописи. Город Святополч просуществовал всего 130 лет — с 1095 года — года заселения его юрьевцами — по 1223 год — год взятия и разгрома его татарами (во время похода Джебей и Субедея). Именно поэтому материалы с городища имеют для нас исключительную важность — они дают возможность точных датировок, а значит во много раз увеличивают ценность исследуемого памятника.

У современного села Витачева Обуховского района Киевской области в настоящее время известны два городища. Одно из них, Северное, находится на территории самого села, частично занято усадьбами колхозников и огородами. Датировается оно X—XI вв. и уже потому не может быть отождествлено с городом Святополчем. Второе, Южное, городище находится примерно на 2 км южнее Северного и на 1,5 км южнее с. Витачева. Даже по подъемному материалу оно четко датировалось XII—XIII вв. Его-то П. А. Раппопорт и некоторые другие исследователи считали остатками древнего Святополча². П. А. Раппопорт провел на этом городище небольшие работы (заложил несколько шурфов), ставящие целью исследование древних укреплений. Раскопов на территории городища он не закладывал.

В 1961—1962 гг. на обоих витачевских городищах (Северном и Южном) были проведены рекогносцировочные раскопки экспедицией, возглавляемой академиком Б. А. Рыбаковым. Основные силы экспедиции были сосредоточены на Северном городище, а на Южном работал небольшой отряд под руководством авторов этой статьи³.

Северное городище было открыто украинскими археологами совсем недавно (в конце 50-х годов), Южное же городище было известно науке уже в конце XIX в. В 1898 г. на нем заложил пробные раскопки В. В. Хвойко⁴. Никаких существенных результатов раскопки не дали, и Хвойко уже не возвращался к этому памятнику.

¹ «Повесть временных лет». М.—Л., 1950, стр. 149.

² П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 25, рис. 2р, стр. 33, стр. 69, рис. 34.

³ Мы приносим искреннюю благодарность начальнику экспедиции Б. А. Рыбакову за представленную возможность опубликовать результаты работ на этом городище.

⁴ См.: «Киевская старина», 1899, июль, стр. 57.

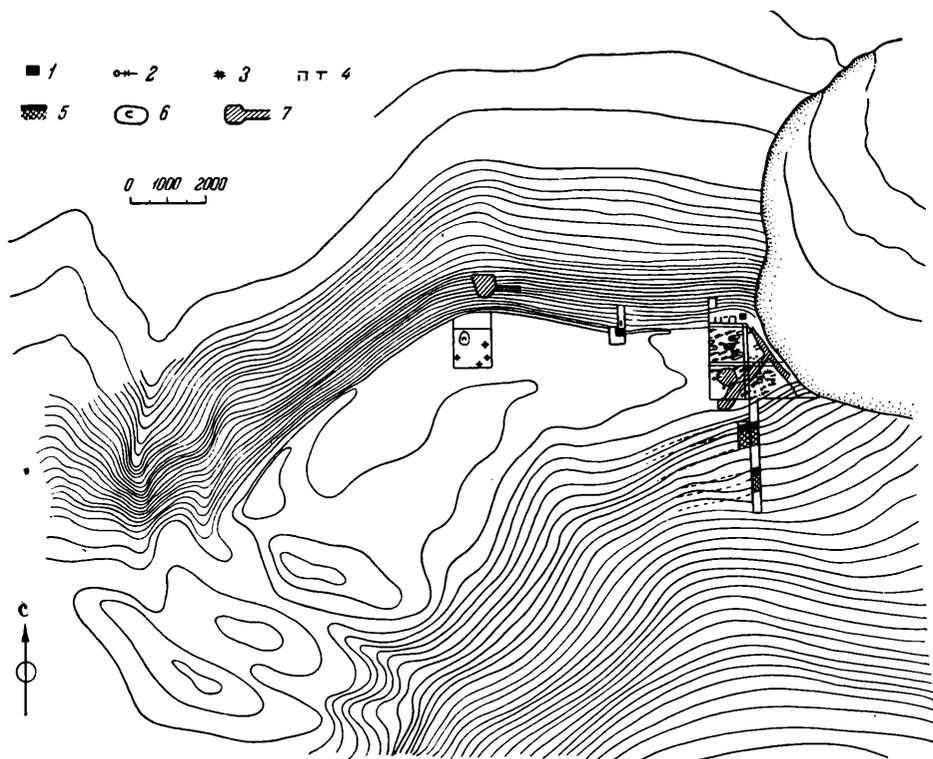

Рис. 24. План Южного городища у с. Витачева с нанесенными на нем раскопами
 1 — башни; 2 — погребения; 3 — очаги; 4 — сруб; 5 — рвы и остатки деревянных укреплений; 6 — жилище;
 7 — современные окопы

Городище расположено на высоком мысу правого берега Днепра. Форма его в плане треугольная, слегка изогнутая. С напольной стороны оно укреплено тремя валами и рвами, а с северного склона — одним валиком (их-то и исследовал П. А. Раппопорт). Северный склон городища очень крутой, со ступенью примерно на 8 м от края верхней площадки, южный склон — пологий, двухступенчатый. К городищу с напольной стороны примыкает обширный посад, ограниченный со всех сторон древними оврагами. Сейчас поверхность его ежегодно распахивается. На пашне мы обнаружили обломки лепной посуды эпохи бронзы.

Кроме того, остатки древних поселений (эпохи бронзы и скифов) окружают городище и с севера и с юга. Очевидно, что местность, на которой находился древнерусский городок, с древнейших времен была освоена населением Приднепровской лесостепи. Более или менее высокие холмы, на которых располагались поселения, удобны для жизни не только из-за их естественной недоступности, но и потому, что склоны их во многих местах прорезаны ручейками («криничками») с чистой родниковой водой.

Со стороны Днепра городище сильно попорчено громадным карьером для добычи глины, прорытым расположенным в километре от него кирпичным заводом.

Целью наших раскопок было исследование укреплений южного и северного склонов, культурного слоя и сооружений на городище. Для этого на самой оконечности мыса и в его средней части были заложены раскопы общей площадью более 600 м² (рис. 24). Раскопы вплотную подходили к северному краю городища и частично заходили на его северный склон.

Как уже говорилось, город Святополч — крепость, построенная для наблюдения над переправой. С этой его спецификой и связана та основа-

тельная и продуманная система укреплений, которая была вскрыта раскопками. Прежде всего своеобразие укреплений заключается в том, что они не были однотипными. По периметру городища тянулась сложная система сооружений, каждый участок которой находился в прямой зависимости от характера склона.

Пологий южный склон мыса был прорезан двумя рвами, идущими параллельно друг другу. В настоящее время направление их угадывается на поверхности склона благодаря образовавшимся над каждым ровом широким слегка пологим ступеням. Для установления характера и происхождения этих ступеней и была заложена траншея на южном склоне. Расстояние верхнего рва от городища — 8 м. У него крутая, почти отвесная южная стенка, чашевидное дно и сравнительно пологая северная сторона. Глубина его доходила до 1,5 м, ширина 3,5 м. Заполнен ров заплывшей серовато-желтой плотной глинистой землей, между двумя слоями которой прослеживается прослойка древесного коричневого тлена (0,5—0,7 см). Совершенно очевидно, что это остатки каких-то деревянных конструкций, сооруженных, судя по падению слоев во рве, вдоль внутреннего, т. е. северного края рва. Слой тлена, обломки дубовых плашек в нем не позволяют восстановить первоначального вида укреплений. Ясно только, что они не были частоколом, поскольку следов ям от него в материке не было. Судя по сравнительно небольшому количеству тлена укрепления не были мощными, однако в сочетании со рвом они несомненно представляли для осаждавших значительное препятствие, тем более, что ниже по склону шла такая же линия укреплений. Расстояние между ними 6,5 м. Основное отличие нижней линии укреплений от верхней — ее размеры. И ров и количество тлена в нем значительно больше, чем в верхнем. Ширина рва 6 м, глубина 2,5 м. Вырыт он по тому же принципу, что и верхний, — южная стенка очень крутая, северная довольно пологая. Заполнение — та же глинистая плотная земля с толстой прослойкой тлена. Никаких дополнений к конструкции деревянных укреплений она не дает. Как и у первого рва, это была, видимо, бревенчатая стена, поставленная вплотную к краю рва. В целом обе линии представляли собой весьма солидное укрепление склона. Деревянные стены вдоль рвов были сожжены не татарами. Рвы затянулись уже землей на 0,5—0,8 м, когда разрушившиеся истлевшие деревянные конструкции рухнули в них. Затем древний тлен покрылся слоем оползшей земли, совершенно сравнявшей рвы с поверхностью склона.

Укрепление пологих склонов рвами не типично для славянского и русского военного зодчества IX—XIII вв. Этот прием хорошо знали и пользовались им строители салтовских крепостей VIII—IX вв. Они познакомились с ним при сооружении своих крепостей на бывших скифских городищах, для которых этот прием был характерен. Салтовцы, как правило, подновляли и восстанавливали скифские укрепления, а затем уже повторяли этот же прием и на своих городищах, построенных на свободных от древних поселений мысах. Трудно представить себе, как узнали строители русской крепости конца XI в. о приеме, которым пользовались более 200 лет назад жители донских степей. Можно выдвинуть следующее предположение. Город Святополч был построен «юрьевцами» — жителями разрушенного половцами поросского городка. По-видимому, пограничные со степью «юрьевцы» этнически были близки к южному степному населению: печенего-торческому союзу племен, заселивших к тому времени все Поросье. В печенежские же орды в IX в. влилось большое количество алао-болгарского населения донских и донецких поселений и крепостей. Вполне возможно, что именно эти потомки «салтовцев», наиболее склонные к оседлости и земледелию, и заселяли город Юрьев на Руси⁵. При сооружении

⁵ С. А. Плетнева. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. КСИА, вып. 99, 1964.

новой крепости они, естественно, использовали строительные приемы своих прапрадедов. Другие, не менее характерные «салтовские» приемы прослежены и на остальных исследованных участках.

Тем не менее система укреплений северного склона резко отличается от укреплений южной стороны городища.

Наиболее характерной его чертой является наличие фундаментальных деревянных конструкций, построенных вдоль края. Прежде всего следы этих конструкций были обнаружены на мысовой части склона. Это остатки связанных воедино срубов, поставленных на специально вырытой в склоне, отnivelированной ступени, своеобразной берме⁶. От срубов на расчищенной площадке сохранились четыре канавки в материке, заполненные рыхлым тленом, перемешанным с небольшими кусочками дубового дерева. Канавки врезаются в материк на глубину 0,2 м, толщина бревен срубов доходила, судя по ширине канавок, до 0,4 м. Расстояние между канавками дает возможность говорить о длине срубов — 1,6—1,8 м, ширина их равнялась примерно 2,5 м. Внутри эти срубы были забиты серовато-желтым предматериковым грунтом. В заполнении двух срубов были вырыты круглые с плоским дном ямы (диаметром 1,3 м, глубиной 0,8—1,0 м), имеющие аналогии на укреплениях Любечского замка, где в них обнаружены были остатки массивных котлов, заполнявшихся, по-видимому, во время осады кипятком или горячим варом⁷.

На других исследованных нами участках северного склона остатки подобных сооружений и прилегающих к ним укреплений сохранились лучше. Так, в 22 м к западу от мысового участка были обнаружены не только следы срубов, но и вал, насыпанный по краю городища. На мысовой же части вал, видимо, ополз вместе с верхней частью срубов. Насыпь вала примыкала к внутренней стороне срубов, доходивших, судя по остаткам дерева, до верха вала. Длина срубов в этой части городища — 1,5 м, ширина не прослеживается, поскольку внешний край их разрушен. Ядро вала насыпано из лёссовидного суглинка, взятого, вероятно, с площади самого городища, как это сделано было, согласно наблюдениям П. А. Раппопорта, при сооружении напольных валов⁸. Та же картина, т. е. соединение срубов и земляного вала, прослежена и в раскопе средней части городища, на расстоянии 32 м от второго участка. Срубы там тоже обвалились более чем наполовину. С внутренней же стороны вала была замечена еще одна деталь его укреплений, а именно остатки частокола из бревен 0,1 м в диаметре, расположенных в 0,1 м друг от друга. Этот частокол предохранял малый вал от осыпания внутрь крепости.

Исследования показали, что на всем протяжении склона, набитые землей срубы обвалились. Объясняется это тем, что они были построены на узкой ступени, ниже которой склон был круто (на 45°) эскарпирован на высоту около 8 м. На ступени, образовавшейся на склоне в результате эскарпирования, был прорыт ровик, скорее канавка, шириной 1 м, глубиной 0,7 м. На дне ровика были уложены рваные белые камни — известняк. С внутренней стороны его вплотную подходил крутой склон, что делало ровик похожим по существу на рвы южного склона, у которых с внутренней стороны были поставлены деревянные стены. Эскарпирование и ров сближают сооружения северного склона с «салтовскими».

Что касается деревянной конструкции, обнаруженной на северном склоне, то аналогии ей известны на некоторых древнерусских поселениях. Следы дерева у земляных валов встречались в русских укреплениях не раз, но они были обычно так незначительны, что материала для реконструк-

⁶ Бермы — ступени вдоль внешней подошвы вала — делались для предохранения вала от оползания (П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 112—113).

⁷ Б. А. Рыбаков. Отчет Черниговской экспедиции ИА АН СССР за 1960 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1, 2587, стр. 67.

⁸ П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 69.

ций не давали. Так, например, к земляным валам II Горкинского городища Новгород-Северского района Черниговской области примыкали с внешней стороны какие-то деревянные срубы, забитые щебнем. Эти срубы сохранились на высоту в семь венцов⁹. Остатки, по-видимому, таких же сооружений были встречены в сооружениях Переяславля Хмельницкого, на городищах Кудине и Губине, датирующихся XII—XIII вв.¹⁰

Помимо описанных конструкций, в систему укреплений северного склона входили башни. Остатки двух из них были обнаружены нами. Первая находилась на северо-восточной оконечности мыса, почти у края карьера. Нам удалось проследить только нижнюю ее часть, врезанную в материк. Это небольшое полуземляночное помещение, врезавшееся в склон на 0,5—0,6 м, размеры его — 1,6—1,8 м, пол материковый без подмазки. В углах и посередине коротких сторон — ямки от столбов, поддерживавших стены и перекрытие. В западной стене сооружения, в нише, находилась печь с обвалившимся сводом (размеры ее: 0,6 × 0,6 м). Под ее выше уровня пола на 0,5 м. На нем лежал толстый слой золы и угля. И под и стенки печи были обмазаны толстым слоем глиняной обмазки. В целом обнаруженное помещение ничем не отличается от обычного древнерусского жилища. При раскопках на Любечском замке были открыты остатки нескольких башен, нижняя часть которых была врезана в материк. В их заполнении были прослежены слои нескольких перекрытий, которые Б. А. Рыбаков связывает с многоэтажностью башен. Характер заполнения витачевской башенки неясен, так как как раз над ней, разрушив ее заполнение и частично восточную и западную стенки, располагалось пулеметное гнездо. Однако, судя по сохранившимся участкам заполнения, оно было однородное, не слоистое. По-видимому, башня была одноэтажная, она только слегка возвышалась над гребнем укреплений, но зато выдавалась за линию укрепляющих вал срубов на 0,8 м. Окоп, подходивший с запада к пулеметному гнезду, разрушил место стыка башни с валом и срубами. Можно только предполагать, что они с обеих сторон вплотную примыкали к ней.

Остатки второй башни представляют собой сооружение совершенно иного типа. Она находится примерно на расстоянии 33 м к западу от первой. Башня была построена на гребне вала. Перед башней, видимо, для ее укрепления, из земли на срубах была насыпана глиняная подушка толщиной в 0,5 м. Форма и размеры сгоревшей башни определяются угловыми и срединными столбами, ямки от которых отчетливо видны в насыпи вала. Она была прямоугольная, размером 2 × 1,5 м, т. е. примерно такая же, как и первая. На всем пространстве этого прямоугольника прослеживаются следы сгоревшего дощатого пола. В центре пола обнаружено пятно обгоревшей глины, вероятно очажка, и разрозненный скелет собаки. Над полом прослежены два слоя — глинистого перекрытия и угля от сгоревшей крыши. Очевидно башня была одноэтажная, но над уровнем вала она возвышалась не менее, чем на 2,5—3 м. По-видимому, разница в конструкции башен объясняется их различными функциями. Первая была угловая, и из нее велось наблюдение над двумя стенами. Для этого ее и выдвинули за их линию. Вторая — срединная — играла оборонительную роль. Внутри обеих башен находились жилые помещения. Это тоже обычно для древнерусских башен. Так, на Райковецком городище была обнаружена точно такая же башенка с очажком на полу. Причем интересно, что перед ней также проходила линия срубов, забитых землей¹¹.

Перейдем к характеристике культурного слоя на городище. Слой в целом насыщен находками. Общая толщина его — 1,2—1,3 м. Нижние 0,4 м

⁹ М. В. Воеводский. Отчет о полевых исследованиях 1946 г. Деснинская экспедиция, стр. 22. Архив ИА АН СССР, Арх. Ком.

¹⁰ П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 106—109.

¹¹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 25.

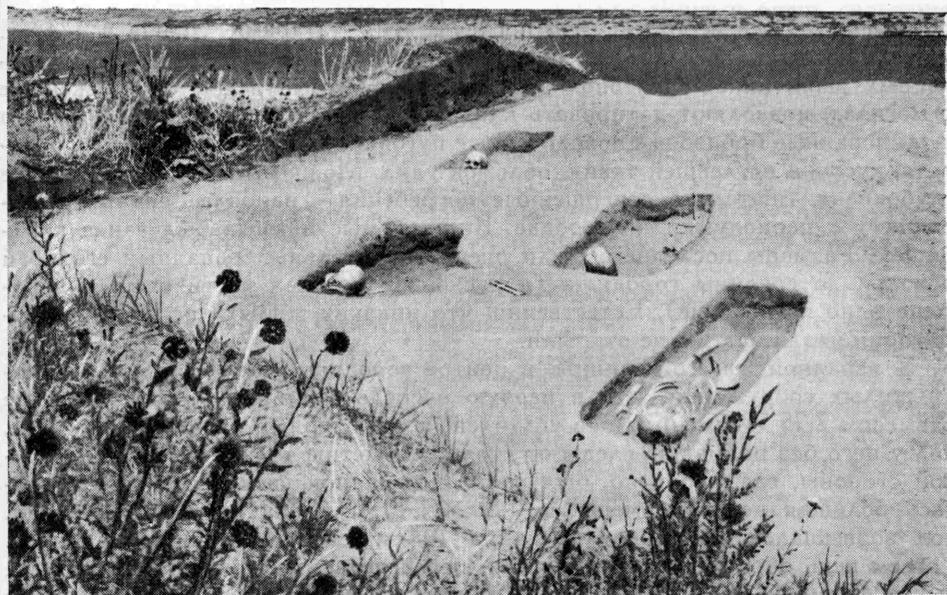

Рис. 25. Вид кладбища на мысу Южного городища

слоя несколько более светлые, чем остальной грунт, относятся, как показали немногочисленные находки лепной керамики, к эпохе бронзы. Верхние 0,8—0,9 м датируются XII—XIII вв. В верхнем слое попадались обломки гончарных горшков с отогнутым для крышки венчиком и линейно-ногтевым орнаментом на плечиках. Кроме простых кухонных горшков, в слое изредка встречались обломки стеклянных браслетов, найдены два шиферных пряслица, два фрагмента поливной русской посуды и несколько обломков рифленых амфор XII в. На дне нижнего рва, на южном склоне, был найден железный ключ со сложной бородкой.

Вся оконечность мыса была занята кладбищем. На площади в 300 м² открыто 49 погребений. Если учесть к тому же, что примерно пятая часть раскопа изрезана и разрушена окопами, то здесь, очевидно, размещалось около 60 могил. Глубина залегания погребений — 0,3—0,9 м, глубоких могил всего 12. Ни одна из могил не доходит до материка, поэтому выделить их очертания было возможно только в тех случаях, когда они прорезали слой эпохи бронзы (более светлый). Гробы, в которых произведены захоронения, судя по сохранившимся остаткам досок и тлену, были сосновые, дощатые, сбитые коваными гвоздями. Погребенные, как правило, лежали на спине, вытянуто, со сложенными на груди или животе руками. Ориентировка западная с сезонным (зимним) отклонением, т. е. ЗЮЗ. Совершенно очевидно, что перед нами остатки христианского кладбища. Подавляющее число погребенных — взрослые мужчины и женщины, детских погребений всего пять¹². В одной из могил (24) был похоронен горбун, ростом не более 150 см, с искривленным позвоночником и тонкими длинными костями. Наибольший интерес представляют захоронения неполных скелетов (черепов, костей ног, рук и т. д.), остатков расчлененных трупов (рис. 25). Это семь одиночных могил и одна братская. Все эти могилы очень мелкие, небрежно и поспешно вырытые в культурном слое. Создается впечатление, что они появились после какого-то массового убийства или

¹² Антропологические материалы с городища переданы для определения Т. И. Алексеевой.

побоища. Вполне вероятно, что после взятия татарами города в 1223 г. жители соседних поселков могли прийти сюда и наскоро похоронить изрубленных защитников Святополча. Немногочисленные вещи, обнаруженные в могилах, позволяют датировать кладбище в целом не позже XIII в. Это штампованные бронзовые позолоченные пуговицы, обломок стеклянного браслета, кусочки истлевшей ткани, обломок удила. Можно думать, что наиболее глубокие и тщательно совершенные погребения — наиболее ранние, относящиеся к периоду жизни городка. Видимо, мыс и тогда был занят кладбищем. Размеры последнего были очень значительны. Западный его край доходил до середины городища (в раскопках средней части было обнаружено одно погребение). Естественно, что никаких жилых построек на территории кладбища мы не открыли.

У западной же его границы, в центре городища, были открыты остатки жилых сооружений. Это в первую очередь овальное в плане жилище размером $2,75 \times 2$ м. Жилище углублено в культурный слой на $0,5-0,6$ м, пол у него без подмазки, следы от столбов заметны только с северо-восточной стороны, где, вероятно, был вход. В западной части жилища находилась большая печь (размеры ее $1,80 \times 1,40$ м). Она была глинобитная, под возвышался над полом всего на 10 см, свод частично сохранился. Устьем печь обращена на юго-восток, перед устьем лежала большая груда выгребенной из печи золы. Рядом с этим жилищем, на глубине $0,4$ м от дневной поверхности, были обнаружены пятна нескольких очажков в виде чашевидных углублений со следами обмазки, заполненных золой и угольками. Это, видимо, были какие-то временные сезонные помещения типа летних кухонь. Вокруг очажков нет никаких следов стен и перекрытий. Вполне возможно, что они находились внутри легких летних юрт, которые ставились оседавшими кочевниками рядом с зимними жилищами, построенными более фундаментально¹³. Зимним помещением в исследованном нами комплексе было овальное в плане и слегка углубленное в землю жилище с печью.

Таким образом, высказанное выше предположение о том, что часть «юрьевцев» этнически относилась к степному населению, подтверждается и характером обнаруженных на городище жилых сооружений.

С напольной стороны городище, как уже говорилось, было укреплено тремя валами и рвами. Сохранились они очень плохо, поскольку насыпаны они, по свидетельству П. А. Раппопорта, из земли без внутренних деревянных конструкций¹⁴. Следует отметить, что сооружение трех валов с напольной стороны — особенность, не свойственная русским городищам и опять-таки известная строителям салтовских крепостей. Древнерусские городища с двумя или тремя линиями напольных валов расположены, как правило, на степном пограничье. Это «города Болоховской земли» в верховьях Случи и Южного Буга, городище Холок на Осколе, Романово-Борисоглебское городище в Рязанской земле, городище Мацковцы на Суле¹⁵. Всюду на них могли осесть и селиться выходы из степи. Когда же они появлялись у поселения в период его постройки, они участвовали и в сооружении укреплений. Характерно, что и остальные «южные» традиции в укреплениях: эскарпирование склонов, рвы на них — встречаются также на пограничных поселениях в основном в Болоховской земле. По-видимому, П. А. Раппорт не прав, когда считает, что рвы на склонах появились только в XV—XVII вв., вместе с появлением огнестрельного оружия. Это безусловно не были «ровики для стрелков»¹⁶. Как мы видели, рвы на

¹³ Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, гл. 2. СПб., 1896.

¹⁴ П. А. Раппорт. Указ. соч., рис. 34.

¹⁵ Там же, карта древнерусских городищ. Приложение I.

¹⁶ К стати отметим, что южный ров Южного городища глубиной в $2,5$ м не мог быть «ровиком для стрелков» именно из-за своей глубины.

южном склоне было в сочетании с деревянными стенами очень серьезным препятствием, настолько сильным, что жители Святополча не сочли даже нужным поставить стены на южном краю города. Два рва были вполне достаточной защитой с этой стороны, равной, видимо, сложным укреплениям северного склона.

Раскопки Витачевского Южного городища позволили нам расширить представление о связях Руси в XI—XII вв. со степью. От степного населения были заимствованы не только сырцовые кладки, как уже отмечал П. А. Раппопорт¹⁷, но и ряд других существенных деталей оборонительного зодчества. Причем в пограничных крепостях строители, вносящие в постройку укреплений южную струю, не были случайными, приглашенными с юга мастерами, а постоянными жителями их. Недавние кочевники оседали на землю и сливались этнически со славянским пограничным населением. В этом отношении Южное городище представляет интерес как памятник, дальнейшие раскопки на котором дали бы исследователю ценный материал для решения проблемы оседания кочевого населения южнорусских степей, проблемы взаимоотношений оседлого и кочевого населения в районах их тесного соприкосновения и соседства.

¹⁷ П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 142.

И. Б. ЗЕЕСТ, А. Л. ЯКОБСОН

РАСКОПКИ В КЕРЧИ В 1963 г.

В 1963 г. в Керчи с целью благоустройства города был ликвидирован рынок, занимавший его центральную прибрежную территорию. По плану реконструкции здесь должен быть устроен большой сад.

В литературе были высказаны предположения о том, что эта территория в античную эпоху была одним из средоточий общественной жизни Пантикапея¹, который, как известно, занимал гору Митридат и ее склоны. В прибрежном же районе до 1934 г. раскопки никогда не производились, и входили ли этот район в черту города, оставалось невыясненным.

В 1934 г. недалеко от этого места, в ограде церкви Иоанна Предтечи, В. Д. Блаватским были проведены небольшие разведочные раскопки, которые показали, что напластования античного времени здесь отсутствуют и что в античное время исследованный участок, видимо, представлял собой морской берег, возможно, прилегающий к древней гавани². К сожалению, исследованная тогда площадь была очень мала и выводы, сделанные автором, весьма существенные для топографии Пантикапея, нуждались в дальнейшей проверке.

В средние века эта часть города, несомненно, была заселена, о чем говорит постройка здесь, вероятно, еще в VIII или в IX в., монументального храма Иоанна. Такого рода храмы возводились обычно в центре города или по крайней мере в наиболее оживленных его частях. Здесь, вероятно, была в VI в. сооружена и та византийская крепость Боспора, о которой сообщает Прокопий Кессарийский и скорее всего на месте которой в XVI—XVII вв. турки построили свои укрепления³.

Можно думать, что в раннее средневековье именно здесь, на прибрежной территории, находилась основная часть Боспора, защищенная стенами. Позднее здесь построили и церковь Иоанна, ставшую главным храмом небольшого города.

Раскопки на бывшей рыночной площади в 1963 г. велись Институтом археологии АН СССР совместно с Керченским историко-археологическим музеем на средства, отпущенные горисполкомом.

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 148; В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи в 1911 г. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 16 сл.

² В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1934 г. МИА, № 56, 1957, стр. 251.

³ А. Ашик. Боспорское царство, ч. 1. Одесса, 1848, табл. IV (B); П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений. ЗООИД, IV, 1958, табл. II.

Раскопки к северо-востоку от церкви явились первым этапом работ (раскоп I)⁴, а к северу от церкви (раскоп II) работы производились несколько позднее⁵.

Раскоп I. Первой задачей раскопок было выяснение стратиграфии на данном участке древнего города. С этой целью было решено прорезать площадь раскопок с помощью бульдозера с запада на восток широкими траншеями⁶, которые дали бы возможность определить хотя бы глубину залегания средневекового культурного слоя. В дальнейшем траншеи были соединены и образовали большой раскоп площадью 16 × 20 м.

Средневековый культурный слой, как выяснилось, начинается с глубины большей частью от 1,5—1,8 м, лишь в некоторых местах с глубины 1 м.

В этом слое открыты строительные остатки XIV—XV вв. и выявлен отрезок стены 32 из крупных камней на глине, идущей с юга на север.

С северной стороны эта стена соединена в переплет со стеной 12 приблизительно параллельно южной стене бани 2, о которой речь ниже. Стены 32 и 12 с северо-восточной стороны ограничивали помещение с глинобитным полом, который носит следы сильного обжига (помещение, очевидно, погибло в пожаре). К этому зданию примыкала вымостка улицы с каменным водосток.

Слой, перекрывающий эти строительные остатки, содержал мешаный материал: многочисленные фрагменты керамики с красным черепком, среди которой выделяются фрагменты чаш и блюд, покрытых большей частью зеленой поливой и украшенных рисунком толстой врезной линией; встречены также фрагменты с темно-желтой поливой и с разбрызганными марганцевыми пятнами. Такого рода поливная посуда типична для XIV—XV вв. Найдена здесь и более ранняя средневековая керамика: обломки амфор VI—VII вв. с глубоким рифлением, днище такой же амфоры с выступом внизу, ручки раннесредневековых амфор с приставшей известью (были, очевидно, использованы в кладке), обломки венчиков кувшинов с плоскими ручками (IX—X вв.). Античная керамика почти не встречалась; найден лишь фрагмент греческой надписи на толстой мраморной плите (к северу от бани, на глубине 0,50 м)⁷.

Наибольший интерес среди строительных остатков верхнего средневекового слоя (XIV—XV вв.) представляет здание бани. Здание непосредственно примыкает к помещению со стенами 32 и 12, не связанному, однако, с баней, постройка которой, по-видимому, несколько предшествует этому помещению, хотя обе они хронологически, исходя из данных стратиграфии, не намного отстают друг от друга.

Открытые раскопками остатки бани (рис. 26) состоят из нескольких частей.

Помещение (А) в восточной части комплекса ограничено стеной 1-й и перпендикулярно примыкающими к ней отрезками стены 2-й и 3-й, образующими открытую с восточной стороны узкую площадку Б шириной 1,25 м, слегка возвышающуюся и укрепленную тесаными камнями. Пол площадки — хорошо утрамбованный и сильно обугленный; на его поверхности заметно скопление золы.

⁴ Руководили раскопками И. Б. Зеест и А. Л. Якобсон. В раскопках принимали участие: Г. М. Павла, С. С. Ширинский, Е. М. Алексеева (ИА СССР), М. А. Фронджуро (ИА АН УССР), архитектор Г. И. Гунькин (Комитет по охране памятников), Л. П. Требушенко, В. П. Азарова (Керченский историко-археологич. музей).

⁵ Т. И. Макарова. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г.). См. настоящий сборник, стр. 70—76.

⁶ Ширина траншей 3,4—3,5 м; длина их — 40 м.

⁷ Издание надписи готовится к печати вместе с материалами раскопок Пантикапея.

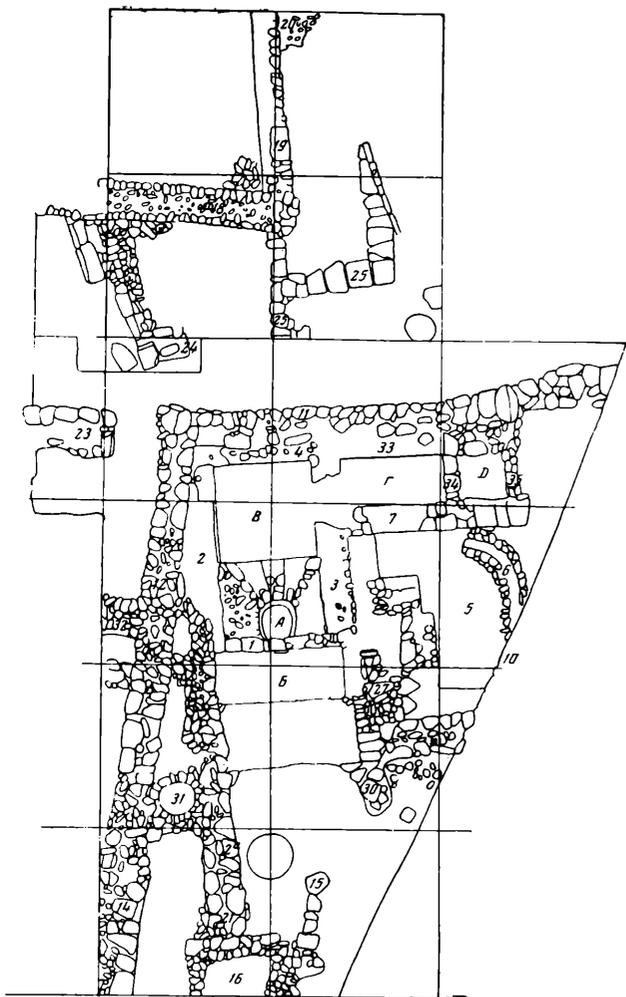

Рис. 26. Генеральный план раскопа

Посередине стены 1 находится устье топки (сложенной из вертикально поставленных камней с перекрытием), определяющей и все помещение А как топочное (рис. 27, б). Топочное отверстие ведет в круглое углубление (сохранившаяся высота его 30 см), немного суживающееся книзу и заполненное золой. Вернее всего предположить, что в этом углублении был установлен подогревавшийся снизу котел с водой⁸. Пламя, проходившее под ним, устремлялось далее в два сильно расширяющихся в западную сторону канала. Эти два канала, разделенные также расширяющейся перегородкой (наибольшая ширина ее — 0,55 м), выходят в квадратную камеру В. Каналы были заложены камнями (вероятно, в период когда баня уже не функционировала).

Квадратная камера (В) 2,37×2,32 м, сложена из полубутового камня с подтеской лицевой поверхности и являлась, несомненно, двухъярусной. Нижний ярус камеры, высотой 0,75—0,78 м, выделяется тем, что камни кладки обуглены и покрыты сажей; на полу камеры — слой угля и сажки.

Горячий воздух и дым, шедший из топки через упомянутые каналы, направлялся через широкие продухи в нижней части западной стены камеры — в вертикально заложенные в стену гончарные трубы (диаметр 12 см), проходил по ним вверх и таким образом обогревал стены верхней камеры, которые не были закопчены. Они были покрыты двухслойной известковой штукатуркой толщиной 1,4 см; верхний слой штукатурки имеет розовую окраску вследствие примеси мелкоколоченой керамики. Верхняя камера была чуть шире нижней; уступ в кладке (шириной 5—7 см) служил, очевидно, для упора балок перекрытия нижней камеры и основанием пола верхней.

Пол этот, кроме того, поддерживался, вероятно, прямоугольным столбом, на существование которого может указывать небольшое углубление

⁸ Таково обычное устройство в восточных средневековых банях, известное по памятникам Закавказья (Ани, Анберд); аналогичное устройство имели, вероятно, и средневековые бани Херсонеса (Херсона). См. А. Л. Якобсон. Средневековые бани Херсонеса, СА, VIII.

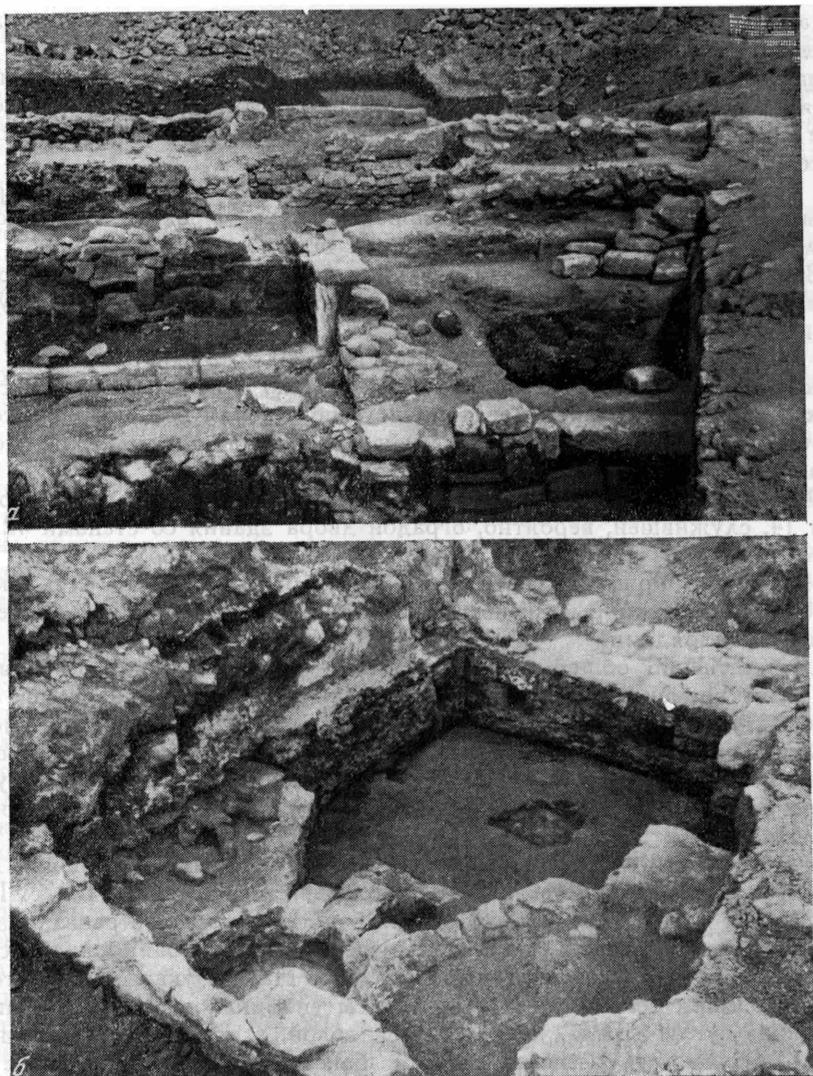

Рис. 27. Общий вид раскопа (а) и центральная подпольная топочная часть бани А (б)

посередине камеры (В). Верхняя камера была, по всей вероятности, перекрыта каменным коробовым сводом стрельчатого профиля: надо полагать, именно этому своду принадлежали найденные в засыпи клинья свода толщиной 23 см (один из клиньев — от стрельчатого конька его).

Упомянутых гончарных, вертикально заложенных труб было всего, вероятно, пять: три из них находились в западной стене 4, одно — в западном конце южной стены 2 и одно, вероятно, было в северной стене 3 (но там кладка имеет лауну).

Судя по гидравлической штукатурке (с цемянкой) верхнее помещение могло служить мыльней.

К северу от камеры В расположена маленькая и узкая камера Г, отделенная от нее стеной 3. Эта камера тоже входила в комплекс бани и являлась одним из нескольких мелких помещений, которые в восточных банях обычно группируются относительно центрального помещения. Небольшое помещение (Д) появилось в результате позднейшей перестройки бани.

Камеры В, Г и Д были, вероятно, крайними помещениями бани, на что указывает массивность западной стены общей толщиной 1,35 м и состоящей из собственно западной стены камер В и Г, стены 4 и 33 и утолщения этой стены 11, сложенного из крупных камней, включая более или менее правильные блоки. Стена эта продолжается в северную сторону до пересечения с более поздней стеной 10.

К востоку от камеры Г выявлен угол помещения с плотным утрамбованным полом 5 из белой известковой крошки. Уровень его находится приблизительно на уровне нижнего края штукатурки с цемянкой в камерах В и Г, т. е. на уровне пола верхних помещений бани. В этом помещении находился каменный водосток 6, дно которого заглублено ниже уровня пола на 20—30 см.

С восточной стороны бани находился двор, который ранее был вымощен каменными плитами. Сохранилось несколько плит (30), поверхность которых совпадает с уровнем предпочного помещения Б. С южной стороны двор был ограничен стеной 2а, являющейся как бы продолжением южной стены бани 2.

Южнее этой стены сохранилось основание несколько более поздней стены 14, служившей, вероятно, оградой двора здания со стенами 12 и 32.

За оградой 2а расположен круглый колодец 31, верхний венец которого находился примерно на уровне двора бани. Диаметр устья колодца—0,85 м. Стенки выложены из камня средней величины, уложенного правильными рядами.

Соответственно общей дате слоя XIV—XV вв., с которым связана баня, этим временем может быть датировано и сооружение самой бани. Такую дату подтверждают и обломки поливной полихромной посуды (с зеленой и коричневой расцветкой), типичной для того же времени, найденной ниже пола к востоку от нее. Можно, таким образом, думать, что постройка бани относится к предтурецкому времени (т. е. ко времени до 1475 г.).

Из остальных находок отметим встреченное в засыпи помещения А турецкое фаянсовое блюдо с яркой полихромной росписью XVI—XVII вв., указывающее на то, что к этому времени баня уже лежала в развалинах.

Однако непосредственно перед разрушением здание бани как-то использовалось, хотя и не по прямому назначению. На это указывает не только закладка камнем топочных каналов (о чем упоминалось выше), но и очажок в виде углубления, наполненный золой, в топочном помещении у стенки 1, близ устья топки; с самой баней очажок, очевидно, не был связан.

С северо-запада на юго-восток, наискось по отношению к стенам бани, идет кладка ограды 10, сложенная на глине из более или менее правильно отесанных небольших блоков, приблизительно выдержанными рядами. Высота ее равна 0,5 м; она прослежена на протяжении более 18 м. Эта ограда принадлежит к числу наиболее поздних сооружений, открытых на данном участке: она разрушила самую позднюю пристройку бани к северу от помещения Д, перерезала помещение бани с белым полом 5 и перекрыла водосток 6. К этой стене были пристроены впритык две небольшие кладки 8 и 9, наслоившиеся на развалины бани.

Дальнейшие раскопки велись к западу и к востоку от помещения бани и почти на всей площади раскопа были доведены до материка, который представляет собой наносный слой берегового песка, насыщенного окатанными фрагментами керамики и гальки. Раскопки были затруднены обилием грунтовых вод, выступавших в нижнем горизонте культурного слоя⁹.

⁹ Для собирания грунтовых вод и их откачки были сооружены отстойники глубиной до 1,5 м. Их разрезы показали, что слой берегового песка до этой глубины совершенно однороден. Далее шурфы не углублялись.

Поверхность материка здесь залегает примерно на 4 м ниже современного уровня.

Раскопки показали, что античный слой здесь отсутствует; в этом отношении они подтвердили данные разведочных раскопок 1934 г., убедившие в том, что в античное время этот участок не входил в городскую черту.

Для истории средневекового Боспора эти раскопки впервые дали целый ряд новых интересных сведений. Установлено, что самый ранний культурный слой, образовавшийся непосредственно на месте бывшего берега моря, содержал находки средневековой керамики, в том числе остатки черносмоленых кувшинов с плоскими ручками, красноощенных сосудов VIII—X в. и раннесредневековых амфор. Среди них встречаются обломки рифленых амфор VI—VII вв. По-видимому, данный участок впервые был заселен не ранее VIII—IX вв.

К этому раннему слою относится кладка 25, находящаяся к западу от бани, на глубине 1,65 м ниже основания стены бани 11.

Стена сложена из хорошо отесанных плитообразных камней различной величины, уложенных грядой в один ряд (рис. 28, б).

Она образует северо-восточный угол помещения и сложена вперевязь с южной стеной того же помещения. Здание, которому принадлежала эта кладка, было ориентировано СЮ—ЗВ. После гибели постройки на том же месте было сооружено другое здание, ориентированное с северо-запада на юго-восток. Основание стен его находится на 20—25 см выше поверхности остатков более раннего здания. Оно было сложено из больших массивных блоков. От него сохранилась часть стены 21 и юго-восточный угол с прилегающими блоками 24. Параллельно кладке 21, к северу от нее, на том же уровне находилась кладка 17, представляющая собой, вероятно, обрамление земляной или мощеной поверхности двора, связанного с постройкой 21—24¹⁰ (рис. 28, а).

Кладка, современная этому зданию, обнаружена и с восточной стороны бани. Это остатки стены 27, сложенной из больших камней, бутовых и грубоотесанных в форме блоков; кладка была частично разобрана при сооружении бани и на остатки этой стены легла стена 3, обрамляющая с севера топочную часть бани (А) и помещение Б.

Монументальные здания средневекового времени существовали здесь, по-видимому, вплоть до X—XII вв., о чем свидетельствуют многочисленные находки остатков амфор этого времени с высоко поднятыми ручками и широкими венцами, лощеной посуды, стеклянных браслетов и пр.

После гибели этих зданий и до постройки бани произошла еще одна перепланировка данного участка города. В это время остатки построек 21—24 были перекрыты каменной вымосткой 20¹¹, состоящей из плотно уложенных друг к другу плоских камней средней величины. Поверхность вымостки 20 находится на 50—60 см ниже основания стены бани 11.

Раскоп I, несмотря на свои ограниченные размеры, дал для истории Крыма принципиально важный материал. Археологические исследования впервые показали наглядную картину интенсивной застройки средневекового Боспора. застройка эта охватывала, по всей вероятности, сравнительно небольшую территорию в районе церкви Иоанна, где, как говорилось, и сосредоточен был собственно Боспор. По крайней мере ни в каком другом районе современной Керчи раскопки не обнаруживали такой густой сети строительных остатков средневекового города; нет значительных строительных остатков эпохи средневековья и на горе Митридат, склоны которой в V—VI вв. занял некрополь. В то же время на участке раскопа I,

¹⁰ Остатки подвального помещения нового времени, обнаруженные в юго-западной части раскопа, помешали дальнейшему исследованию здания 21—24.

¹¹ На общем плане обозначен только небольшой участок вымостки 20, оставленный после ее разборки.

Рис. 28. Кладки (21—24) Тмутараканского времени (а) и кладка (25) VIII—IX вв. (под водой) (б)

несмотря на довольно большую глубину раскопа (более 4 м), вовсе не встречено античных строительных остатков: вся толща культурных напластований — исключительно средневековая. Наиболее ранний культурный слой, лежащий непосредственно на материке, относится ко времени VIII—IX вв. — ко времени общего экономического оживления и подъема Крыма, когда была построена и церковь Иоанна. Иначе говоря, интенсивная жизнь и сплошная застройка в данном районе города началась именно в раннее средневековье. Таков общий существенный вывод, который намечают раскопки. Вывод этот, конечно, не окончательный и требует проверки путем дальнейших раскопок.

Раскопки убедили, что жизнь в приморском районе города около церкви Иоанна непрерывно продолжалась до турецкого завоевания (1475 г.), на что указывают открытые нами остатки бани XIV—XV вв.; продолжалась жизнь и позднее, о чем свидетельствует возведение здесь — может быть на месте византийской крепости VI в. — турецких укреплений.

Т. И. МАКАРОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОРЧЕВ

(по раскопкам 1963 г. в Керчи)

В 1963 г. в интереснейшем районе Керчи, на бывшей Рыночной площади возле церкви Иоанна Предтечи, впервые были проведены большие археологические раскопки¹ Институтом археологии АН СССР совместно с Керченским историко-археологическим музеем. Они были начаты под руководством А. Л. Якобсона и И. Б. Зеест на участке к северо-востоку от церкви (раскоп I) и продолжены в 12 м к западу от него (раскоп II) автором настоящей статьи². Раскоп II общей площадью в 282,70 м был разбит в 30 м от церкви Иоанна Предтечи (в 43 м от древней ее части).

Работа началась со снятия бульдозером полутораметровой насыпи XIX в. Проведенная после этого подчистка площади обнажила беспорядочный развал камней (ракушечник), лежащий на черном углистом слое. Основную массу находок составляли обломки амфор и черносмоленых красноглиняных кувшинов, поливная керамика XIV—XVIII вв. найдена всего в нескольких экземплярах. Уже это не оставляло сомнений в том, что существенных построек предтюрецкого времени на исследуемом участке не было. Прямо под завалом камней обнаружены были остатки стен домов, сохранившихся на высоту от пяти до девяти рядов камней (от 1 до 1,40 м). Верхние камни стен залегают на глубине 1,7—2 м от современной поверхности и на глубине 0,20 м ниже уровня, с которого мы начали раскопки после снятия верхнего слоя.

На глубине 0,50 м ниже этого уровня были обнаружены вымощенные битыми черепками красноглиняных кувшинов улицы: одна по направлению север — юг шириной в 3 м, другая — по направлению запад — восток шириной 2,75 м (рис. 29).

Пять домов и две смыкающиеся под прямым углом улицы представляют собой единый комплекс, названный в документации III строительным периодом. Постройки его объединены самой планировкой, единством строительной техники и, наконец, вещевым материалом, который дала расчистка как самих помещений, так и улиц.

Все пять расчищенных нами домов сложены из плоских с подтеской камней ракушечника (высотой в 0,1—0,15 см, длиной от 0,20 до 0,5 м), составляющих внутреннюю и внешнюю облицовку стен.

¹ В 12 м к югу от церкви в 1934 г. было заложено четыре шурфа общей площадью 26 м² под руководством В. Д. Блаватского (см. МИА, № 56, стр. 251); в 1956—1957 гг. проводились исследования шурфовкой около северной стены церкви и внутри ее Е. В. Веймарном.

² В работах принимали участие сотрудники Института археологии АН СССР Н. Б. Черных и Т. Т. Терехова и сотрудник керченского историко-археологического музея Д. С. Кирилин.

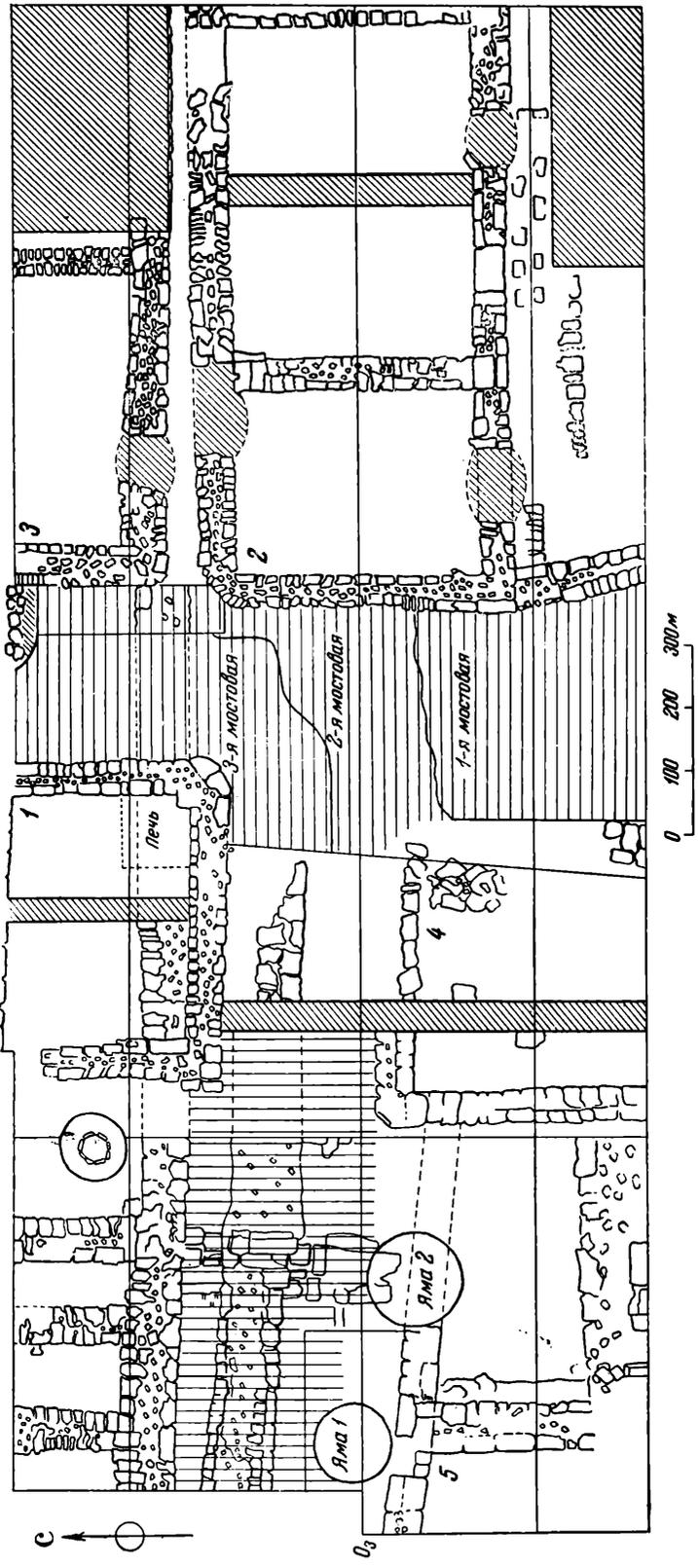

Рис. 29. Общий план раскопа

Камни сложены более или менее выдержанными рядами, в отдельных случаях — елочкой. Швы между ними часто забиты крупными обломками амфор и пифосов. Пространство между внутренним и внешним панцирями стен забутовано бесформенными обломками того же ракушечника, оставшимися от подтепки шедших на облицовку квадратов.

Из пяти домов, открытых нами, наиболее интересными и исследованными (одни попали в раскоп целиком или значительной частью, другие — частично) оказались два: № 1 и № 2 (рис. 29). Первый представлял собой почти квадратное в плане помещение площадью в 12 м² со входом со стороны двора, примыкавшего к дому с запада. От входа сохранился дверной проем шириной 0,70 м, на нижнем камне хорошо видны пятна от стояка двери. Юго-восточный угол занят сводчатой глинобитной печью. Пол хорошо выделялся по глиняной подмазке на уровне нижних камней кладки стен, сохранившихся на высоту пять-шесть рядов. Возможно, дом был двухэтажным: с внутренней стороны западной стены сохранились три ступени. Печь была в нижнем этаже. Несомненно двухэтажным был второй дом (пом. № 2 и 2а) (рис. 29). Он состоял из двух помещений общей площадью в 50 м². Помещения разделены внутренней стенкой, в северном торце которой хорошо видны ступени, ведущие из верхнего этажа в нижний. В обоих помещениях в первом же штыке заполнения были обнаружены бесформенные развалы глинобитных печей. Вероятно, они были во втором этаже дома и рухнули вниз во время его гибели. Это обстоятельство, а также ступени в стене позволяют нам предполагать, что дом № 2 был двухэтажным. Вход в дом тоже вел со стороны двора, примыкавшего к нему с юга. От улицы он был отгорожен сложенной из камней стенкой. От входа в дом сохранилась плита порога и устройство для двери, имеющее прямые аналогии в домах Илурата (рис. 30, а). В северной стене хорошо видна нижняя часть проема окна, упирающаяся в стену соседнего дома (№ 3), построенного, вероятно, несколько позднее.

Пол прослеживался по плотно утрамбованному глинистому грунту на уровне первого ряда камней кладки.

Остальные три дома ни по строительной технике, ни по планировке ничем не отличаются от вышеописанных. Дом № 3 построен почти вплотную к северной стене дома № 2 — проход между ними в самой широкой части достигает всего полуметра. Дом этот тоже состоял из двух помещений и, вероятнее всего, был двухэтажным: развал печи тоже был обнаружен в первых штыках заполнения. Пол его хорошо выделялся по толстому слою (в 0,8—0,10 м) глиняной подмазки на уровне первого ряда камней стен, сохранившихся на высоту пять — семь рядов камней (высота 1—1,20 м). От дома № 4, отделенного от дома № 1 улицей шириной в 2,75 м, сохранилась только западная стена, восточная — разобрана до основания, от северной — остались только камни внутренней облицовки. По размерам он приближается к дому № 1. Дом № 5 уходил в западный борт раскопа, нами расчищен только северо-восточный его угол.

Ближайшие аналогии описанным постройкам, как с точки зрения строительной техники, так и с точки зрения их планировки и отдельных деталей (лестница в стене), мы находим в постройках Херсонеса³ второй половины IX—XI в.

Не менее выразителен вещевой и керамический материал, обнаруженный при расчистке описанных сооружений. Это — обломки амфор с высокими ручками и венчиком-«воротничком» XI—XII вв., черносмоленых красноглиняных кувшинов, поздняя дата которых — XI в., поливной белоглиняной византийской посуды IX—X вв., стеклянных расписных византийских браслетов, типичных для IX—XI вв. форм, шиферные пряслица.

³ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959, стр. 297.

Рис. 30. Вход в помещение № 2а (а) и стены хазарской крепости под мостовой Корчева (б)

Однако более четкую дату давал материал, обнаруженный при расчистке улиц. В процессе этой расчистки были выявлены уровни трех мостовых: 1-я верхняя — на глубине 0,25 м от начала верхних камней кладок. Она представляла собой плотно утрамбованную битыми черепками черносмоленных кувшинов поверхность. Мощность этой вымостки достигала 0,50 м и могла вырасти за довольно длительный период. 2-я мостовая (на 0,75 м ниже уровня верхних камней кладок) была замощена слоем (в 0,1—0,15 м) битого ракушечника. Слой этот хорошо был виден и в плане, и в профилях. Он в свою очередь лежит на плотном каменистом грунте (3-й мостовой) без специального мощения.

Если 3-я мостовая — дневная поверхность времени постройки сооруженной описываемого периода, то 1-я мостовая — дневная поверхность времени гибели города. Расчистка этих мостовых дала однородный материал второй половины IX—XI в.

Большинство его залегало в полуметровом слое, отделяющем 1-ю мостовую от 2-й, что соответствует на всей площади раскопа 2-му и 3-му штыкам.

Этот горизонт дал подавляющее большинство найденных в слое (а не в заполнении жилищ) обломков стеклянных браслетов, стеклянных сосудов, византийской поливной посуды⁴. Именно в этот период улицы мостили обломками широко распространенных в Саркеле и Тмутаракани красноглиняных кувшинов со смолением внутренней поверхности. Судя по установленной С. А. Плетневой на материале Тмутаракани закономерности изменения диаметра венчика⁵, это были кувшины поздних форм, характерных для X—XI вв. Эта дата подтверждается находками византийских стеклянных браслетов с росписью, большинство которых характерно для слоев X—XI вв. Тмутаракани⁶, второй половины IX—XI вв. Саркела⁷, и византийской белоглиняной поливной керамики, типичной также для слоев второй половины IX—X в. как в Тмутаракани⁸, так и в Херсонесе⁹.

Временем между второй половиной IX в. и XI в. и следует датировать тот период жизни города, когда его улицы мостились обломками красноглиняных кувшинов.

Белая вымостка 2-й мостовой прикрывает каменистую поверхность 3-й мостовой всего на 0,1—0,15 м, хронологически они, вероятно, тоже недалеко отстоят друг от друга и должны быть отнесены к первой половине IX в. Самую позднюю 1-ю мостовую датируют находки 1-го штыка, прикрывающего ее.

Амфоры с высокими ручками, византийская поливная керамика с орнаментом граффитто, поздние формы красноглиняных кувшинов, стеклянные браслеты витые и черные круглые, наконец, бронзовый рубчатый перстень с несомкнутыми концами — все это позволяет датировать 1-ю мостовую рубежом XI—XII вв.

Уровень 1-й мостовой — время гибели открытого раскопками комплекса построек. Почти до этого уровня были разобраны кладки домов; остатки их разрушения — завалы камней — прикрывали и 1-ю мостовую, и уцелевшие в земле части стен. Открывшаяся после расчистки помещений картина — это яркая картина внезапного разрушения и полного разграбления города. Основной период жизни его относится к тому времени, когда в Житии Иоанна Сурожского и на Тмутараканском камне упоминается город Корчев. С ним естественно связывать открытый нами участок городского квартала, расположенного в 43 м от древней церкви Иоанна Предтечи. Одна из улиц прямо идет к северному входу в церковь (рис. 39), что может свидетельствовать о том, что к моменту сооружения открытого участка Корчева церковь уже существовала или строилась с ним одновременно. Перспектива связать улицы Корчева с церковью и внести ясность в спорный вопрос ее датировки заставила нас законсервировать большую часть раскопа на уровне 3-й мостовой.

⁴ Из 24 плохой сохранности монет, найденных при раскопках, 13 удалось расчистить и определить. По любезному сообщению В. В. Кропоткина, большинство их составляют боспорские и позднебоспорские монеты III в. до н. э. — IV в. н. э., три — византийские VI—VII вв., одна — херсоно-византийская IX — начала XI в. Какой-либо стратиграфической закономерности в их залегании нет: они одинаково встречаются в напластованиях III строительного периода (1—4 штыки).

⁵ С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 54.

⁶ Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани. Там же, стр. 111.

⁷ З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 323.

⁸ Т. И. Макарова. Поливная керамика Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани», стр. 78.

⁹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959.

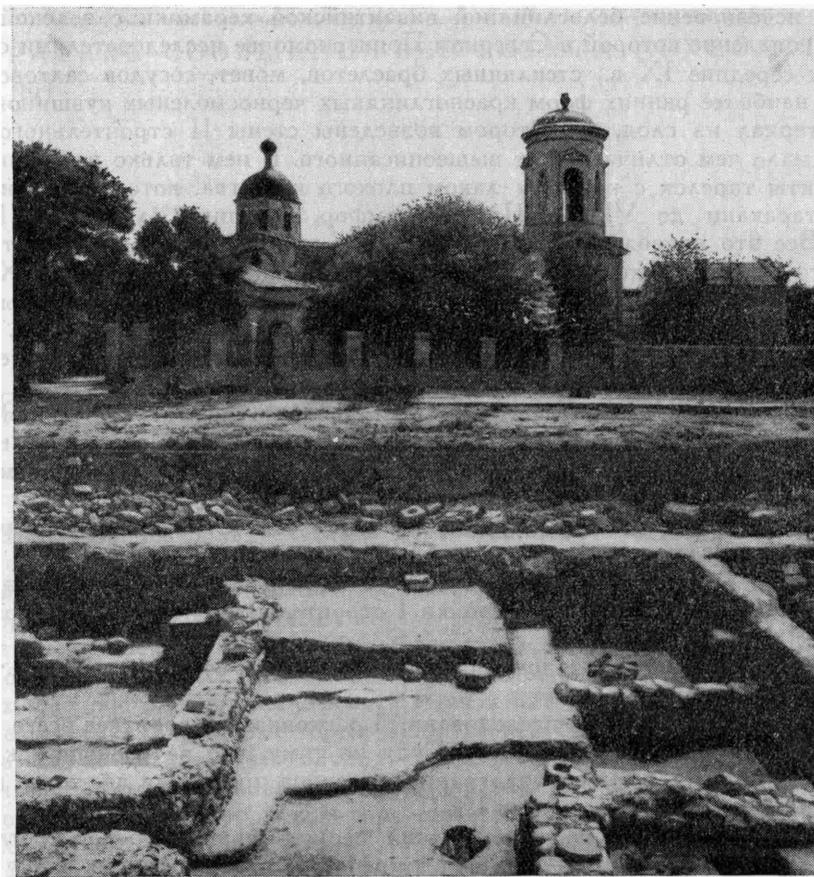

Рис. 31. Вид на улицу Корчева, идущую к церкви Иоанна Предтечи

Однако расчистка помещения № 1, где был прорезан для контроля пол, открыла кладку, относящуюся ко времени, предшествующему постройке Корчева.

Ее исследование продолжалось в западной части раскопа, где под хорошо видной в профиле вымосткой 2-й мостовой были обнаружены мощные стены, идущие в направлении запад — восток (рис. 2, б). Они состоят из двух параллельных стен от 1 до 1,10 м шириной и из двух контрафорсов, примыкающих к внешней северной стене. Кладка сохранилась на пять рядов камней, сложена из подтесанных камней ракушечника рядами с забутовкой между внутренней и внешней облицовкой. Отдельные участки кладки сложены «в елочку».

Продолжение северной стены прослежено под полом помещения № 1 и под улицей около помещения № 3; продолжение южной — под улицей около дома № 1 (рис. 28).

В общей сложности стены прослежены нами на протяжении 15,30 м. Оказалось, что каменистая поверхность 3-й мостовой образована верхними камнями кладок стен. Иными словами, раскрытый нами участок Корчева лежит на сnivelлированной поверхности разрушенных построек предшествующего (II) периода. Сколько-нибудь заметной стерильной прослойки между постройками III и II строительного периодов нет. Поэтому материал из засыпки стен датирует короткий промежуток времени между их гибелью и постройкой Корчева. Для этого материала характерно почти

полное исчезновение белоглиняной византийской керамики с зеленой поливой, появление которой в Северном Причерноморье исследователями относится к середине IX в., стеклянных браслетов, монет, сосудов салтовского типа и наиболее ранних форм красноглиняных черносмоленых кувшинов.

Материал из слоя, на котором возведены стены II строительного периода, мало чем отличается от вышеописанного. В нем только встречаются фрагменты тарелок с красным лаком плохого качества, который доживает в Тмутаракани до VII—VIII вв., и амфор, типичных для VI—VII вв. форм. Все это позволяет отнести постройку и разрушение стен II строительного периода к короткому промежутку времени между VIII и IX вв.

Оборонительные стены перестали существовать и были разобраны после большого пожара: об этом свидетельствует мощный горелый слой, особенно хорошо прослеженный в пространстве между контрафорсами северной стены.

Однако крепость хазарского времени была не первой постройкой на исследованном участке. Между северной и южной линией оборонительных стен были обнаружены остатки какой-то постройки более раннего времени.

От них сохранилась стена из подтесанных квадров ракушечника, идущая в направлении север — юг на протяжении 8 м. С внутренней стороны к стене примыкал развал глинобитной печи.

Обломки остродонных амфор VI—VII вв., краснолаковых блюд этого времени позволяют остаткам постройки I строительного периода датировать VI—VII вв.

Итак, раскопками на Рыночной площади в Керчи открыты остатки трех строительных периодов.

I строительный период, исследованный раскопками, вероятнее всего связывать с средневековым Боспором. Судя по тому, что на раскопе I культурного слоя этого времени нет, граница Боспора проходила где-то на пространстве 40 м между раскопами I и II.

II строительный период — хазарский период жизни города — оставил более существенные следы. Каменная крепость, построенная в эпоху хазарского владычества в Крыму, погибла в бурную эпоху походов «руссов» к Черному морю. Один из походов, подобных походу князя Бравлина, прошедшего путь «от Корсуня до Корча», мог быть причиной гибели этой крепости.

III строительный период начинается в ту эпоху, когда Хазария, теснимая то печенегами, то Русью, укрепляет свои западные и южные рубежи в союзе с обеспокоенной этими же противниками Византией. Город, возможно ровесник Саркела, вырастает на месте разрушенной хазарской крепости рядом с церковью или одновременно с ней. Однако построенный не без учета борьбы с Русью, в X—XI вв. Корчев превращается в важнейший форпост ее на море. В эпоху Тмутараканского княжества Корчев становится существенным звеном на торговом пути, идущем из Византии в Тмутаракань и далее — на север, через Белую Вежу.

Близкие судьбы трех городов — Тмутаракани, Корчева и Саркела — Белой Вежи — прекрасно отразились в общности археологического материала. И так же, как Белая Вежа, Корчев погиб в начале XII в., вероятнее всего от половецкого погрома.

Как показали раскопки А. Л. Якобсона и И. Б. Зеест, жизнь и строительство в городе продолжались и после этого¹⁰. Однако исследуемая нами площадь уже почти не застраивалась: об этом свидетельствуют как незначительность дошедших до нас следов строительства, так и малое количество материала XIII—XV вв.

¹⁰ См. статью: И. Б. Зеест, А. Л. Якобсон. Раскопки в Керчи в 1963 г. Печатается в настоящем сборнике.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ ДРЕВНЕРУССКОГО НОВОГРУДКА

Значительная роль сельского хозяйства, и в частности земледелия, в экономике древнерусского города установлена многочисленными материалами. Нет, кажется, ни одного города домонгольской поры, при раскопках которого не были бы найдены те или иные сельскохозяйственные орудия, злаки и другие предметы, относящиеся к земледелию. В 1956 г. В. П. Левашова опубликовала работу, в которой имеется сводка о пахотных орудиях, распространенных в Древней Руси и на соседних с ней территориях. Более трети пунктов, в которых найдены эти орудия,— древнерусские города, где в ряде случаев орудия обработки земли представлены целыми сериями¹. Так, в Райковецком городище найдены 22 наральника и лемеха и четыре чересла, в Княжьей горе встречено более 35 орудий обработки земли. Много пахотных орудий найдено в Колодяжине и других памятниках².

За последние годы к ранее известным материалам прибавились многочисленные новые данные, среди которых первое место принадлежит земледельческим орудиям и другим находкам, относящимся к сельскому хозяйству, обнаруженным М. К. Каргером при раскопках древнего Изяслава³.

В свете этих данных на древнерусский город вполне можно распространить характеристику, данную в свое время средневековому городу Западной Европы, о котором говорилось, что он «наполовину заселен и наполовину засеян».

В древнерусском Новогрудке, однако, встречено очень мало находок, имеющих отношение к земледелию. Злаки в условиях окольного города, где преимущественно производились археологические работы, не сохраняются, а из собственно земледельческих орудий в культурном слое X—XI вв. найдены лишь сошник и серп. Сошник 15 см длины с округлой в сечении трубицей 7,5 см диаметром (рис. 32, 2). Подобные пахотные орудия в Новгородской земле появляются в X в. В Гродно сошник такой формы найден в слое XII—XIII вв. На основании гродненской находки А. В. Кирьянов реконструирует соху Принеманья в виде трех, а возможно и четырехзубого упряжного орудия. Эта соха еще не имела приспособле-

¹ В. П. Левашова. Сельское хозяйство. Труды ГИМ, вып. 32, 1956, стр. 31—34.

² В. И. Довженок. Землеробство Древней Руси до середины XIII ст. Київ, 1961, стр. 225, 231, 234.

³ М. К. Каргер. Галицко-Волинская экспедиция. Экспедиции ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии в 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 100.

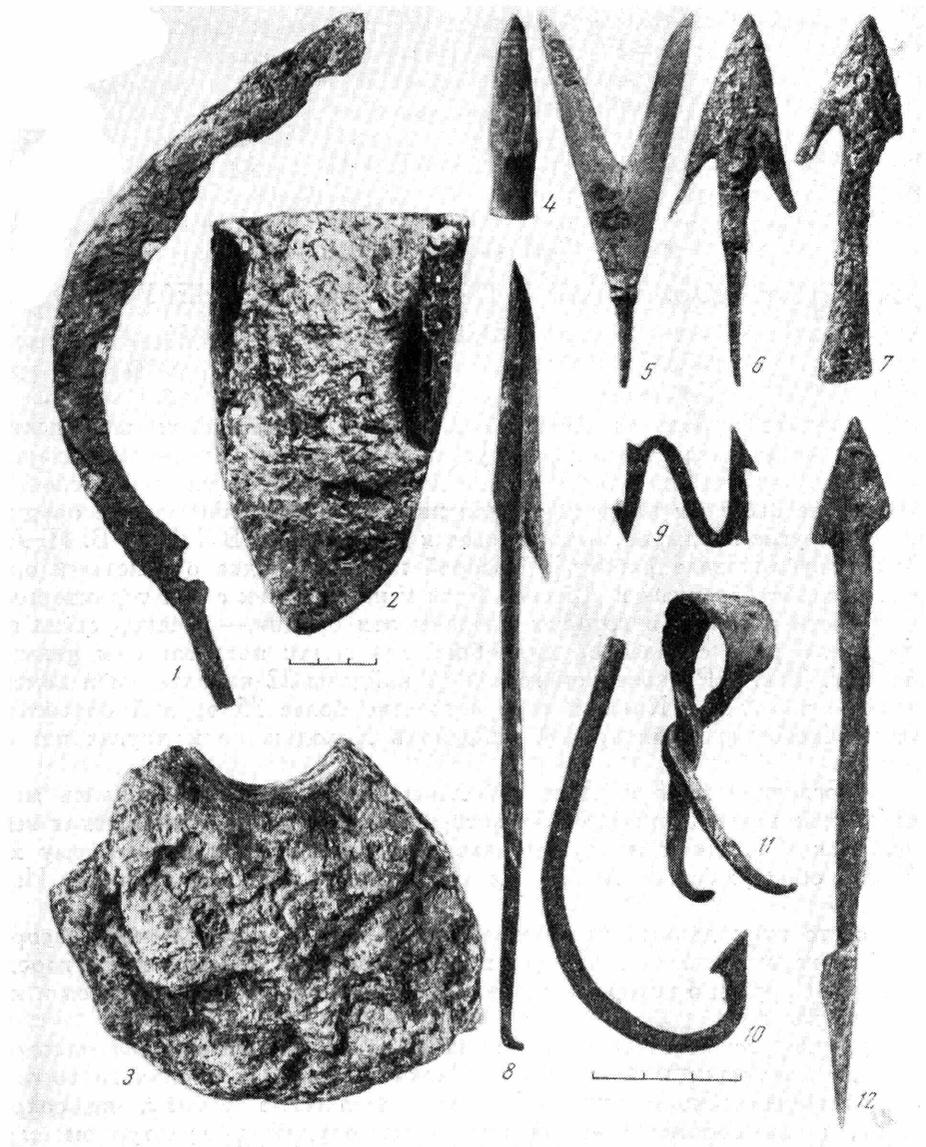

Рис. 32. Сельскохозяйственный и промысловый инвентарь

1 — серп; 2 — сошник; 3 — обломок жернова; 4 — наконечник костяной стрелы; 5 — срезень; 6, 7 — двушипные наконечники стрел; 8 — острога; 9, 10 — рыболовные крючки; 11 — крючок для вытаскивания сетей; 12 — гарпун

ния для отваливания пласта и могла лишь разрыхлять землю на незначительную глубину⁴.

Что касается серпа с длинным черенком, расположенным в одной плоскости с лезвием (рис. 32, 1), то он принадлежал к орудиям, широко распространенным в Древней Руси в X—XII вв.⁵

В двух жилых постройках найдены также жернова. В одной из них, относящейся к X—XI в., лежал обломок верхнего камня жернова (24 см диаметром), сделанного из крупнозернистого гранита (рис. 32, 3). На полу другого дома, который датируется второй половиной XII в., найдены два жернова 50 см диаметром, изготовленные из песчаника. Один жернов представлял собой комплект, состоящий из нижнего и верхнего камней, от второго сохранился лишь нижний камень. Жернова из Новогрудка повторяют хорошо известные находки из Киева, Новгорода, Вщижа, Старой Рязани и других древнерусских городов⁶.

Нередко к орудиям земледелия относят и топоры, применявшиеся при подсечном земледелии. Найденные в Новогрудке четыре топора вряд ли следует причислять к сельскохозяйственным орудиям. Это в первую очередь инструменты плотника и бондаря.

Скудость земледельческого инвентаря в Новогрудке особенно наглядна, если сопоставлять его с находками соседних с ним городов Гродно и Минска. Здесь земледельческие орудия как пахотные, так и орудия уборки урожая, — довольно обычные находки⁷.

Природные условия, в частности плодородие почвы указанных земель, вряд ли сильно отличаются друг от друга. Более того, окрестности Новогрудка еще в XIX в. считались плодородными⁸.

Малочисленность земледельческого инвентаря как будто бы свидетельствует о том, что земледелие не играло серьезной роли в экономике города. Слабые следы пашенного земледелия, наблюдавшиеся в X—XI вв., почти исчезают в XII—XIII вв. Трудно вместе с тем представить себе, что древнерусский Новогрудок представляет собой исключение из всех городов домонгольского времени, в том числе и таких, как соседние с ним Минск и Гродно. Любопытно, что в юридических документах XVI в. еще хорошо прослеживается связь Новогрудка с сельским хозяйством⁹. Естественно, что в X—XIII вв. эта связь была намного теснее. Остается предположить, что земледельцы жили где-то за пределами окольного города. Это предположение вполне правомерно, если иметь в виду, что на рубеже XI—XII вв. эта часть древнего Новогрудка заселяется городской знатью¹⁰. Заселение земледельцами территории, находящейся за городскими укреплениями, отмечается на городище Алчедар в Молдавии. Основная масса сельскохозяйственных орудий найдена там на поселении у городища¹¹.

⁴ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА № 41, 1954, рис. 23, 1; А. В. Кирьянов. Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно. МИА, № 41, стр. 209; он же. История земледелия Новгородской земли. МИА, № 65, 1959, рис. 2, 3, стр. 317.

⁵ С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 166.

⁶ М. К. Каргер. Древний Киев. М.—Л., 1958, рис. 135; А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 41; Б. А. Рыбаков. Жернова Вщижского городища. КСИИМК, вып. XI, 1945; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 165.

⁷ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 56; Э. М. Загорюльский. Древний Минск, 1963, стр. 75.

⁸ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. IX. СПб., 1905, стр. 542, 545.

⁹ А. Бурдзейка. Нарыс социальна экономичнага жицця места Наваградку у XVI стаалеццях. Гістарычна-археалагічны зборнік № 1. Мінск, 1927, стр. 167—168.

¹⁰ Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новгородка. СА, 1962, № 1, стр. 254.

¹¹ Г. Б. Федоров. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1959 году. КСИИМК, вып. 86, 1961, стр. 83.

О животноводстве и особенно охоте сохранилось значительно больше данных. В жилых постройках и за их пределами найдено много костей животных. В. И. Цалкин определил 5272 кости животных, представляющие 362 особи. Отдельные виды животных распределяются следующим образом (см. стр 80).

Наименование вида	Число особей	Процентное соотношение
Крупный рогатый скот	94	26
Мелкий рогатый скот	43	12
Свинья	79	22
Лошадь	19	5
Собака	8	2
Благородный олень	31	8
Лось	30	8
Зубр	25	7
Кабан	25	7
Бобр	4	1,5
Зяц	4	1,5

Как видно, среди домашних животных предпочтение отдавалось крупному рогатому скоту и свинье, что в общем соответствует характеру osteологических остатков из других древнерусских городов. Овцы и козы в мясном рационе обитателей города составляли относительно небольшую долю, но широко использовалась шерсть этих животных. В Новогрудке найдены пружинные ножницы, наиболее крупные из них (до 25 см длины), безусловно, служили для стрижки овец и коз. Отметим также находки 124 глиняных, сланцевых и шиферных пряслиц, которые могут свидетельствовать о прядении шерсти мелкого рогатого скота. В 1960 г. в околном городе был найден кусок войлока. Кости овец и коз служили материалом для изготовления проколов, кочедыков и других костяных поделок.

В археологической литературе неоднократно поднимался вопрос о том, являлась ли лошадь в древней Руси мясным животным. Большая часть исследователей полагает, что это случалось лишь в голодные годы¹². В Новогрудке мясо лошади, по-видимому, в пищу не употреблялось. Кости ее служили материалом для изготовления поделок. В нашем распоряжении нет данных — использовалась ли лошадь и в качестве рабочего скота. Несомненно, что в околном городе Новогрудке конь был предназначен преимущественно для транспортных и боевых целей. При относительно небольшом числе костей лошади, составляющих 5% костей всех видов животных, в околном городе найдено много предметов снаряжения всадника и упряжь боевого коня. Это 19 шпор, около 20 деталей удила, а также пряжки, пластинки, часть начельника и другие поделки, связанные с конским убором.

Последней в ряду домашних животных стоит собака. По заключению Н. М. Ермоловой, она была мелкопородной (изображение небольшой коротконогой собаки на навершии булавки или стила, возможно, соответствует облику бытовавших тогда животных). 33% особей принадлежит представителям лесной фауны, тогда как в древнерусских городах лесной полосы (Новгород, Псков, Старая Рязань и др) кости диких животных

¹² П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. ИЖДР, т. 1, М.—Л., 1951, стр. 59; А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 106; В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 83; В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1960, стр. 75.

составляют незначительную часть, иногда десятые доли процента¹³. Лишь в немногих памятниках, представлявших собой феодальные замки, удельный вес костей диких животных весьма велик. В Гродно он достигал 55% всех костей, на Ковшаровском городище — 39,9%¹⁴. К этим же памятникам примыкает и городище Асоте в Латвийской ССР, также являвшееся феодальным замком, где кости диких животных составляли 28% всех остеологических остатков¹⁵.

По видовому составу дикие животные представлены благородным оленем, лосем, зубром, косулей и кабаном. Таким образом, охота производилась на мясных животных, к которым В. И. Цалкин причисляет медведя и бобра, мясо которых также шло в пищу¹⁶. Собственно пушных зверей, которыми так богаты неманские леса, среди костных остатков Новогрудка почти не найдено. Еще в 1950 г. Е. И. Горюнова обратила внимание на то, что остеологический материал поселений создает искаженное представление об истинном значении пушной охоты. Отсутствие костей пушных животных на поселениях автор объясняет тем, что тушка зверя, после того как была снята его шкура, оставалась в лесу¹⁷. Это весьма убедительно.

Вместе с тем на отдельных поселениях, в частности на Асоте, найдено много костей пушных зверей. Достаточно сказать, что кости куницы составляли там 45% костей диких животных¹⁸.

Отсутствие костей пушных зверей в Новогрудке не означает того, что эти животные не являлись объектом охоты. Пушнина наиболее вероятный товар, который жители Новогрудка предлагали в обмен на то огромное число импортных, нередко уникальных вещей, которыми так богат этот город¹⁹.

В Новогрудке встречено и охотничье оружие. Таков втульчатый наконечник костяной стрелы с трехгранным острием (рис. 32, 4). В Новгороде такие стрелы датируются XI—XII вв.²⁰ На охоте применялись железные двурогие срезни (рис. 32, 5). Аналогии им известны в Новгороде со второй половины X в., а также в курганах Приладжья, на Дроссенском селище в Смоленской земле, в Змейском могильнике (Северный Кавказ) XI—XII вв. и в других местах²¹.

Охотничьим оружием служили и двушипные втульчатые и черешковые наконечники стрел (рис. 32, 5, 6), найденные в Новогрудке. Такие стрелы хорошо известны как по древнерусским памятникам (Новгород, Старая Рязань, Колодяжин, Екимавцы и др.), так и по средневековым поселениям за границами Древней Руси, в частности в Прибалтике²². Что касается остальных наконечников стрел, то, за исключением бронебойных и арбалетных, все они могли использоваться не только в военном деле, но и слу-

¹³ В. И. Цалкин. Фауна из раскопок Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 233.

¹⁴ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 76.

¹⁵ Э. Д. Шноре. Асотское городище. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, т. II. Рига, 1961, стр. 94.

¹⁶ В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. МИА, № 103, 1962, стр. 126.

¹⁷ Е. И. Горюнова. К вопросу об «остеологической» статистике. КСИИМК, вып. XXV, 1950.

¹⁸ Э. Д. Шноре. Указ. соч., стр. 95.

¹⁹ Краткий перечень этих вещей приведен в статье Ф. Д. Гуревич «О жилищах окольного города древнего Новогрудка» (КСИА, вып. 87, 1962).

²⁰ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 161.

²¹ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 166; В. В. Седов. Указ. соч., рис. 34, 6; В. А. Кузнецов. Исследование Змейского катакомбного могильника в 1958 году. МИА, № 114, 1963, рис. 2, 4, стр. 37.

²² А. Ф. Медведев. Указ. соч., рис. 14, 10; А. Л. Монгайт. Указ. соч., рис. 143, 3; Р. О. Юра. Древний Колодяжин. Археологічні пам'ятки УРСР, т. XII, 1962, рис. 35, 13; Г. Б. Федоров. Городище Екимавцы. КСИИМК, вып. 1, 1953, рис. 46; Э. Д. Шноре. Указ. соч., табл. X, 8.

жить охотничьим оружием. Таким же универсальным оружием являлись наконечники копья, сулицы и дротика, найденные при раскопках.

Специфическим оружием охотника являлись 19 железных гарпунов, распространившихся в Новогрудке на рубеже XI—XII вв. В одной из построек, вблизи печи, обнаружено восемь гарпунов. Гарпуны с прямоугольными в сечении стержнями от 6 до 14 см длины, с перпендикулярными по отношению к стержням пластинами разделяются на одношипные, которых было шесть экземпляров, и двушипные (рис. 32, 12) — 13 экземпляров. Это оружие использовалось при охоте на крупного зверя. Примотанный к древку просмоленной веревкой гарпун надежно держался и в нужный момент использовался для забивания зверя.

Гарпуны довольно редкая находка в древнерусских поселениях. Единично они найдены в Княжьей Горе, Новгороде, Пскове, Вышгороде, а также на селище Лебедка в Орловской области²³.

Роль охоты в древнерусском Новогрудке выступает особенно ярко в связи с тем, что, как мы уже отмечали, материалы, относящиеся к земледелию, следует искать за пределами городских укреплений. Однако было бы неправильным считать охоту основным занятием жителей древнерусского города. Охота для богатых обитателей древнерусского города это, вероятно, не только экономическая необходимость, но и забава, столь любимая верхушкой феодального общества. Население окольного города, которое не пахало и не сеяло, развлекалось охотой, «ловитвой», «ловом», как называли ее письменные источники²⁴.

Подобно Владимиру Мономаху, который охотился на «всяк зверь», знать Новогрудка забивала зубров, оленей, лосей и других обитателей леса. Серии гарпунов, обнаруженных в жилищах, позволяют предположить, что здесь жили охотники, особенно искусные в определенных приемах охоты. Что касается ловли пушного зверя, то для этого пускались в ход костяные стрелы и, по-видимому, использовались капканы, тенеты и другие приспособления. Различие в приемах охоты на мясных и пушных зверей, возможно, отразилось в следующих строфах былины об Илье Муромце: «В те поры Ильи Муромца дома не случилось; полевал он далече во чистом поле. Зверя лютово на копье ловил, соболей, куниц на низок низал»²⁵.

Наряду с костями животных найдено некоторое количество костей птиц, главным образом домашних, — курицы, гуся и утки. Любопытно, что среди птичьих костей обнаружены кости журавля; согласно «Русской правде» журавль считался собственностью того хозяина, на крыше дома которого он свил гнездо. Журавлиное мясо — «жеравие» — упоминается в числе блюд из дичи на пиру богатого человека в «Слове о богаче и Лазаре» — памятнике XII в.²⁶

Новогрудская возвышенность, изрезанная притоками Немана и ручьями, способствовала и развитию рыболовства. Рыбный стол наряду с мясным был весьма распространен в древнем Новогрудке. В жилых постройках найдена чешуя и кости рыб. Среди ихтиологических остатков, по данным Н. М. Ермоловой, были кости крупных рыб из породы осетровых, а также щуки, окуня, язя и карпа. Эти же рыбы водились в Немане и до недавнего времени.

Из рыболовных снастей в Новогрудке найдено пять железных крючков. Один из них, наиболее простой, был 4,5 см длины с загнутым без

²³ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 99—100, рис. 62; Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, рис. 8, 7.

²⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902, стр. 38, 39; ПСРЛ, т. 1. СПб., 1846, стр. 65.

²⁵ П. В. Киреевский. Песни, вып. 1. М., 1860, стр. 57.

²⁶ В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 93; В. Ф. Ржига. Очерки по истории быт домонгольской Руси. Тр. ГИМ, вып. 5, 1929, стр. 97.

зубца жалом. Подобные крючки найдены на Донецком городище, в слоях X—XIII вв.²⁷ У трех крючков были наклонные стержни, бородки на жале и петельки на противоположном жалу конце. Диаметры их дуг имели от 1,5 до 3 см (рис. 32, 10). Аналогии крючкам с наклонным стержнем известны на Донецком, Цымлянском, Родановом и других городищах²⁸. Найден еще один крючок (диаметр его дуги 3 см) с прямым стержнем и бородкой на жале. По наблюдениям Б. А. Шрамко и Е. А. Цепкина, крючки с наклонным стержнем встречались в Донецком городище в слоях до X в., в то время как для более поздних периодов характерен прямой стержень²⁹. Крупный крючок предназначался для жерлиц, в то время как более мелкие крючки использовались для переметов и удочек.

В 1963 г. найдена любопытная железная поделка, представляющая собой двойной рыболовный (?) крючок с дополнительными выступами (рис. 32, 9). Аналогии ему неизвестны.

Для лущения крупной рыбы новгородские рыболовы пользовались железными острогами. В культурном слое окольного города найдены две остроги с прямыми стержнями по 27 см длины (рис. 32, 8). Как полагает Р. Л. Розенфельдт, остроги с прямым стержнем употребляли в сочетании с двумя острогами с коленчатыми стержнями и составлялось таким образом трезубое орудие, примотанное веревкой к древку. Подобная составная острога заменяла более сложную для изготовления трезубую острогу³⁰. Остроги весьма частая находка средневековых памятников. Наиболее близкой аналогией новгородским находкам является острога из курганного могильника XI—XII вв. в с. Засвирь, Свирского района Минской обл.³¹

При заколе крупной рыбы могли также использоваться и гарпуны, о которых речь шла выше.

Жители Новгородка ловили рыбу и сетями. С XII в. входят в употребление плоско-выпуклые свинцовые грузики. Принадлежностью сетей является и большое каменное грузило с просверленным ступенчатым отверстием, а для вытаскивания запутавшихся сетей, по-видимому, служили двойные крючки с перевитым стержнем, заканчивающиеся петлей (рис. 32, 11). Крючки этого рода — довольно редки на поселениях. Аналогии им известны из Плиснеска, Княжьей Горы, а также из селища близ Богоявленского ручья, Угличского района Ярославской обл.³² Орудиями для плетения сетей являлись костяные иглы. Ихтиологические остатки и рыболовная снасть показывают, что значительную долю улова составляли крупные рыбы. Возможно, что отмеченная выше специфика охоты распространяется и на характер рыболовства. Оба эти промысла в Древней Руси были весьма близки друг другу и не случайно места охоты и рыбной ловли носили одно общее наименование — «ловище». Вместе с тем рыболовство в хозяйстве древнего Новгородка играло меньшую роль, чем охота. Может быть, это объясняется тем, что основной источник рыбы — Неман — отстоит от города на расстоянии около 30 км.

Малочисленные материалы, отражающие занятия бортничеством. Об этом промысле упоминают лишь единичные железные шипы, рассматри-

²⁷ Б. А. Шрамко, Е. А. Цепкин. Рыболовство у жителей Донецкого городища. СА, 1963, № 2, рис. 2, 11.

²⁸ Б. А. Шрамко, Е. А. Цепкин. Указ. соч., рис. 1, 2; И. И. Ляпушкин. Памятник салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958, рис. 13, М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, рис. 15, 6.

²⁹ Б. А. Шрамко, Е. А. Цепкин. Указ. соч., стр. 76.

³⁰ Р. Л. Розенфельдт. О конструкции и назначении некоторых железных изделий. СА, 1960, № 2, стр. 276.

³¹ D. Jaskanis. Materiały odkryte w 1934 r., na cmentarzysku kurhanowym w Zaświrzu rej. Świt w BSSR. Światowit, t. XXIV, 1962, табл. XIX, 1, стр. 482.

³² В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. Труды ГИМ, вып. 32, 1956, стр. 125, рис. 4, 5; М. П. Кучера. Древній Плиснеск. Археологічні пам'ятки УРСР, т. XII, 1962, рис. 9, 2, 3.

ваемые некоторыми археологами в качестве приспособлений для лазания по деревьям при занятии бортничеством. Между тем о развитии бортничества в Новогрудке свидетельствуют документы XVI в. В привилегиях, предоставленных новогрудским горожанам по магдебургскому праву, они могли рубить деревья «окром бортного дерева, которого рушить не смеют». В городе XVI в. существовала и воскобойня³³. Рассматривая данные свидетельства ретроспективно, можно предположить, что бортничество в Новогрудке домонгольской поры было развито намного больше, чем это может быть показано на археологическом материале.

Все материалы, свидетельствующие о сельском хозяйстве и промыслах окольного города древнерусского Новогрудка, типичны для древнерусских поселений. Специфика же этого памятника заключается в необычном соотношении земледелия и промыслов, особенно охоты. Земледелие, достигшее к концу X и в XI в. определенного уровня развития, почти не отражается в культуре города XII—XIII вв. Видимо, земледельцы были вынуждены селиться за пределами окольного города, превратившегося в место, где селилась городская знать. Большое значение охоты в Новогрудке также связано с социальной особенностью окольного города.

Значительная роль охоты нам хорошо известна по материалам уже упоминавшихся Гродно, городищ Смоленщины и городища Асоте. Однако в этих поселениях развитие охоты не происходило в ущерб земледелию, которому принадлежала ведущая роль в хозяйстве. В исследованной же части окольного города Новогрудка охотничий промысел как бы изгоняет земледелие. С таким явлением в древнерусском городе приходится сталкиваться впервые.

³³ А. Бурдзейка. Указ. соч., стр. 160, 166.

М. В. МАЛЕВСКАЯ

О ДАТИРОВКЕ НИЖНЕГО ГОРИЗОНТА НОВОГРУДКА

В процессе раскопок 1962 г. на территории окольного города древнего Новогрудка более ярко, чем в предыдущие годы, обрисовался ранний этап жизни на поселении¹. Он выявился особенно четко как по стратиграфическим данным, так и по ранее почти не встречавшимся строительным остаткам, а также по комплексам вещей.

Отряд продолжал исследование участка площадью около 170 м², расположенного близ вала в северо-восточной части окольного города². В 1960—1961 гг. здесь были открыты последовательно возведенные одна над другой большие постройки XII — первой половины XIII в.³ После окончательной разборки нижней из них — богатого дома с фресковой росписью первой половины XII в.⁴ — четко выявился культурный слой предшествующего времени, который и подвергся исследованию в 1962 г.

В слое мощностью от 40 до 50 см, состоящем преимущественно из черного жирного гумуса, и непосредственно на материке были открыты незначительные остатки трех разновременных наземных построек. Остатки одной из этих построек — № 15, погибшей в пожаре и затем почти полностью разобранной, — лежат на материке, на глубине 3,5—3,6 м. От нее сохранилась лишь часть печи, угольный слой рядом с ней и кусок обгоревшего бревна длиной в 1 м. Бревно это, слегка вдавленное в материк, является, вероятно, остатком восточной стены постройки, ориентированной по странам света, как и все ранее открытые сооружения Новогрудка. Остатки печи состоят из тонкого слоя сильно обожженной глины (толщиной 3—5 см), окруженной с северной стороны маленькими ямками от кольев (диаметром 6—8 см), служивших, видимо, каркасом ее свода. От пола постройки, помимо небольшого участка угольного слоя, сохранилась часть сильно обгоревшей доски, параллельной бревну стены.

К числу находок, связанных с этой постройкой, можно отнести всего несколько предметов: обломок массивной железной ручки с двумя медными заклепками (рис. 33, 2), часть жернова, желтую бусину из непрозрачного

¹ Систематические раскопки на территории окольного города Новогрудка ведутся под руководством Ф. Д. Гуревич с 1956 г. (см. Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв. СА, 1962, № 1, стр. 241—252; она же. К истории древнего Новогрудка. Swiatowit, т. XXIV, Warszawa, 1962, стр. 557—575).

² В составе отряда под руководством Ф. Д. Гуревич участвовали: М. В. Малевская (начальник участка на окольном городе), И. Д. Зильманович (начальник участка на детинце), Е. Б. Иванова, М. М. Гольдина, В. М. Фрейдман, Л. С. Столов, В. С. Иршин, В. А. Назаренко, Л. А. Карпова.

³ Ф. Д. Гуревич. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 51—54.

⁴ Ф. Д. Гуревич. Дом боярина XII в. КСИА, вып. 99, 1964.

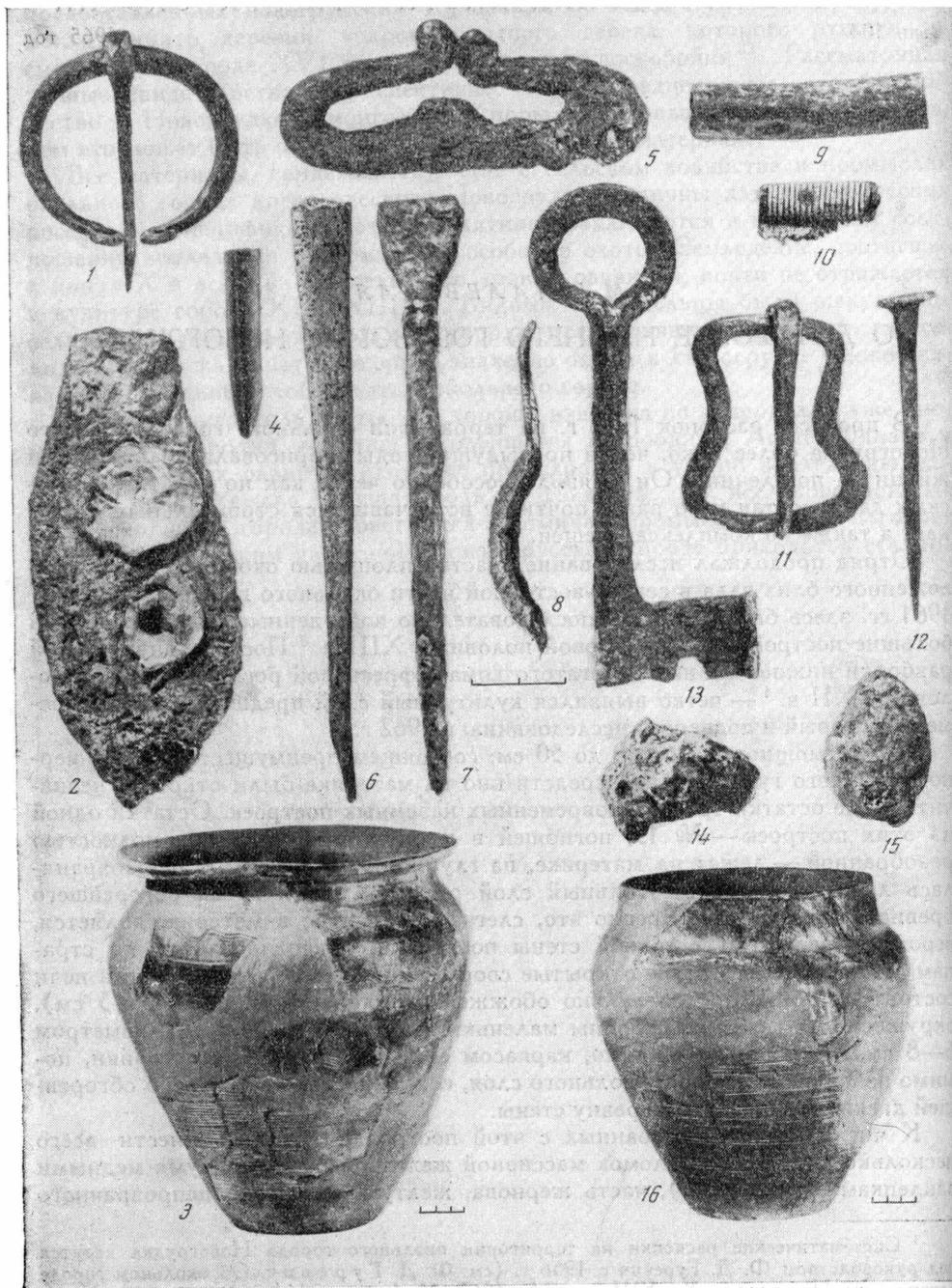

Рис. 33. Новогрудок. Находки нижнего горизонта окольного города
 1, 3—6, 14—15 — из постройки № 14; 2 — из постройки № 15; 7 — из постройки № 13; 8—12,
 16 — из постройки № 20

стекла с глазками, обрамленными красными ресничками, и несколько обломков глиняных горшков. Судя по имеющимся обломкам, большая часть горшков была сделана на гончарном круге, но некоторые из них лишь подправлены на нем в своей верхней части. Тесто содержит примесь дресвы или крупного песка. Отогнутые наружу венчики имеют прямо или косо срезанный край (рис. 34, 1) и часто небольшой выступ с внешней стороны (рис. 34, 2).

Многие сосуды были покрыты сплошным рифлением или параллельными горизонтальными линиями на небольшом расстоянии друг от друга; имеются также фрагменты с волнистой линией на шейке (рис. 34, 1) и с рядами многогорядной волны по плечикам (рис. 34, 2).

На основании стратиграфических данных (расположения постройки № 15 ниже уровня двух построек XI в.), а также наличия глазчатой бусины, аналогии которой обычно встречаются в X в., а в Новгороде в X—XI вв.⁵, постройку № 15 можно отнести ко второй половине или к концу X в. Такой датировке не противоречит и характер керамики.

Несколько восточнее постройки № 15 и на более высоком уровне (3,2—3,55 м) в слое черного гумуса были обнаружены остатки другой постройки — № 14, также погибшей во время пожара и почти полностью разобранной. Однако угольный слой от сгоревшего пола здесь более интенсивен и занимает значительную площадь. Несмотря на отсутствие четких границ угольного слоя, переходящего постепенно в черный гумус, можно сказать, что площадь постройки превышала 25 м². В западной части сгоревшего пола сохранились куски обгоревшего бревна, лежащего, по-видимому, не *in situ*. Уцелела часть печи, состоящей из тонкого слоя обожженной глины, развала камня и золы.

Недалеко от печи, к востоку от нее, на угольном слое обнаружены раздавленные сосуды, два из которых удалось восстановить (рис. 34, 3). Это кружальные горшки с примесью дресвы в тесте с отогнутыми наружу простыми венчиками, довольно высокими плечиками и конусовидно суживающимся туловом. Высота их равна 29—30 см, диаметр устья — 21—22 см, диаметр дна — 10 см. Оба горшка в верхней части украшены поясами многогорядной волны (один двумя, а другой тремя) и ниже рифлением, доходящим почти до дна. Помимо этих сосудов, на обгоревшем полу к северу от печи, а также в культурном слое над ним найдено значительное количество обломков горшков, имеющих венчики более сложного профиля — с выступом или утолщением на внешней стороне (рис. 34, 3), несколько фрагментов горшков с четко выделенной вертикальной шейкой и отогнутым наружу венчиком с округлым краем (рис. 34, 4) и др. Среди обломков дна представляет интерес дно с клеймом довольно сложного рисунка и дно с закраиной, принадлежащее сосуду с пологими стенками, может быть, миске (рис. 34, 6). Обращает на себя внимание нижняя часть маленького сосуда с двумя горизонтальными валиками, полукруглыми в сечении (рис. 34, 7). Часть горшка с аналогичными валиками была найдена при раскопках детинца⁶.

Кроме керамики, при зачистке пола постройки № 14 найдено значительное количество вещей, большая часть которых имеет узкие хронологические рамки. Это две лимоновидные бусины (двойная и тройная), бытующие главным образом в X и начале XI в.⁷, калачевидное кресало (рис. 33, 5) типа, широко распространенного в X—XI вв.⁸, и подковообразная железная фибула со спирально загнутыми концами (рис. 33, 1), аналогии кото-

⁵ Ю. Л. Щапова. Стекланные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 177—178.

⁶ См. статью И. Д. Зильманович в настоящем сборнике, стр. 93—98.

⁷ Ю. Л. Щапова. Указ. соч., стр. 173, 174.

⁸ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 98—103.

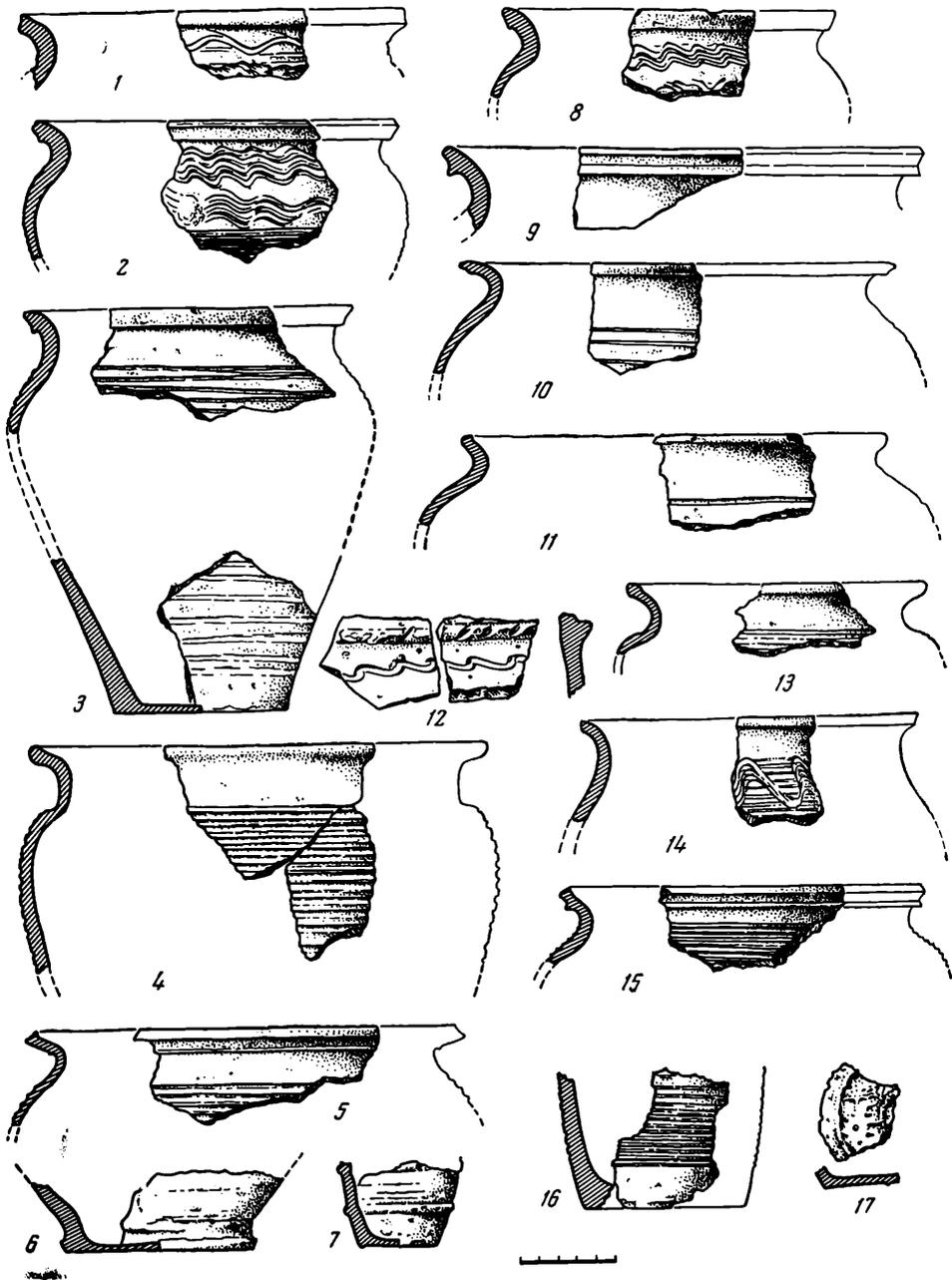

Рис. 34. Новогрудок. Керамика нижнего горизонта окольного города
 1—2 — из постройки № 15; 3—7 — из постройки № 14; 8—13 — из постройки № 13;
 14, 17 — из постройки № 20

рой хорошо известны в это же время близ Новогрудка⁹, в северо-западных областях¹⁰, особенно в Прибалтике и в могильниках Ярославского Поволжья¹¹. Здесь же найдены три костяные проколки (рис. 33, 6), металлический наконечник (рис. 33, 4), два обломка тигелька (рис. 33, 14—15) и три гвоздя. Особый интерес представляет обломок полукруглого в сечении коричневого стеклянного перстня с желтой инкрустацией в виде стебельков листьев вдоль наружной стороны. Инкрустация осуществлена посредством включения в размягченную поверхность изделия крошки стекла другого цвета¹². По форме и технике изготовления этот перстень можно сравнить с одним из видов стеклянных браслетов, найденных в Саркеле — Белой Веже, главным образом в слоях второй половины X—XI в.¹³ Как пишет Э. А. Львова, на территории Руси они встречаются крайне редко (в Киеве, Тмутаракани). Много их в X—XII вв. в городах Закавказья: Двине, Ани, Тбилиси, Дманиси и других, где их, вероятно, и производили¹⁴. Это заставляет предположить, что инкрустированный перстень является привозным изделием, датировка которого не противоречит времени бытования других вещей постройки № 14. На основании совокупности всех данных — стратиграфии и археологического материала — постройку № 14 можно датировать концом X — началом или первой половиной XI в.

После гибели постройки № 14 над ней была сооружена другая — № 13, отделенная от первой слоем гумуса толщиной 0,10—0,30 м. От нее сохранился плотный жирный коричневый слой толщиной от 3 до 15 см, представляющий собой сгнивший, а местами обгоревший пол. На некоторых его участках хорошо прослеживается направление волокон дерева, свидетельствующее об ориентации постройки по странам света. Трудно судить о размерах постройки, так как стены ее не сохранились, а площадь коричневого слоя так велика, что превосходит максимальные размеры новгородских домов. Однако имеются некоторые основания предполагать, что постройка № 13 приближалась по размерам к вышележащему и лучше сохранившемуся дому с фресками площадью около 80 м²: северная граница сгнившего пола почти точно совпадает с северной стеной дома с фресками, а скопления золы на полу постройки № 13 имеют четкую западную границу протяженностью в 2,4 м (при ширине 1,2 м), совпадающую с соответствующей границей дома с фресками. В северной части постройки сохранились остатки печи, состоящей из тонкого слоя обожженной глины и развала камня (размером 0,7 × 1,8 м), как и в нижележащей постройке. Интересно, что к северу от печи волокна дерева имеют направление с севера на юг, а к востоку от нее — с запада на восток, что, может быть, свидетельствует о членении постройки на две части, имеющие различное направление настила пола. Аналогичное явление наблюдалось в постройках № 5 и 6, открытых в 1958—1959 гг.¹⁵ В южной части угольно-коричневого слоя почти непосредственно на нем лежит довольно большим массивом (2 × 4 м) необожженная глина толщиной от 5 до 40 см. Она представляет собой, по-видимому, развал верхних частей постройки, подобно тому, как это имело место в доме с фресками. Расположение развала глины на расстоянии 8—9 м от северной границы

⁹ Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новгорода X—XIII вв. СА, 1962, № 1, стр. 250—251.

¹⁰ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 241—244.

¹¹ М. В. Фехнер. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 81—85, рис. 46, 21—23.

¹² Э. А. Львова. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII—XII вв. Л., 1961, стр. 12—13.

¹³ Э. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 311, рис. 1, 5, 7, 21; табл. на стр. 323.

¹⁴ Там же, стр. 312.

¹⁵ Ф. Д. Гуревич. О жилищах окольного города древнего Новогрудка. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 70, рис. 23 и 24.

пола подтверждает значительные размеры постройки № 13. Несмотря на большую площадь описанной постройки, при ее исследовании было найдено незначительное количество вещей: два шиферных пряслица, оселок, костяная проколка, несколько гвоздей и наиболее интересная вещь — железный стиль (рис. 33, 7). Среди немногочисленной глиняной посуды преобладают, как и в предшествующее время, фрагменты горшков с отогнутым наружу венчиком и небольшим валиком или треугольным выступом с внешней стороны (34, 8—10). Есть венчики и совсем простого профиля, но наряду с ними появляется и новый, ранее не встречавшийся тип венчика со слегка загнутым внутрь краем (рис. 34, 11, 13). Тулово горшков по-прежнему орнаментировано горизонтальными линиями или сплошным рифлением и иногда волнистыми линиями. Найдены два фрагмента большого сосуда, видимо, хозяйственного назначения, стенки которого украшены валиком с насечкой и волнистой линией (рис. 34, 12). Интересна ножка глиняного сосуда с зеленой поливой.

Постройка № 13, находящаяся над постройкой № 14 конца X — первой половины XI в. и под постройкой № 12 — первой половины XII в., может быть датирована второй половиной XI в. Однако находка железного стиля позволяет несколько уточнить эту датировку. Аналогичные стили найдены в Новгороде в слое конца XI — начала XII в.¹⁶ Поэтому, может быть, правильнее отнести постройку № 13 к концу XI в. или рубежу XI—XII вв.

Над постройкой № 13 лежал небольшой слой черного гумуса, а над ним слой песка, отделяющий ее от богатого дома первой половины XII в. (№ 12). Следует отметить, что западная и северная границы песка совпадают с соответствующими границами постройки № 12, а также с предполагаемыми границами постройки № 13. Это подтверждает в известной степени ранее высказанное предположение о близости размеров построек № 12 и 13, расположенных одна над другой.

Помимо трех упомянутых сооружений, в 1962 г. на соседнем участке были вскрыты остатки еще одного жилища — № 20. Как и постройка № 15, оно расположено непосредственно на материке, но на более высоком уровне — 2,3—2,6 м. Эта постройка тоже погибла во время пожара и стены ее до нас не дошли. Зато от пола сохранился не только угольный слой, но на одном участке его и обгорелые доски шириной 15—20 см, лежащие в направлении восток — запад, что опять указывает на ориентацию постройки по странам света. Над настилом пола в слое гумуса находились куски обгорелого дерева от обвалившихся верхних частей или стен постройки. Размеры жилища окончательно не установлены, так как, во-первых, обгорелый пол, незаметно переходящий в черный гумус, не имеет четких границ, а, во-вторых, постройка еще не полностью исследована. Но открытая часть сооружения уже позволяет говорить о больших его размерах (не менее 30 м²). На угольном слое в юго-западной части открыты остатки не полностью сохранившейся печи размером 0,6 × 0,9 м, частично сползшей в яму, вырытую рядом с ней в материке. Она состоит из слоя обожженной глины толщиной 8—10 см, покрытого золой.

Среди находок, обнаруженных при расчистке сгоревшего пола и в слое гумуса непосредственно над ним, некоторые вещи хорошо датированы. Это уже встречавшиеся в других постройках лимоновидные бусины и пятичастная пронизка X — начала XI в., обломок одностороннего рогового гребня (рис. 33, 10), аналогии которому хорошо известны в Западной и Восточной Европе в IX—XI вв.¹⁷, и железная прямоугольная пряжка с вогнутыми сторонами (рис. 33, 11), подобные которой встречаются преимущественно в

¹⁶ А. Ф. Медведев. Древнерусские писалы X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 73—76.

¹⁷ О. И. Давидан. Гребни Старой Ладоги. «Археологический сборник», вып. 4. Л., 1962, стр. 100—101.

X в. (например, в кургане второй половины X в. у с. Шестовицы¹⁸, в могильнике IX—X вв. в Бирке¹⁹). Датировке комплекса X в. не противоречат найденные здесь же другие вещи, бытующие и в более позднее время: железная оковка колчана с обломанным концом (рис. 33, 8), очень похожая на оковки, находившиеся среди частей колчана в погребении дружинника X в. в Киеве²⁰ и в ярославских курганах²¹, ключ (рис. 33, 13) такого типа, какой встречается в Новгороде во второй половине X в.²², а также три гвоздя (рис. 33, 12), костяной наконечник (рис. 33, 9) и обломок тигелька. Интересной находкой является нижняя часть горшка с крицей. По мнению Б. А. Рыбакова, варка железа в горшках в обычных печах являлась домашним его производством, существовавшим наряду с ремесленным²³. По предположению Б. А. Колчина, горшки могли использоваться как тигли для цементации железа при изготовлении стали²⁴. В интересующее нас время крицы в горшках были найдены в Москве при раскопках древнейшего комплекса (начала XI в.), связанного с металлургическим производством, получением железа из руды²⁵.

Немногочисленные обломки горшков, относящиеся к постройке № 20, очень близки по своему характеру к фрагментам горшков постройки № 14. Отогнутый наружу венчик большей частью имеет сложный профиль (рис. 34, 15), а тулово почти до самого дна покрыто сплошным рифлением (рис. 34, 16) и реже — отдельными горизонтальными линиями. Встречается керамика и более архаичного вида, как, например, обломок стенки очень грубого сосуда толщиной более 1 см с сильной примесью дровяной в тесте, украшенный волнистой линией по шейке и неровно проведенной многорядной волной по плечу, или обломок горшка со слабо отогнутым простым венчиком и покатыми плечиками (рис. 34, 14). Среди обломков дна имеется один с клеймом в виде круга (рис. 34, 17). Кроме обычных горшков, обнаружен очень нарядный сосуд с вертикальным горлом (рис. 33, 16). Верхняя часть его, включая горло, украшена поясами многорядной волны, а нижняя — рифлением, нанесенным очень частой и острой гребенкой. По совокупности всех данных (расположения на материке под тремя вышележащими постройками более позднего времени и характеру находок) постройка № 20 может быть датирована второй половиной или концом X в.

Таким образом, в результате работ 1962 г. в северо-восточной части околного города получен новый материал, дополняющий сделанные ранее наблюдения.

Открытие остатков четырех жилищ конца X—XI в. позволило уточнить данные о существовании в это время наземных построек, представленных до 1962 г. лишь печами²⁶. Жилища эти были больших размеров (более 20—30 м²), имели пол, настланный из досок, и печи, сделанные из глины и камня (в постройках № 13 и 14) или глинобитные (в постройке № 15). Какова была конструкция построек, окончательно не выяснено. Однако отсутствие в материке ям от столбов исключает для данных сооружений столбовую конструкцию и заставляет предположить срубную, которая имела

¹⁸ Я. В. Станкевич. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 16—17, рис. 8, 4.

¹⁹ H. A. G. B. m. a. n. Birka I, Tafeln. Uppsala, 1940, табл. 26, 2, 5.

²⁰ М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, стр. 184, рис. 32.

²¹ Н. Г. Недошивина. Предметы вооружения из ярославских могильников. Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963, стр. 58, рис. 8, 27 и 36, 1.

²² Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 91—92, рис. 74, 1—6.

²³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 132 и 210

²⁴ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 14.

²⁵ М. Г. Рабинович. Раскопки в Москве в 1950 г. КСИИМК, вып. 44, 1952, стр. 117.

²⁶ Ф. Д. Гуревич. Раскопки в Новогрудке (1960—1961). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 51.

место и в более позднее время. Все дома были ориентированы по странам света, как и сооружения XII—XIII вв., открытые на том же участке.

Выяснилось, что в X—XI вв., как и в более позднее время, постройки воздвигали не только в центре холма, впоследствии занятого окольным городом, но и ближе к его краю. Если в средней части площади остатки печей, обнаруженных непосредственно на материке, находились на глубине 1—1,2 м от репера, то расположенная на краю холма постройка № 20 лежит на глубине 2,4—2,6 м, а постройка № 15 (к востоку от нее) — на глубине 3,4—3,6 м от репера. Позже, когда в начале XII в. холм был укреплен валом, остатки этих построек оказались частично под его насыпью.

Анализ керамики разновременных построек показал, что за период времени с конца X в. до начала XII в. ее характер изменился очень мало. Архаичные формы посуды, как, например, горшки со слабо отогнутым простым венчиком и покатыми плечиками (рис. 34, 1, 14) сосуществуют с горшками более сложного профиля (рис. 34, 2—3, 5, 8—10), которые количественно преобладают в течение всего периода. Можно только отметить, что менее развитые формы горшков в постройках второй половины X в. встречаются все же чаще, чем в постройках XI в. Кроме того, в конце XI в. появляются сосуды со слегка загнутым внутрь краем венчика, которые раньше не встречались и характерны в основном для слоя XII в. (рис. 34, 11, 13).

Аналогии новгородской керамики X—XI вв. хорошо известны в это время во многих славянских землях, однако по характеру орнаментации, некоторым формам сосудов и другим признакам наибольшее сходство с ней имеет керамика Польши. Это относится, например, к горшкам с четко выраженной вертикальной шейкой (рис. 34, 4) и особенно к сосудам с вертикальным горлом, подобным найденному в постройке № 20 (рис. 33, 14). Кружальные горшки такого типа среди русской керамики встречаются довольно редко (за исключением некоторых районов, особенно Рязани), зато очень много их в Мазовии и в некоторых других областях Польши²⁷. К числу горшков с вертикальным горлом относится, вероятно, и маленький сосудик с горизонтальными валиками из постройки № 14 (рис. 34, 7), о чем свидетельствуют мазовецкие сосуды, украшенные такими же валиками²⁸; среди них есть и миниатюрные высотой 7—10 см. В польской керамике рассматриваемого периода известны также большие сосуды с туловом, охваченным несколькими горизонтальными валиками с косой насечкой²⁹, к типу которых принадлежит, вероятно, фрагменты стенок с аналогичным валиком из постройки № 13 (рис. 34, 12). Приведенные выше аналогии не противоречат датировке керамики нижнего горизонта второй половиной X—XI в.

Таким образом, совокупность всех данных, полученных в результате исследования четырех комплексов и культурного слоя нижнего горизонта (стратиграфия, вещи с узкими хронологическими рамками и характер керамики), подтверждает уже высказанное Ф. Д. Гуревич положение о том, что ранний этап жизни поселения относится к концу X—XI в.³⁰ Однако на основании некоторых находок более характерных для X, чем для XI в. и расположению на одном участке трех разновременных построек в слое, предшествующем XII в., можно допустить возникновение поселения не только в конце X в., но даже во второй его половине. С ранним этапом жизни на городище связан курганный могильник этого же времени, расположенный в 1,5 км к востоку от Новогрудка, инвентарь которого очень схож с материалами нижнего горизонта околного города³¹.

²⁷ K. Musianowicz. Mazowieckie naczynia z cylindryczną szyjką na tle słowiańskiego materiału porównawczego. Wiadomości archeologiczne, XVIII, Warszawa, 1951—1952, z. 3—4, стр. 345—370.

²⁸ Там же, стр. 349, рис. 3—4.

²⁹ A. Nadolski. Ausgrabungen in Zęczyca. Frühe polnische Burgen. Weimar, 1960, стр. 69, табл. LXXIV, 21.

³⁰ Ф. Д. Гуревич. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.), стр. 51.

³¹ См. статью К. В. Павловой в настоящем сборнике.

И. Д. ЗИЛЬМАНОВИЧ

РАСКОПКИ В ДЕТИНЦЕ НОВОГРУДКА В 1962 г.

С 1956 г. под руководством Ф. Д. Гуревич ведутся раскопки в одном из древнейших городов Белорусского Понеманья — Новогрудке¹. Помимо раскопок на территории окольного города, небольшие разведочные раскопки были предприняты и на площади детинца. В 1959 и 1962 гг. в его юго-восточной части был вскрыт участок площадью 24 м² с задачей выяснения стратиграфии детинца и соответствия его материалов синхронным комплексам окольного города. Были открыты на различной глубине следы нескольких сооружений.

Верхний горизонт представлял собою плотную забивку из камней, щебня, кирпича и другого строительного мусора из развала башен поздней средневековой крепости. В слое сплошными пластами залегала битая посуда XIV—XVI вв., почти вся неполиваная, красновато-серого цвета. Она представлена несколькими устойчивыми формами; среди них горшки с округлым туловом, глубокие и открытые миски, крышки, жаровни и т. д. На многих фрагментах темные пятна так называемой закалки (что изредка встречается и на керамике нижних слоев). В Западной Белоруссии в XIX — начале XX в. гончары употребляли этот прием². В этом слое найдены: каменное ядро, черная стеклянная бусина XIV в. с белой спирально-волнистой рельефной инкрустацией (рис. 35, 1), гвозди, кирпичи.

На глубине 1,5 м показались остатки деревянных сооружений домонгольского времени. Постройка № 1 прослеживается по сохранившимся доскам пола, покрытым слоем древесного тлена и соломы, и по остаткам нижнего венца восточной и южной стенок постройки.

На полу найдены типичные предметы XIII в.: обломок амфоры с крестообразным знаком на ручке (рис. 35, 8), железная пряжка, шиферное пряслице, фрагменты четырех стеклянных браслетов и керамики. Здесь же обнаружен обломок детской игрушки — глиняная головка олененка со следами желто-зеленой поливы (рис. 35, 7).

В непосредственной близости к постройке № 1 и параллельно ей располагается подобная же срубная постройка, которую, видимо, неоднократно перестраивали. Переделки коснулись главным образом внутренних деталей, особенно печи. По уровням подов печи и сгоревшего пола различаются

¹ Библиография по истории и археологии Новогрудка дана в статье: Ф. Д. Гуревич. К истории древнего Новогрудка. *Swiatowit*, т. XXIV, Warszawa, 1962, стр. 558—559.

² W. Hołubowicz, *Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi*. Toruń, 1950. В 7 км от Новогрудка в дер. Малые Корныши местные гончары и в наши дни «закалывают» свои изделия в мятной мякине, в результате чего на стенках сосудов появляются черные пятна.

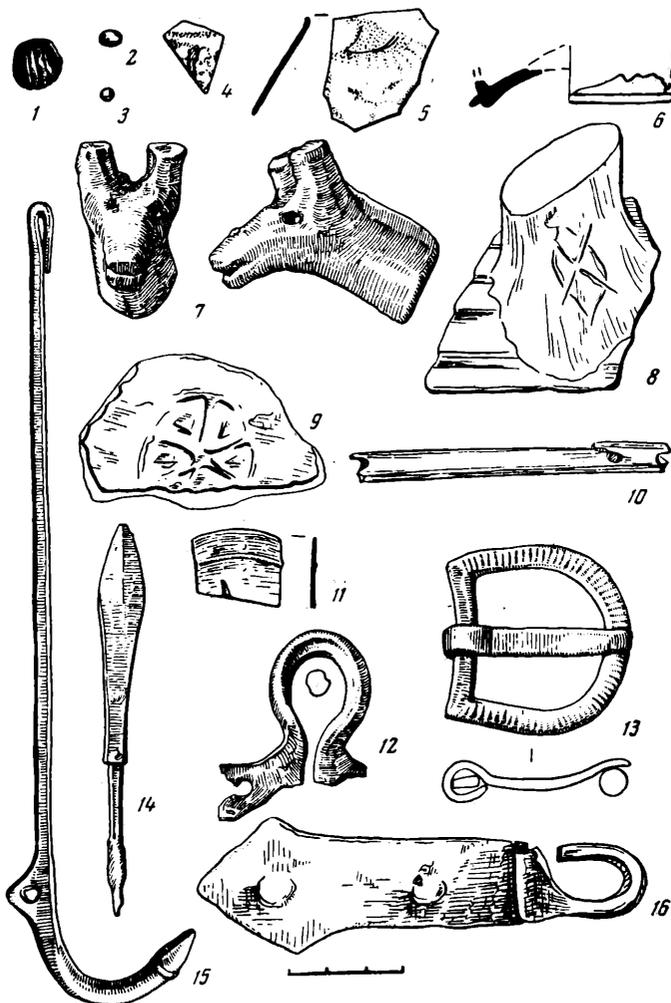

Рис. 35. Предметы, найденные при раскопках детинца Новогрудка:

1—3 — стеклянные бусы; 4—6 — фрагменты импортных стеклянных сосудов; 7 — глиняная головка животного; 8—9 — фрагменты керамики; 10 — костяная накладка; металлические изделия: 11 — обломок зеркала; 12 — ушко от ведра; 13 — поясная пряжка с насечкой; 14 — наконечник стрелы; 15 — крюк неизвестного назначения; 16 — дверная щеко́лда

строительные горизонты более позднего сооружения (№ 2) и более раннего (№ 3). Интересна деталь внутренней конструкции нижней части печи постройки № 2: с северо-востока печь ограждена тесиной, поставленной на ребро, с юго-востока — укреплена столбом. На уровне сгоревшего пола столб обмазан глиной, толстый слой обожженной докрасна глины покрывал тесину с восточной стороны. Видимо, здесь сохранились следы «опечка». Северо-западный угол сруба прослеживается плохо, но, очевидно, печь не примыкала к самому углу постройки. В южной части помещения на полу лежали довольно крупные куски берестяного сосуда.

Под развалом постройки № 2 обнаружено более раннее сооружение. Его остатки приблизительно повторяют очертания и расположение описанной постройки. В том же северо-западном углу, под аморфным развалом свода и стен печи, сохранились последовательно сменявшие друг друга четыре

глинобитных пода. В северной части в развале печи видны многочисленные следы починок, напластования подов и камней между ними, часть внутренней подмазки печного свода. Основания стенок печи укреплялись крупными камнями. Как и в постройке № 2, печь нижнего горизонта имеет угловой столб и тесину опечка. Судя по их расположению, ориентировка печи была несколько иной, чем в постройке № 2, и вся печь расположена ближе к западной стенке жилища. С двух сторон печь обрамлена широкими досками пола. Под полом находился слой плоских необожженных камней, лежащих на настиле из сучковатых жердей. Таким образом, печь постройки № 3 опиралась на подобие каменного фундамента, что несколько отличает ее от более приподнятых над полом печей северо-западных древнерусских городов³. Находки металлических предметов на обоих горизонтах построек № 2 и 3 немногочисленны: четырехгранный наконечник стрелы, кольцо от дужки ведра (рис. 35, 12), обломок ножа, гвозди. Здесь же найден небольшой фрагмент импортного прозрачного стеклянного сосуда⁴ (рис. 35, 6), несколько обломков гладких стеклянных браслетов XII в. и две желтые бусины (рис. 36, 2, 3): маленькая пастовая и «лимонка» X—XI вв. Керамика обычная для XII в. Интересен сосуд, украшенный по тулову валиками с насечкой,— форма, часто встречающаяся в слоях XI—XII вв. польских средневековых городов⁵ (рис. 36, 2). Рядом с постройкой найден небольшой горшочек с горизонтальными врезными линиями (рис. 36, 1).

В дальнейшем в целях безопасности западная часть раскопа не углублялась. В восточной части, на глубине около 2,20—2,30 м в слое, насыщенном перегноем, щепой, обнаружена часть хорошо сохранившегося сруба (постройка № 4). В раскоп вошел его южный угол с врубойкой бревен в обло с небольшим остатком. Под северную стену раскопа уходит широкая доска пола. Постройка ориентирована с запада на восток (рис. 36, б). В пределах этой постройки найдены деревянные поделки: лопата, обломок миски, крышка, несколько полуобгоревших лучин. В слое перегноя много лесных орехов, фрагментов кожаной обуви со следами швов и отверстий, ровно обрезанные лоскутья кожи, ремешки. Здесь же найден осколок синего стеклянного сосуда (рис. 35, 4), часто встречались обломки стеклянных браслетов и керамика.

Рядом с постройкой № 4, почти примыкая к ее юго-восточной стене, находился настил из плотно пригнанных широких досок (постройка № 4а). Следов сруба не было. Вероятно, более легкие стены этого сооружения были забраны в столбы, которые сохранились вдоль западной доски настила. Здесь же лежала на досках длинная жердь и рядом с ней, слегка перекрывающая торцы столбов, находилось подобие двери с полукруглым вырезом с одной стороны. Вся поверхность настила покрыта толстым (15—25 см) слоем навоза, который отсюда затекал и под сруб постройки № 4, заполнив ее низколежащий юго-восточный угол. Небольшое пространство между неровно обрезанными досками настила и стеной постройки № 4 заполнено также навозом, щепой, кусками досок. Огромное количество органических остатков позволяет предположить хозяйственное назначение постройки № 4а (хлев?). Здесь также много обрывков кожи, лесных орехов, рыбьей чешуи, костей, стеклянных браслетов. Обломки керамики обнаружены в основном за пределами сооружения и в промежутке между постройками № 4 и 4а. В пределах построек в слое найден обломок зеркала из светлого сплава (рис. 35, 11). Ближайших аналогий этому зеркалу в древнерусских

³ П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II. МИА, № 65, 1959, стр. 272—275.

⁴ Обломок сосуда изготовлен по натриево-кальциевому рецепту, указывающему на его восточное происхождение. Спектральный анализ стекла сделан Д. В. Наумовым в химической лаборатории ЛОИА.

⁵ См., например: F. Bialecka. Ceramika ze stanowiska wykopaliskowego w Wolinie. Materiały zachodnio-Pomorskie, t. VII. Szczecyn, 1961, стр. 354—356.

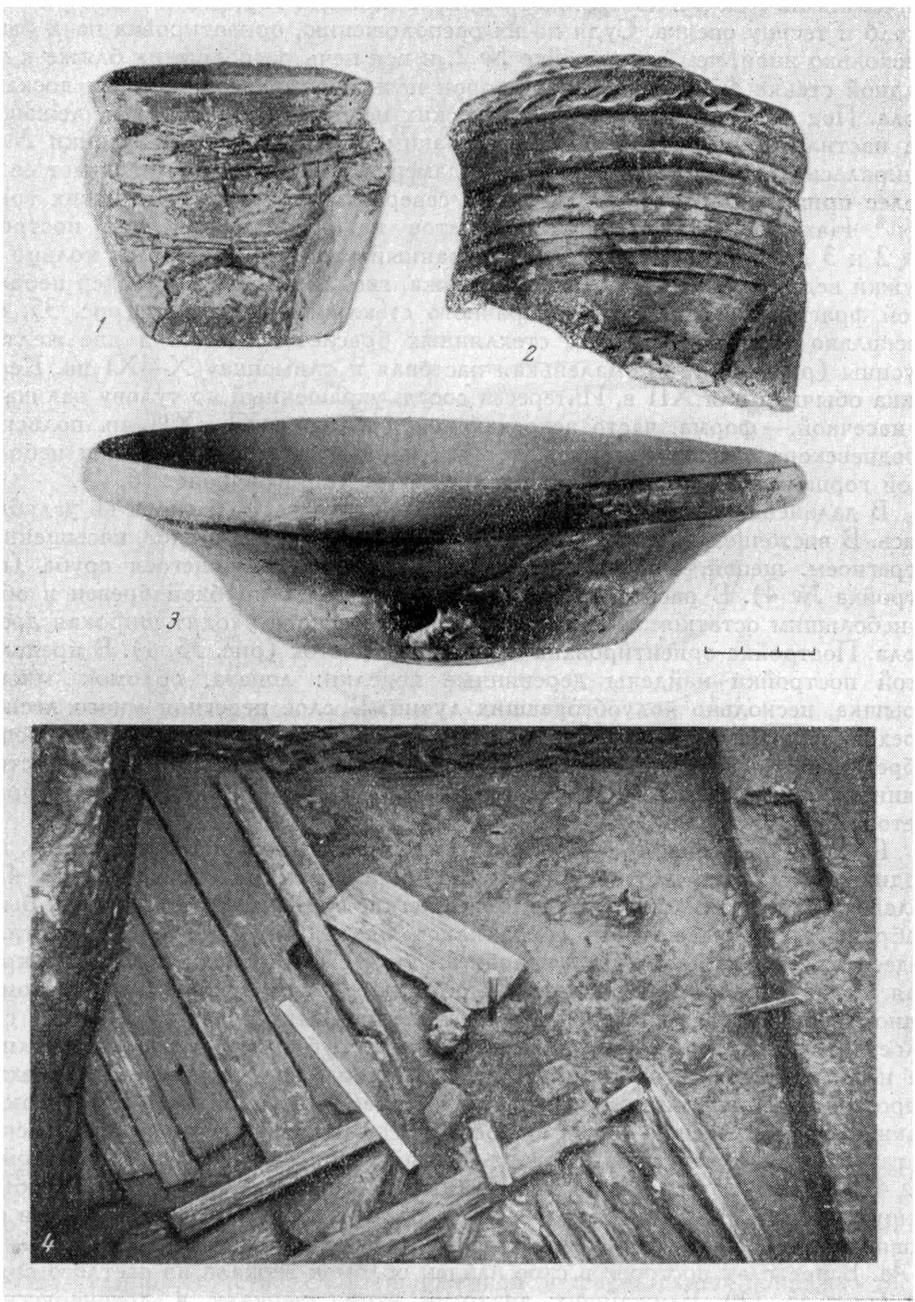

Рис. 36. 1—3 — сосуды из дегинца Новогрудка (а) и постройка № 4—4в (б)

городах найти не удалось, возможно, их следует искать в материалах средневековья Северного Кавказа⁶.

После снятия бревен и досок построек № 4 и 4а обнаружены деревянные нивелировочные прокладки, тонкий слой органических остатков и щепы, а затем слой становится более серым, золистым. На глубине 2,45—2,80 м находились остатки плетня и досок, ориентированные с северо-востока на северо-запад. Здесь же найдены: наконечник стрелы XI—XII вв., бронзовая дверная щеколда (рис. 35, 14, 16), каменный оселок, большое количество фрагментов стеклянных браслетов и керамики конца XI—XII в. Вместе с фрагментами обычных горшков с линейным, реже волнистым орнаментом, в слое найден обломок дна сосуда с клеймом (рис. 35, 9), осколки амфорных стенок. Керамике этого комплекса близка посуда из построек № 4 и 4а. Обращает на себя внимание темно-серая миска с двумя горизонтальными полосами на сгибе тулова. Интересен найденный в этом же слое Новоградского детинца фрагмент сосуда из белого полупрозрачного стекла с золотой росписью (изображено распростертое крыло птицы) (рис. 35, 5). При раскопках окового города уже неоднократно встречались фрагменты византийских стеклянных сосудов XII в. подобного же типа. Уже упомянутый фрагмент синего прозрачного стекла с золотым узором и эмалированной арабской надписью (рис. 35, 4), найденный в постройке № 4, относится к египетским или сирийским стеклам XII—XIII вв.⁷

При дальнейшем углублении было зафиксировано лишь несколько золистых пятен. На глубине 3,20—3,50 м залегал серый, сыпучий слой песка и камней. В стенке раскопа были видны запущенные наклонно бревна с плоскими нижними концами. Никаких находок в слое не было. По всей вероятности, здесь оказалась осыпь вала (?) или другое земляное сооружение, насыпанное до начала XII в. Только на глубине около 4,2 м вновь появляются строительные остатки: куски дерева, зола, уголь. Этот слой лежит непосредственно на материке (глубина до 4,6—4,8 м). Здесь около небольшого бревна найдены узкая костяная накладка (рис. 35, 10), долотце, несколько гвоздей, металлические оковки, железный крюк неизвестного назначения (рис. 35, 15) и полукруглая железная пряжка с серебряной насечкой (рис. 35, 13). Наиболее близкая по форме и орнаменту, но значительно меньших размеров пряжка найдена в каменном могильнике XI—XIII вв. Чарна Велька (пов. Семятичи) в соседней с Белоруссией Подляшье⁸. Немногочисленные осколки венчиков с горизонтально срезанным краем или с небольшой выемкой с внутренней стороны, найденные в предматериковом слое, датируются XI в. (некоторые — X). Однако даже среди самых древних образцов керамики детинца совершенно нет лепных фрагментов.

Датировка предматерикового слоя позволяет судить о времени заселения детинца. Вероятно, это произошло в конце X — начале XI в. и приблизительно одновременно с заселением окового города. К этому времени относится керамика предматерикового слоя и, возможно, пряжка, типологически очень простая, одночастная. Некоторые предметы — костяная накладка из предматерикового слоя, бусина-лимонка, видимо, случайно попавшая в один слой со сравнительно поздней постройкой № 3, — также датируются X—XI вв. Насыпной слой, перекрывающий остатки первоначального поселения на Замковой горе, возможно, свидетельствует о сооружении вала, либо о следах осыпи уже существовавшего к тому времени вала. В XII—XIII вв. жизнь на детинце была очень интенсивной, большинство сооруже-

⁶ В. А. Кузнецов. Исследования Змейского могильника. Средневековые памятники Северной Осетии. МИА, № 114, 1963, стр. 42, табл. IV, 6 (химический анализ показал наличие большого количества олова в сплаве).

⁷ С. J. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten, t. 1. Berlin, 1929—1930, стр. 122, 247.

⁸ K. Musianowicz. Granica Mazowiecko-Drehowicka na Podlasiu w wczesnym średniowieczu. Materiały wczesnośredniowieczne, V. Warszawa, 1960, табл. VIII, 8.

ний относится именно к этому времени. Находки уже описанных фрагментов керамики и стеклянных браслетов уточняют общую картину домонгольских напластований. В стратиграфически более раннем комплексе с плетнем найдена большая часть витых браслетов; здесь, а также в постройках № 4 и 4а, сосредоточено 75% общего количества браслетов, в постройках же № 1—3 их очень мало. Наиболее поздняя стратиграфически постройка № 1, кроме вещей, характерных для XIII в., содержит и более поздние предметы (глиняная головка, отдельные фрагменты мисок XIV в.). Характерно, что после XIII в. жизнь на детинце Новогрудка не замирает, как в околном городе, а продолжается вплоть до середины XVI в. О более поздних слоях в настоящее время трудно судить, так как верхние напластования, видимо, содержащие и более поздние материалы, в 20—30-х годах XX в. были сняты при сооружении мемориального холма А. Мицкевича.

Таким образом, комплекс изученных остатков позволяет наметить основные этапы жизни детинца летописного Новгородка: X—XI вв. первоначальный, затем — период интенсивной жизни XII—XIII вв. и, наконец, слои послемонгольской крепости XIV—XVI вв. Деревянные домонгольские постройки зафиксированы и на других участках детинца (при первом обследовании в 1956 г. найден деревянный настил в его северо-восточной части).

Сопоставление материалов детинца и околного города позволит поставить вопрос о сходстве и различиях, о взаимоотношениях между различными участками одного города. Если материалы исследования околного города, при общей древнерусской культуре памятника, представляют собою несколько необычный археологический комплекс, то даже небольшие раскопки детинца приоткрывают уже знакомую по изучению других городов картину жизни типичного древнерусского города. Возможно, что различия домостроительной традиции и материалов обусловлены особенностями хозяйственного уклада, занятиями различного по своему социальному уровню населения. При нынешней степени исследованности детинца рано говорить об его социально-экономическом облике в домонгольское время, но и полученные данные позволяют поставить этот памятник в один ряд с другими городами Северо-Западной Руси.

К. В. ПАВЛОВА

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА БЛИЗ НОВОГРУДКА

В 1955—1956 гг. славяно-литовским отрядом под руководством Ф. Д. Гуревич обследовано несколько групп курганов вблизи г. Новогрудка¹. Наибольший интерес вызвал могильник у дер. Бретьянка в 1,5—2 км к востоку от г. Новогрудка и в 1 км к западу от дер. Бретьянка, расположенный на небольшой, заросшей кустарником, возвышенной площадке левого берега безымянного ручья, впадающего в р. Бретьянку. Могильник состоит из двух групп курганов, разделенных пахотным полем 200—250 м ширины. В группе, ближайшей к Новогрудку, насчитывается до 130 курганов; в меньшей — около 30. Обе группы курганов были, вероятно, значительно многочисленней, так как на окружающих полях еще можно заметить следы распавшихся курганов.

Все курганы сильно оплыли, задернованы и заросли кустарником. Большинство насыпей попорчено корнями старых и ныне растущих деревьев и ямами. Лучше сохранившиеся курганы имеют полушаровидную форму. На вершинах некоторых из них заметны небольшие западины, в единичных случаях у основания насыпей наблюдаются ровики. Размеры курганов: высота от 0,5 до 1,5 м, диаметр от 3,5 до 10 м. Имеются очень маленькие, едва заметные насыпи.

В 1956 г. Ф. Д. Гуревич в меньшей группе было раскопано четыре кургана; в двух найдены остатки сожжения². В 1963 г. в южной и центральной части большой группы было раскопано девять курганов разной величины. Их насыпи из желтого рыхлого песка включали небольшие булыжные камни и очень редкие мелкие угольки и обычно пронизаны переплетающимися корнями деревьев. Погребения очень плохой сохранности.

Курган № 5. Высота — 0,85 м, диаметр — 6 м. Погребения не обнаружено.

Курган № 6. Высота — 0,8, диаметр — 6 м. У вершины насыпи, на глубине 10—15 см (под дерном) — скопление булыжных камней. Костяк женщины лежал у подошвы курганной насыпи, на глубине 0,6 м³ в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. Под костяком, в области бедренных костей, — тонкое проволочное колечко из низкопробного серебра. На погребальной площадке, на уровне залегания погребения, в 0,5 м к северо-западу от черепа — расплывчатое округлое сажисто-золистое пятно с мелкими угольками 0,6—0,7 м в диаметре, толщиной до 3 см.

¹ Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья. М.—Л., 1962, стр. 97 и сл.

² Ф. Д. Гуревич. Указ. соч.

³ Все глубины даны от вершины кургана.

Под погребением, лежавшем на слое чистого желтого песка 5—6 см толщины,— слой темной песчанистой почвы с гнездами золы и углями, местами обожженной до красного цвета (особенно в южной половине кургана). Здесь же встречались и более крупные куски угля. Ближе к краям кургана углисто-золистый слой, достигавший в центре 18—20 см, переходит в чистый желтый песок. На погребальной площадке, преимущественно у краев золистого слоя, лежало несколько небольших и крупных камней.

Курган № 7. Диаметр — 6,5 м, высота — 1 м. У вершины насыпи — скопление булыжных камней. На глубине 0,8 м, на расстоянии 0,65 м к северо-западу от центра курганной площадки найдена правая половина черепа человека, видимо, старой женщины. На уровне черепа было большое количество беспорядочно лежавших камней, слой темной песчанисто-золистой почвы с мелкими угольками шел под ними и выше черепа на 10—15 см. Этот слой образовал пятно 4—4,5 м в диаметре, в пределах которого, как и в кургане № 6, прослежена обожженность почвы. В насыпи кургана найдено два обломка гончарных сосудов.

Курган № 8. Диаметр — 7 м, высота — 1,1 м. В насыпи, на глубине 0,25—0,40 м — булыжные камни более крупные, чем в предыдущих курганах, но в меньшем количестве.

Костяк мужчины находился на глубине 1,00—1,1 м, в центре курганной площадки, в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. Погребение лежало в темном гумусированном песчанистом слое, в котором не было замечено четких следов золы и угля, хотя в том же слое над погребением прослежены отдельные гнезда золы. На погребальной площадке, в пределах темного слоя встречены крупные камни. В насыпи кургана найдено несколько мелких окатанных черепков гончарных сосудов, в северо-западной поле кургана, у обреза раскопа, на глубине 8 см — железная подковка от сапога.

Курган № 9. Диаметр — около 10 м, высота — 1,2 м. На глубине 0,95 м лежал мужской костяк в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. У черепа, с левой стороны, — следы разложившегося железного предмета. Справа, на расстоянии 0,45 м к югу от бедренной кости, — бронзовый спиралевидный в три витка перстень на фаланге пальца (рис. 37, 3). Справа же, у колена, — железный боевой топор (рис. 37, 2), слева, около тазовой кости, — обломки железного ножа (рис. 37, 4), а ниже его, на расстоянии 25 см к северу от левой бедренной кости, — калачевидное кресало (рис. 37, 5). У ног стоял горшок с клеймом на днище (рис. 37, 1). Высота горшка 14 см, диаметр венчика 17 см, диаметр донца 7,4 см. Погребение лежало в слое темной песчанисто-золистой почвы мощностью около 0,5 м, имевшем вид темного расплывчатого пятна около 5 м в диаметре, в пределах которого вокруг погребения обнаружено несколько крупных камней.

Курган № 10. Диаметр — 5,8 м, высота — 0,9 м. Под насыпью, в материке, почти в центре курганной площадки — прямоугольная могильная яма 1,4 × 1 м, глубиной 0,5 м, ориентированная с юго-запада на северо-восток. В нижней части ямы в мешаном слое, состоящем из комков глины и темной песчанисто-золистой почвы с редкими угольками, найдены мелкие кальцинированные кости человека. Над ямой, в насыпи кургана, залегал слой мешаной темной песчанисто-золистой почвы. Вещей в яме и в насыпи кургана не найдено.

Курган № 11. Диаметр — 9 м, высота — 1,3 м. Женский костяк лежал на глубине 1,10 м, в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. У затылочной кости — синяя шестигранная стеклянная и зеленая глазчатая бусины. Около нижней челюсти и под ней — 140 мелких стеклянных желтых и белых бусин, две крупных многогранных хрустальных бусины, одна восьмигранная призматическая сердоликовая бусина и немного ниже их — крупная круглая синяя стеклянная бусина (рис. 38, 1). Такая же сердоликовая бусина и несколько стеклянных мелких найдены под черепом.

Рис. 37. Инвентарь из курганных погребений

2, 3, 4, 5 — горшок, топор, перстень, нож и кресало из кургана 9; 6, 7 — сланцевая пластина и кресало из кургана 13; 8, 9, 10, 11 — нож, поясные кольца, пряжка из кургана 15

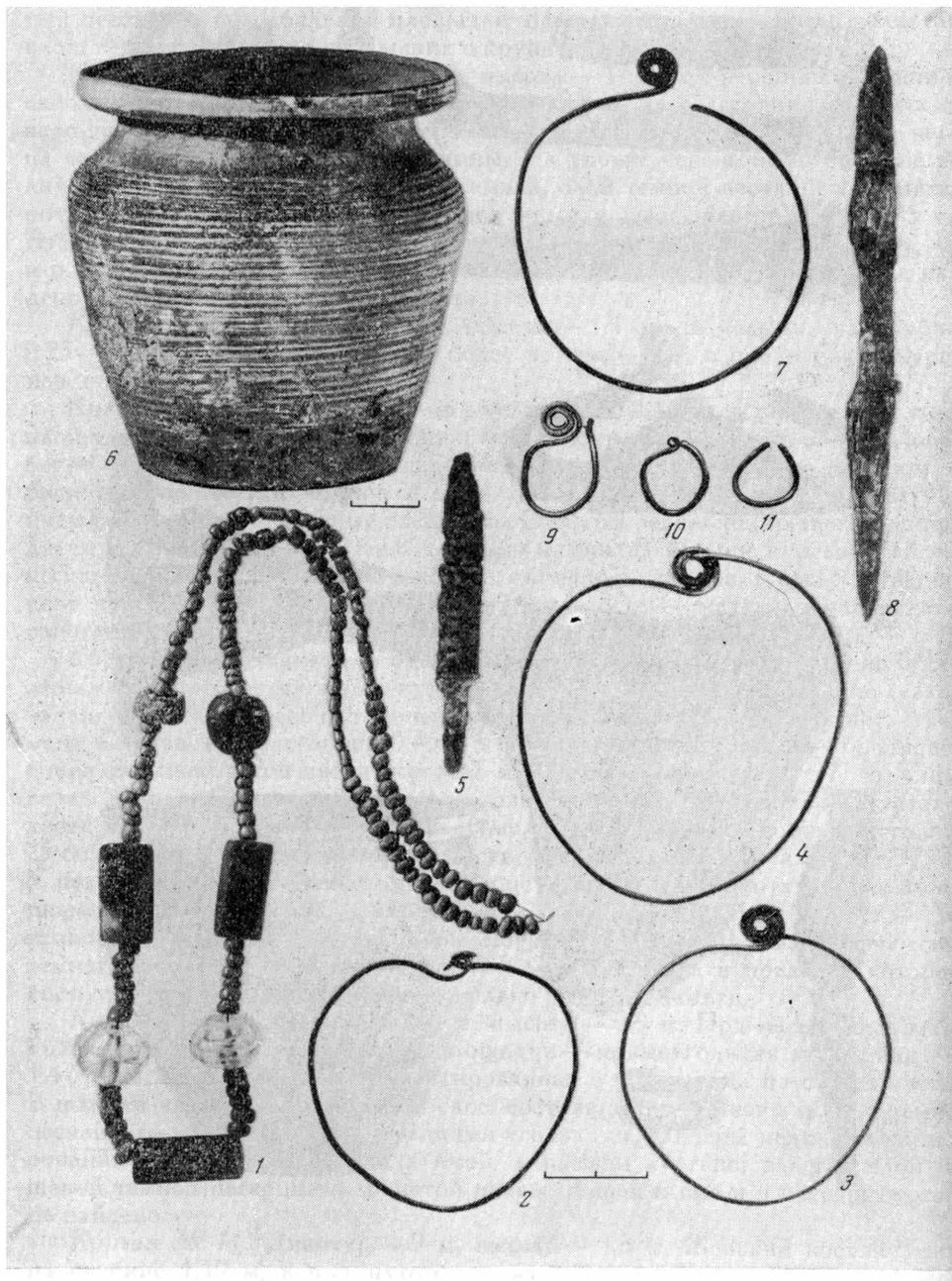

Рис. 38. Инвентарь из курганных погребений

1, 2, 3, 4, 5 — бусы, височные кольца, нож из кургана 11; 6, 7, 8 — горшок, височное кольцо, нож из кургана 12; 9, 10, 11 — височные кольца из кургана 14

Примерно на уровне грудной кости лежали очень хрупкие обломки железного ножа (рис. 32, 5) и немного в стороне от него — обломки крупного проволочного височного кольца из низкопробного серебра со спиралевидным завитком на одном конце. Два таких же целых кольца найдены справа у бедренной кости и между берцовыми костями (рис. 38, 3, 4). Четвертое кольцо со сцепленными между собой крючками на обоих концах найдено среди обломков раздавленного горшка, лежавшего слева, в поясничной области (рис. 38, 2). Около правой бедренной кости найдены, кроме того, обломки металлической бусины и обгоревший желудь. На погребальной площадке, на расстоянии 1 м к северо-западу от черепа, обнаружен черенок от ножа и железная пластинка трапециевидной формы, а в северо-восточном поле кургана — обломки второго горшка. Костяк лежал в таком же темном золистом слое, как и в предыдущих курганах.

Курган № 12. Диаметр — 8 м, высота — 1,3 м. Женский костяк лежал на глубине 1,25—1,30 м, в темном золистом слое, в вытянутом положении, на спине, головой на запад. На черепе, около скуловых костей найдено два таких же, как в кургане № 11, височных кольца со спиралевидным завитком на одном конце (рис. 38, 7). Вокруг нижней челюсти и под ней собрано около 70 мелких желтых и белых стеклянных бусин (типа рис. 38, 1), сердоликовая призматическая и одна округлая многогранная бусины. Справа, в области грудной клетки, лежал железный нож (рис. 38, 8), а слева, симметрично ножу, — обломок бронзового пластинчатого перстня с завязанными концами. У ног стоял небольшой горшок, сделанный на круге (высота 11,7 см, диаметр венчика 11 см, диаметр донца 7,4 см; рис. 38, 6). В насыпи найдено несколько мелких обломков кружальной керамики.

Курган № 13. Диаметр — 9 м, высота около 1,40 м. Мужской костяк лежал на глубине 1,25—1,30 м, в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. Слева, около плечевой кости, овальное кресало, лежавшее на продолговатой сланцевой пластинке (рис. 37, 6, 7). Над костяком и под ним — обычный темный песчанисто-золистый слой. На уровне залегания костяка, в западной половине курганной площадки в слое наблюдались прослойки плотной желтой глины. Темный слой занимал почти всю курганную площадку, лишь у краев ее переходя в желтый рыхлый песок.

Кроме курганов могильника у дер. Бретьянка в 1963 г. раскопано два кургана в малой группе, на правом берегу того же ручья, в 150 м к востоку от хутора «Экономия», входящего ныне в черту Новоградка. Почти все курганы здесь разрушены глубокими ямами. Лучше сохранились курганы нижней, западной части этой группы. Здесь можно еще различить две цепочки курганов, вытянутых с юго-запада на северо-восток: один ряд курганов лежит у подошвы склона, другой немного выше, в 15—20 м к востоку. В последнем раскопаны курганы № 14 и 15.

Курган № 14. Диаметр — около 7 м, высота — 1,2 м. Костяк женский лежал на глубине 1,10 м, в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад, с большим отклонением к западу. Справа у черепа — маленькое проволочное серебряное колечко со спиралевидным завитком, как у колец в курганах № 11 и 12 (рис. 38, 9). Вокруг нижней челюсти собрано 65 желтых и 8 синих мелких стеклянных бусин, а под челюстью — одна крупная сердоликовая многогранная бусина (типа рис. 38, 1). Здесь же найдено два миниатюрных серебряных колечка с s-овидным завитком на одном конце (рис. 38, 10, 11). В области грудной клетки, справа — железный стержень с петлей на одном конце. В насыпи, на глубине 0,60—0,80 м, в области ног — обломки глиняного кружального горшка.

Курган № 15. Диаметр — около 8 м, высота — 1,30 м, немного вытянут с юга на север. Мужской костяк лежал на глубине 1,05—1,15 м, в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. Справа, в области грудной клетки, найдено сплошное бронзовое колечко. Такое же кольцо найдено у большого вертела правой бедренной кости (рис. 37, 9, 10). На левой бедрен-

ной кости лежали бронзовая лировидная пряжка с железным язычком (рис. 37, 11) и нож с костяной рукояткой (рис. 37, 8). Над погребением и вокруг него в радиусе 1,5—2 м, а также под ним на глубине 18—20 см лежал слой темной песчанистой почвы с гнездами золы и мелкими угольками.

Раскопки могильника выяснили, что население хоронило своих покойников по двум обрядам: по обряду трупосожжения и обряду трупоположения. Обряд сожжения бытовал, вероятно, в разных видах. Под насыпью кургана № 10 обнаружены пережженные кости, захороненные в могильной яме, вырытой в материке. Отсутствие в могильной яме и в насыпи кургана каких-либо следов кострища говорит о том, что сожжение было совершено на стороне. В 1956 г. в одном из курганов меньшей группы могильника обнаружен обгоревший костяк на кострище, т. е. неполное сожжение на месте⁴. У нас пока нет достаточных материалов, чтобы установить время и этническую принадлежность этих двух погребений. Решить этот вопрос можно будет, вероятно, в процессе дальнейшего исследования могильника. Трупоположения довольно устойчивы по обряду. Покойники положены на уровне древней поверхности, в вытянутом положении, на спине, головой на запад, иногда с отклонением к северу или к югу. Руки сложены на груди или вытянуты вдоль туловища. На погребальной площадке и непосредственно под погребением всегда наблюдаются гнезда золы, мелкие угольки, а иногда пятна сажи или обожженность почвы. Видимо, место погребения предварительно посыпалось золой, принесенной извне, а в некоторых случаях (например, курганы № 6 и 7) на погребальной площадке перед погребением разводился огонь. Зола и уголь, сажистые пятна, обожженность почвы занимают, как правило, не всю площадку, а образуют на ней пятна от 3,5 м до 5 м в диаметре, причем мощность и интенсивность золистого слоя всегда больше в центре этого пятна, а к его краям выклинивается и переходит в чистый песок. В некоторых курганах на погребальной площадке, большей частью в пределах золистого пятна, вокруг погребения беспорядочно набросаны в небольшом количестве камни. Характерно, что в тех же курганах наблюдаются скопления камней и у вершины насыпи. Видимо, это связано с обычаем обкладывать могилу покойника камнями. У ног погребенного или рядом с ним ставили глиняные горшки. Инвентарь курганов относительно беден. Основное — это вещи личного убора: женские украшения, кольца, пряжки. Из бытовых предметов встречаются ножи и кресала. Оружие представлено одним боевым топором с опущенным лезвием и округлой выемкой спереди. Такие топоры часто встречаются в погребениях дружинников и датируются концом X—XI в.⁵

Керамика из четырех курганов представлена однотипными горшками, сделанными на гончарном круге. Венчики отогнуты наружу, имеют небольшой рельефный бортик по краю. Тулово орнаментировано горизонтальными прочерченными линиями, начиная от плечиков, почти до самого днища. На днище горшка из кургана № 9 имеется клеймо в виде двух концентрических кругов, пересеченных двумя крестообразно пересекающимися линиями. Размеры горшков: высота 12—17 см, диаметр венчика 12—17 см, диаметр дна 7,5—10 см. Все они желтого цвета, в тесте небольшая примесь кварцевого песка. Их можно отнести к XI в. (такие же сосуды найдены в слое X—XI вв. древнего Новогрудка). Ножи как в мужских, так и в женских погребениях обычной для X—XI вв. формы. Кресала из двух мужских погребений — калачевидной формы XI в. (такие обнаружены в слое X—XI вв. древнего Новогрудка) и овальное, не ранее XII в.

⁴ Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья, стр. 98.

⁵ А. Н. Кирпичников. Русское оружие ближнего боя (X—XIII вв.). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1963, стр. 5; А. М. Алешковский. Курганы русских дружинников XI—XII вв. СА, 1960, № 1, стр. 73.

Из женских украшений прежде всего нужно остановиться на височных кольцах. В курганах № 11 и 12 найдено пять проволочных серебряных височных колец 5—6 см в диаметре, один конец которых закручен спиралью в три-четыре оборота (рис. 38, 3, 4, 7) и одно кольцо, концы которого загнуты крючками и сцеплены между собой (рис. 38, 2). Кроме того, в кургане № 14 найдено одно маленькое колечко с таким же завитком, несомненно, сделанное из обломка большого кольца (рис. 38, 9). Кольца с крючками на концах встречаются в смоленских курганах XI—XII вв.⁶ Височные кольца с завитком в три-четыре оборота аналогий пока не находят, хотя очень близкие по форме колечки, один конец которых расплюснен и свернут в завиток, встречаются в слоях X—XI вв. древнего Новогрудка, в курганах Минской губернии⁷, Южного Приладожья⁸ и др. Видимо, височные кольца из курганов у дер. Бретянки представляют местный вариант височных колец со спиралевидным завитком, бытовавших в XI—XII вв. Ожерелья состоят в основном из мелких желтых и белых стеклянных бус и рубленого бисера, среди которых единичны крупные стеклянные сердоликовые и хрустальные бусы (рис. 38, 1). Хрустальные бусы — многогранные, сердоликовые — двух типов: восьмигранные призматические и многогранные. И те и другие чаще всего встречаются в курганах X—XI вв., хотя они есть и в курганах XII в.⁹ Стеклянная бусина синего цвета относится к числу ранних изделий, подражающих каменным бусам. Такие бусы датируются X—XI вв.¹⁰

Из предметов одежды найдена одна бронзовая лировидная пряжка, встречающаяся в комплексах не позже XI в., и два сплошных бронзовых поясных кольца.

Таким образом, все вещи, найденные в бретянских курганах, бытуют в пределах конца X—XII в. Но сочетание их в комплексах с вещами, не выходящими за пределы XI в. (топор с опущенным лезвием и калачевидное кресало из кургана — № 9, керамика, призматические стеклянные бусы, арочная пряжка), позволяет датировать большую часть бретянских курганов XI в. К XII в. мы можем отнести лишь погребение из кургана № 13, где найдено овальное кресало.

Сходство керамики могильника и железных изделий (топоры, кресала, ножи) с вещами из слоя X—XI вв. древнего Новогрудка, близость могильника к городу, дают основание говорить о несомненной связи этих двух памятников. Видимо, могильник у дер. Бретянка является некрополем древнего Новогрудка, синхронным слою X—XI вв.

⁶ А. Ляуданскі. Археолёгічныя досьледы ў смаленшчыне. Працы сэкцыі археолёгіі, т. III, Минск, 1932, табл. VI, 17, 18.

⁷ Архив ЛОИА, д. 42, 1889 г. и д. 69, 1892 г.

⁸ МАР, № 18, СПб., 1895 г., стр. 42, рис. 8.

⁹ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, вып. 33, 1954, стр. 152.

¹⁰ М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 170.

М. В. СЕДОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1962 г.

В 1962 г. Владимирская экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Владимиро-Суздальским историко-художественным и архитектурным музеем-заповедником и Вязниковским музеем краеведения продолжала раскопки Пирова городища — остатков древнего летописного города Ярополча Залесского¹. Археологические работы на этом памятнике ведутся с 1956 г. уже в течение шести полевых сезонов. На самой площадке городища вскрыта площадь в 3744 м². Раскоп 1962 г. расположен в северной части городища, примыкая с запада, юга и востока к раскопкам прежних лет.

Кроме того, на берегу р. Клязьмы, непосредственно под городищем, в течение четырех сезонов велись раскопки неукрепленного поселения, со временем превратившегося в городской посад. Здесь исследована площадь примерно в 1500 м². Значительная вскрытая площадь, десятки жилых построек, раскопанных за время работ, и большое количество находок позволяют восстановить историю этого славянского поселения. Возникло оно в конце X в. как неукрепленное селище, жители которого наряду с сельским хозяйством занимались рыболовством, охотой и ремеслами: железоделательным, ювелирным, костерезным и др.

Умерших своих население этого поселка хоронило на высокой площадке, располагавшейся непосредственно над селищем. Здесь в северо-западной части будущей площадки городища находилось кладбище, на котором в XI и в начале XII в. умерших хоронили по христианскому обряду. Всего вскрыто 71 погребение (труположение), все ориентированные головой на запад, иногда с небольшими отклонениями к югу или северу. Вещей при погребенных почти не найдено. У женщин иногда находят небольшие перстнеобразные височные кольца с заходящими концами, встречающиеся около головы по 1—2 и более экземпляров. В двух случаях обнаружено по 10 экземпляров височных колец, а в одном погребении даже 13. Кроме височных колец, при погребенных изредка находят медные пуговицы, золотые нити позументного шитья от ворота рубахи, в одном случае перстень рубчатый бронзовый, крестик нательный шиферный, обломок браслета стеклянного синего плоского. В большинстве погребений в засыпке могильных ям встречены угли, особенно над верхней частью туловища погребенного. По-видимому, это остатки ритуального обряда, связанного с разжиганием погребального кострища.

¹ В. В. Седов. Древнерусское поселение близ города Вязники. КСИА, вып. 85, 1961, стр. 95; он же. Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 73; М. В. Седова. Раскопки Ярополча Залесского (1961 г.). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 48.

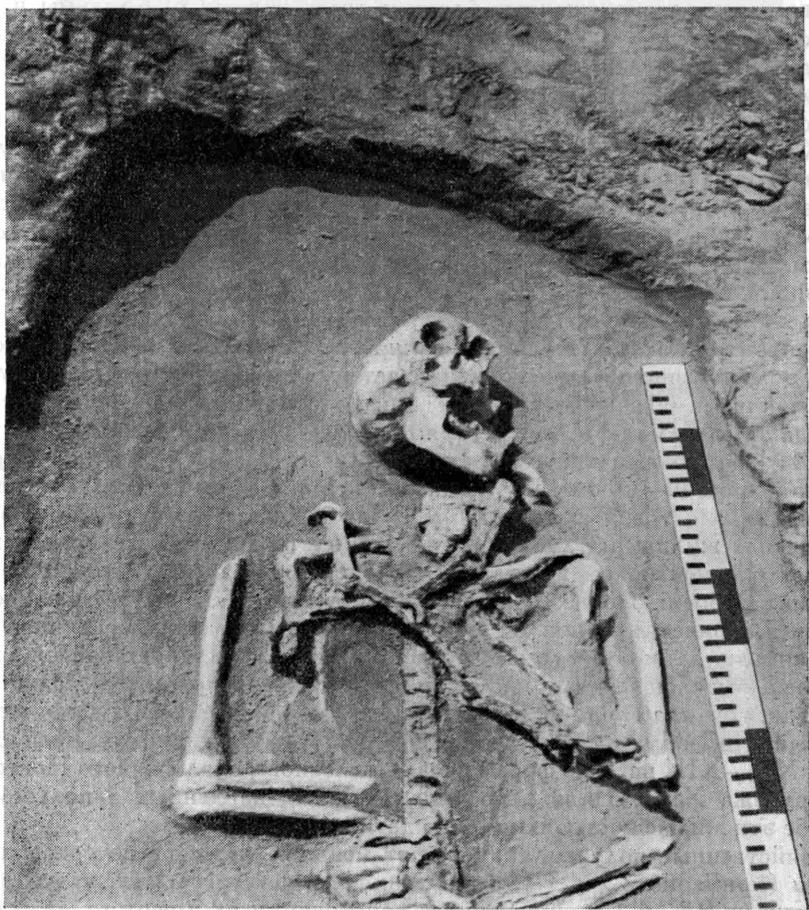

Рис. 39. Погребение с железными цепями — веригами

Особый интерес представляет погребение № 23 (рис. 39). Это мужское захоронение; костяк лежит вытянуто на спине, головой на запад, имеет длину 1,8 м, кости лица сдавлены, череп запрокинут, руки сложены на тазовых костях. Необычными являются массивные железные цепи, расположенные крест-накрест через грудь и спину покойника. Они состоят из двух замкнутых цепей, общим весом 690 г (после реставрации), длиной 97 и 98 см. Каждая цепь состоит из 11 восьмеркообразных звеньев. Цепи эти, по-видимому, являются веригами, надевавшимися верующими на голое тело с религиозно-аскетическими целями, для «смирения плоти». Скорей всего в описываемом погребении захоронен монах.

В древней Руси обычай ношения вериг или «желез тяжких» был распространен среди монахов. Практиковался он и в Киево-Печерском монастыре². Выходцы из Киево-Печерского монастыря основывали новые монастыри в Северо-Восточной Руси. По-видимому, один из таких монахов — верижник — и был захоронен в описанном выше погребении. Возможно, это был один из первых проповедников христианства в Северо-Восточной Руси. Точно датированных вещей в погребениях не найдено, однако предположительно весь могильник можно датировать XI — самым началом XII в.

² Е. Голубинский. История Русской церкви, т. 1. М., 1904, стр. 650, 655, 761.

Погребения, расположенные ближе всего к обрыву р. Клязьмы и находящиеся в северной части могильника, залегают уже под остатками глиняного вала, защищавшего площадку городища со стороны обрыва реки. Этот невысокий вал, как и мощные земляные валы, окружающие площадку городища с напольной стороны, были насыпаны, по-видимому, в первой половине XII в. Со времени насыпки валов и основания укрепленного поселения кладбище прекратило свое существование, но на его месте не селились. Основателями поселения, ставшего впоследствии городом, были по всей вероятности выходцы из южнорусских земель, так как они принесли с собой полуземляночный тип застройки, характерный для лесостепных областей Восточной Европы.

Культурный слой с остатками полуземляночных жилищ составляет нижний горизонт культурных напластований городища. В 1962 г. вскрыто две жилые полуземляночные постройки и четыре хозяйственные. Конструкция жилых построек обычна для сооружений подобного рода, и ранее уже описывалась. Полуземлянки имели прямоугольную форму, размеры их примерно 4×4 м. Котлован углублен в землю на $0,6—1$ м, в углах вырыты ямы диаметром $40—60$ см для опорных столбов. В пазы столбов, по-видимому, входили заостренные концы бревенчатой конструкции сруба. Обычно в котлованах жилищ на глубине $0,6—1$ м имеется уступ, на котором лежали доски пола, а под полом вырыты углубления, по-видимому, хозяйственных подполий. В обеих жилых полуземлянках прослежены развалы глинобитных печей, причем в одной из них четко видны остатки деревянной конструкции печи длиной $2,4$ м, высотой $0,5$ м. В полуземлянках найден многочисленный бытовой инвентарь: обломки стеклянных браслетов, ножи, ключи, гвозди, грузила глиняные, рыболовные крючки, обломки амфор, жернов каменный. По форме бусины черной овальной с белой инкрустацией, датируемой XII—XIII вв.³, по форме писала железного, аналогичного Новгородскому рубежа XI—XII вв.⁴, по типам ключей, найденных в полуземлянках⁵, обе эти жилые постройки можно датировать XII в.

Хозяйственные полуземлянки имеют меньшие размеры по сравнению с жилыми (примерно $2,5 \times 3$ м), очертания их прямоугольные, углублены в землю они на $0,8—1,2$ м. Деревянные конструкции их имеют то же устройство, что и жилые (т. е. четыре опорные столба по углам, в пазы которых заходят концы плах или бревен), печи отсутствуют. Здесь в хозяйственных полуземлянках найдено большое количество целых и фрагментированных глиняных горшков, скопления зерна (в основном зерен ржи), многочисленные глиняные рыболовные грузила и рыболовные крючки. В одной постройке обнаружено множество обрезков медных листов и капли застывшей меди, свидетельствующие о наличии меднолитейного и ювелирного производства.

Всего за годы раскопок вскрыто 14 жилых полуземлянок. Это дает возможность исследовать планировку застройки нижнего горизонта поселения. В северной части городища жилища располагались улицами в три ряда. Первый ряд проходил вдоль спуска, вырезанного искусственно в середине городищенской площадки и ведущего от городских ворот к р. Клязьме. Дома отстоят друг от друга на $4—8$ м, расположены примерно в одну линию, своим расположением повторяя контуры спуска к реке. Второй и третий ряды полностью не прослеживаются из-за неизученности площади, расположенной в центре северной половины городища. Однако по раскопанным уже жилищам можно предполагать, что второй и третий (а может быть и четвертый) ряды располагались параллельно первому на расстоянии $16—20$ м.

³ Ю. Л. Шапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 117.

⁴ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 64, рис. 1, 2.

⁵ Б. А. Колчин. Железообрабатывающие ремесла древнего Новгорода. МИА, № 65, 1956.

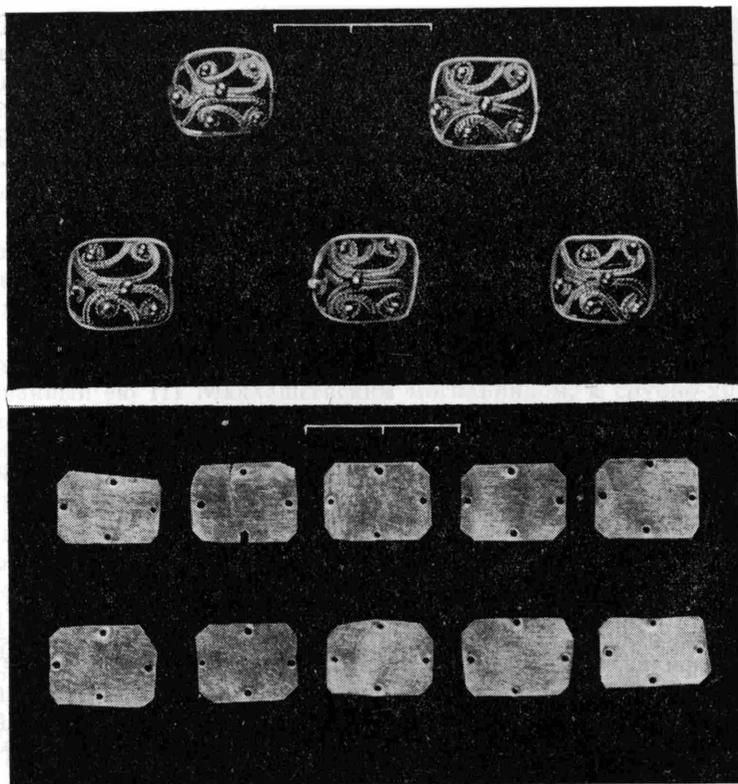

Рис. 40. Пластинки головного украшения — очелья

Полуземлянки просуществовали сравнительно недолго, так как не были приспособлены к суровым климатическим условиям севера. На смену им приходят срубные наземные жилища. Эти постройки почти никогда не прослеживаются из-за перепаханности культурного слоя и плохой сохранности дерева. О наличии их можно судить лишь по остаткам печей. Печи были двух типов — глинобитные и каменки (с подпечными ямами в обоих случаях). Наземные жилища располагались примерно на тех же местах, что и полуземлянки, поэтому планировка сохраняла прежний характер. В 1962 г. исследовано 14 печей, т. е. остатки стольких же построек. В одной из подпечных ям был найден своеобразный маленький клад, состоящий из 15 прямоугольных серебряных позолоченных пластинок, лежащих компактно. 10 пластинок — плоские, с маленькими отверстиями для нашивания на ткань; пять пластинок — филигранные с тонким изящным узором в виде валютообразных завитков (рис. 40). По-видимому, бляшки эти составляли единый набор, скорей всего для головной повязки — очелья. Небольшой клад этот был спрятан в подпечье в минуту опасности, когда к городу подходили татаро-монгольские отряды. Городище сгорело и жизнь на нем больше не возобновлялась. Время гибели Ярополча относится к 30-м годам XIII в. Весь комплекс находок, обнаруженных в культурном слое городища, характерен для древнерусских городов домонгольского периода и хронологически укладывается в рамки XII—XIII вв. Вещей, характерных для XIV—XV вв., не найдено.

Е. А. ХАЛИКОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КУЙБЫШЕВСКОМ
РАЙОНЕ ТАССР В 1961 г.¹

Летом 1961 г. Государственный музей ТАССР принял участие в обследовании побережья Куйбышевского водохранилища, организованном Казанским филиалом АН СССР. Отряд под руководством автора обследовал левый берег р. Волги от бывшей дер. Маклашеевка до дер. Урняк в пределах Куйбышевского района Татарии. В составе отряда работали научный сотрудник музея С. В. Морозова и студенты историко-филологического факультета Казанского государственного университета.

Этот участок волжского левобережья неоднократно привлекал внимание археологов.

В результате работ 1961 г. нами обследовано: два поселения и два курганных могильника эпохи бронзы, четыре городища и шесть селищ I тыс. н. э. (доболгарского периода), два городища, селище и оборонительные валы болгарской эпохи и кочевнические курганы XIII в.

В с. Полянки Куйбышевского района ТАССР, в 200 м к северо-западу от церкви на краю коренного берега обнаружено двуслойное селище площадью 104 × 74,5 м. Культурный слой селища стратиграфически делится на два горизонта: верхний темно-серый рыхлый ореховатый гумированный суглинок мощностью 0,2 м, с керамикой, относящейся к I тыс. н. э., и нижний, более плотный коричневатый суглинок той же мощности. Керамика, встреченная в верхнем горизонте слоя, аналогична керамике Именьковского городища² и нижнего слоя Балымерского городища³. Это фрагменты грубых лепных плоскодонных горшков без орнамента, с примесями шамота и дресвы в тесте, с бугристой шероховатой поверхностью. В дальнейшем изложении мы будем называть подобную керамику именьковской.

Нижний слой селища характеризуется срубной керамикой. Такой же двухслойный памятник открыт в 1 км к югу от села Полянки⁴. Как показала шурфовка, культурные напластования сохранились лишь на протяжении 8—16 м в глубь террасы; их мощность достигает 0,7 м. Собранный на селище материал относится к двум эпохам. Нижние горизонты

¹ Доклад прочитан на заседании сектора скифо-сарматской археологии в 1962 г.

² Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Именьковское городище. МИА, № 80, 1960, стр. 242—243.

³ А. М. Ефимова. Городское селище и болгарское городище у с. Балымеры ТАССР. МИА, № 111, 1962, стр. 29—30.

⁴ Полянское и описываемые ниже Арчиловские селища были обследованы научным сотрудником музея С. В. Морозовой.

дали керамику срубного типа, в верхних — собран керамический материал именьковского облика.

Первое и второе Полянские срубные поселения и ряд срубных стоянок, открытых разведкой Казанского филиала АН СССР в 1961 г. в Алексеевском районе на левом берегу р. Камы (Березовогривская, Лебединская и другие стоянки), в настоящее время являются самыми северными памятниками срубной культуры на левом берегу Волги.

Близ бывшей дер. Маклашеевка обследовано два интересных курганных могильника эпохи бронзы.

Один из них, расположенный на краю коренной террасы правого берега р. Утки в 700 м к юго-востоку от с. Полянки в урочище, которое у местных жителей называлось «Бутырками», исследовался ранее А. В. Збруевой⁵. Она раскопала здесь один курган из шести выявленных и отнесла могильник, названный ею III Маклашеевским могильником, к срубно-хвалынской культуре.

Нами на «Бутырках» обнаружено 11 сильно распаханных курганов высотой в 20—30 см и диаметром 15—20 м. Два кургана были раскопаны летом 1961 г. А. Х. Халиковым. Один из курганов оказался пустым, а другой, кроме восьми погребений срубного типа со скорченными костяками и характерной срубной керамикой, дал пять вводных погребений с вытянутыми костяками, ориентированными ногами к реке, и инвентарем, характерным для памятников позднего этапа приказанской культуры.

В окрестностях дер. Маклашеевка нами обнаружен еще один курганный могильник на так называемом Маклашеевском взводе.

Курганы почти полностью распаханы, высота их не превышает 10—15 см. Нами зафиксировано шесть небольших насыпей, одна из которых была раскопана. В центре кургана на уровне погребенной почвы были обнаружены остатки плохо сохранившегося костяка и фрагменты раздавленного сосуда. В поле кургана близ погребения найден развал другого сосуда. Оба сосуда — лепные, темного, почти черного цвета, тонкостенные, плохо обожженные. Тесто очень рыхлое, пористое и содержит растительные примеси. Один из сосудов, круглодонный, не орнаментирован. Другой, с уплощенным дном, украшен прочерченным орнаментом. Оба сосуда по составу теста и форме близки посуде поздних памятников приказанской культуры.

Распространенный материал свидетельствует о том, что в начале I тыс. до н. э. племена приказанской культуры проникают на левый берег Камы и занимают здесь места, принадлежавшие ранее племенам срубной культуры.

Наиболее многочисленную группу обследованных памятников составляют селища и городища эпохи раннего средневековья.

До последнего времени на обследованном нами участке были известны лишь два поселения середины — второй половины I тыс. н. э.: городище-селище «Шолом» и селище, являющееся нижним слоем болгарского городища у с. Балымеры⁶. Помимо этих памятников, нами зафиксировано еще восемь поселений указанного времени — три городища и пять селищ.

Осмотренные городища были известны еще с дореволюционной поры⁷, но характер и культурная принадлежность их оставались не выясненными, поэтому в работах, посвященных памятникам I тыс. н. э., они не упоминались. Одно из них, II Маклашеевское городище, названное так в отличие от I Маклашеевского городища болгарского времени, занимает высокий мыс на правом берегу р. Утки, в 3 км к ВЮВ от села Полянки и носит у местного населения название «Городок». Площадка городища вытянута с севера на юг (65 × 40 м) и с севера, с напольной стороны, защищена массив-

⁵ А. В. Збруева. Маклашеевский могильник. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 25.

⁶ А. М. Ефимова. Указ. соч., стр. 33.

⁷ ОАК за 1893 г., стр. 97—98.

ным валом и рвом. Высота вала со стороны площадки городища около 4 м. На поверхности площадки прослежено шесть земляночных впадин размером 6×6 м и 10×8 м. Культурный слой — темная, рыхлая гумированная супесь мощностью 0,5—1,4 м — обильно насыщен керамическим материалом, шлаками, кусками кричного железа, костями животных и рыб. Керамика представлена фрагментами лепных плоскодонных горшков с открытым горлом и плавным переходом от невысокой шейки к несколько расширяющемуся тулову. В глиняном тесте — значительные примеси шамота, поверхность сосудов бугристая, шероховатая, обжиг довольно слабый. Орнаментация на посуде отсутствует, лишь отдельные фрагменты венчиков украшены по краю зашипами. Встречены отдельные обломки крышек с отогнутыми вниз бортиками. В одном из шурфов найдены фрагменты тонкостенного лощеного лепного сосуда с примесью мелкозернистого песка. Подобные сосуды встречаются среди грубой керамики на памятниках типа Именьковского городища⁸. Таким образом, вся найденная в слое посуда имеет именьковский облик. Однако среди подъемного материала, собранного у подножия городища в воде, кроме именьковской керамики, оказалось несколько фрагментов, сделанных из глины с примесью толченой раковины и орнаментированных ямочными, клиновидными вдавлениями и оттисками гребенчатого штампа. Можно отметить, что среди керамики с примесью в тесте толченых раковин обнаружены фрагменты с псевдосетчатыми отпечатками на поверхности. Наличие описанной группы керамики дает возможность предполагать существование на городище, кроме именьковского, и более раннего слоя, относящегося к ананьинскому времени⁹. Ананьинское поселение на месте II Маклашевского городища и расположенные неподалеку раннеананьинские могильники — Гулькинский VII—VI вв. до н. э.¹⁰ и II Полянский VIII—VII вв. до н. э.¹¹ свидетельствуют о том, что низовья р. Утки в I тыс. до н. э. были заняты ананьинским населением.

Несколько иной характер носило городище в 3 км к северу от с. Балымеры. В отличие от других городищ указанного времени этот памятник располагается в некотором удалении от реки, на левой стороне глубокого оврага, выходящего к Волге и носящего название Филиппов овраг, на мысу, образованном этим оврагом и его ответвлением. Небольшая площадка городища (35×60 м), поросшая густым лесом, защищена дугообразным валом около 3 м высоты и рвом. Культурный слой не превышает 5 см. Находки единичны, представлены посудой именьковского облика.

Особый интерес вызывает Урнякское городище, находящееся в 7 км к ССЗ от с. Балымеры и в двух километрах к северо-западу от поселка Урняк. Расположенное в густом, трудно проходимом лесу на стрелке высокого мыса между двумя оврагами, городище поражает своими мощными оборонительными сооружениями. Небольшую овальную площадку его (75×35 м) окаймляет кольцевой вал. Образующие мыс овраги дополнительно углублены и соединены глубоким (до 3 м) рвом. Как показала зачистка ям, культурный слой — рыхлый гумированный песок, перемешанный с золой и углями — насыщен керамикой именьковского облика. Мощность слоя в различных местах площадки неодинакова и колеблется от 0,2 до 1,5 м.

Помимо описанных городищ, нами было осмотрено несколько одновременных им селищ. Неподалеку от II Маклашевского городища, в 1 км к ЗСЗ от него, на мысу коренной террасы р. Утки обнаружено селище, сильно

⁸ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 242—243; В. Ф. Генинг. Селище и могильник с обрядом трупосождения доболгарского времени у села Рождество в Татарии. МИА, № 80, 1960, стр. 132—133.

⁹ Это предположение подтвердилось в 1963 г. раскопками П. Н. Старостина, вскрывшего на городище, кроме именьковского, остатки ананьинского слоя.

¹⁰ А. В. Збруева. Гулькинский могильник. МИА, № 42, 1954, стр. 247—258.

¹¹ Раскопки Татарской археологической экспедиции 1962 г.

разрушенное оврагами, по дну и склонам которых собран обильный археологический материал. Судя по распространению находок, площадь селища 180×80 м. Культурный слой памятника — темно-серый сильно гумированный ореховатый суглинок мощностью 0,7—0,9 м. Он равномерно насыщен однородным материалом — лепной керамикой именьковского облика, костями животных, кусками глиняной обмазки и шлака. Два поселения открыты на северо-западной окраине дер. Арчиловка. Расположенные на краю волжского берега, оба селища подвергаются разрушению. Сохранившаяся площадь первого из них 150×100 м. В обрыве на берегу прослежен культурный слой — рыхлая гумированная супесь мощностью 0,9—1 м — с отдельными ямами и одной большой, очевидно, земляночной впадиной. Длина впадины около 3 м, глубина до 1,5 м. На дне впадины отмечена темная сильно гумированная прослойка пола, а выше — значительные включения угля, очевидно, от сгоревших деревянных перекрытий. На поверхности селища собран обильный керамический материал, представленный фрагментами именьковской, болгарской и поздней русской посуды.

Подъемный материал со второго Арчиловского селища, находящегося в 50 м к северо-западу от первого, состоит из обломков грубых лепных сосудов именьковского типа. Площадь этого селища 120×110 м, мощность культурного слоя 0,6—0,7 м.

Разведки, проведенные к северу от Урнякского городища до с. Болгары, показали отсутствие здесь именьковских памятников, так же как и разведки по р. Утке к востоку от I Маклашеевского городища. Следовательно, Маклашеевско-Балымерский куст именьковских памятников имел четкие границы, соответствовавшие, очевидно, племенной территории. Несколько севернее в районе сел Болгары — Иржавец — Щербеть локализуется другая группа именьковских памятников.

Вопрос об этнической принадлежности памятников именьковского облика до сих пор не решен. Ряд исследователей приписывает их племенам городецкой культуры, проникшим в первые века нашей эры с правого берега Волги на левый. Н. Ф. Калинин связывал памятники именьковского типа с восточнобуртасскими племенами. Недавно появилась еще одна гипотеза, приписывающая их мадьярам¹². Третью группу обследованных в 1961 г. памятников составляют памятники болгарского времени. Среди них особый интерес вызывает линия оборонительных сооружений в окрестностях бывшей дер. Маклашеевки. Здесь нами зафиксирован и осмотрен земляной вал, тянувшийся с небольшими перерывами почти на 1,5 км вдоль высокого правого берега р. Утки и достигающий в отдельных местах высоты в 2,5 м. С южной стороны к валу примыкает сильно заплывший ров. В оборонительную систему входило, очевидно, и I Маклашеевское городище, расположенное на мысу в 3,5 км к востоку от с. Полянки и осмотренное в 1898 г. А. А. Спицыным. Укрепления городища состоят из трех линий валов и рвов.

Как показало обследование, проведенное несколько позднее отрядом археологической экспедиции Казанского филиала АН СССР под руководством Р. Г. Фахрутдинова, осмотренные нами у бывшей дер. Маклашеевки оборонительные сооружения являются частью древней болгарской укрепленной линии, включавшей в себя, помимо Маклашеевского, еще два городища у дер. Танкеевка Куйбышевского района ТАССР и городища у деревень Шмелевка и Кокрять Майнского района Ульяновской области¹³. Судя по керамическому материалу, собранному на городищах, сооружение оборонительного рубежа следует относить к домонгольскому времени. Можно

¹² Доклад П. Д. Степанова на III Уральском археологическом совещании в Уфе в 1962 г.

¹³ Р. Г. Фахрутдинов. Отчет о работе 3-го разведочного отряда Татарской археологической экспедиции КФАН СССР за 1961. Архив Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР.

полагать, что он прикрывал южные подступы к центру Булгарского государства.

Оборонительный вал болгарской эпохи в изучаемом районе упомянут А. П. Смирновым в работе «Волжские Булгары» и приурочен к с. Балымеры¹⁴. Думается, что его следует связывать с описанным выше Маклашеевским валом, так как в окрестностях Балымер подобные оборонительные сооружения отсутствуют.

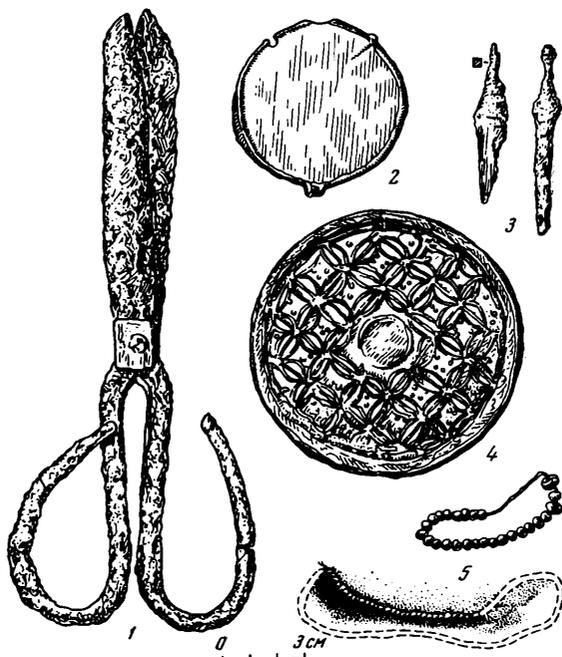

Рис. 41. Вещи из женских погребений Балымерских курганов

1 — ножницы; 2, 4 — зеркала; 3 — шилья; 5 — бисер

Кроме работ разведочного характера, Государственный музей Татарии провел в 1961 г. небольшие раскопки прежде известных курганов у с. Балымеры. Эти курганы долгое время приписывали русам¹⁵. В. Ф. Генинг пытается отождествлять Балымерские курганы с более ранним грунтовым Рождественским могильником с трупосожжением¹⁶.

Обнаруженный нами могильник с 21 курганом расположен в 150—200 м к С от с. Балымеры на мысу коренного левого берега р. Волги, отделенном от деревни оврагом. Размеры округлых в плане насыпей, как правило, очень невелики. Диаметр курганов не превышает 4—7 м, высота 0,3—0,4 м.

Нами было раскопано четыре кургана, расположенных компактной группой на опушке рощи, покрывающей мыс. В трех курганах обнаружено по одному погребению, четвертый содержал два погребения. Все захоронения совершены в могильных ямах (2 м × 0,8—1 м), вытянутых с ЮЮЗ на ССВ и углубленных от дневного уровня на 40—80 см. Могильные ямы, за исключением одной, имели заплечники вдоль одной или обеих длинных сторон. В одном случае прослежены остатки сгнившего и обвалившегося деревянного перекрытия — наката. На дне ям обнаружена подсыпка из углей.

Погребенные лежат на спине головой на север с небольшим отклонением к востоку. Руки вытянуты вдоль корпуса. Под всеми курганными насыпями

¹⁴ А. П. Смирнов. Волжские Булгары. Труды ГИМ, вып. XIX, 1951, стр. 98.

¹⁵ А. П. Смирнов. Введение к III тому Трудов Куйбышевской археологической экспедиции, стр. 8.

¹⁶ В. Ф. Генинг. Указ. соч., стр. 144.

на древнем горизонте непосредственно над могильными ямами или вблизи от них сохранились следы костров в виде пятен прокаленной земли и углей. Здесь же, на древнем дневном уровне, рядом с погребениями в трех курганах найдены лошадиные черепа.

Мужские и женские захоронения не отличаются друг от друга ни по обряду погребения, ни по устройству могильных ям, но четко разнятся по набору вещей.

В двух женских погребениях встречены металлические зеркала, железные шильца, шарнирные ножницы с ручками в виде овального несомкнутого кольца, крупный и мелкий бисер двух цветов—бирюзовый и молочно-белый (рис. 41).

Большее из двух найденных зеркал, диаметром 9,5 см, украшено по тыльной стороне рельефным узором в виде четырехлепестковых цветов, близко поставленных друг к другу и образующих густую клетку (рис. 41, 4). Оно имеет аналогию в материалах хорезмийско-огузского поселения Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи, которое С. П. Толстов датировал XII—XIV вв.¹⁷

Как известно, женские погребения с зеркалом и ножницами распространены довольно широко в южнорусских степях. Они встречаются в кочевнических курганах конца I тыс.—начала II тыс. н. э. и погребениях золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Погребение с аналогичным инвентарем было обнаружено на кладбище Болгарского городища в могильнике на Бабьем бугре¹⁸.

Инвентарь мужских погребений Балымерских курганов несколько разнообразнее (рис. 42). В них встречены ножи, кресала (калачевидные с завитыми концами и овальные замкнутые с внутренним выемом), железные поясные пряжки, кольчатые удила с перегибом в середине, сланцевые оселки, железные наконечники стрел—граненые бронебойные и с плоским пером различной формы. Особо следует отметить крупные плоские фигурные наконечники, в частности пламевидные формы, встречающиеся преимущественно в позднекочевнических погребениях¹⁹ (рис. 42, 7, 8, 9).

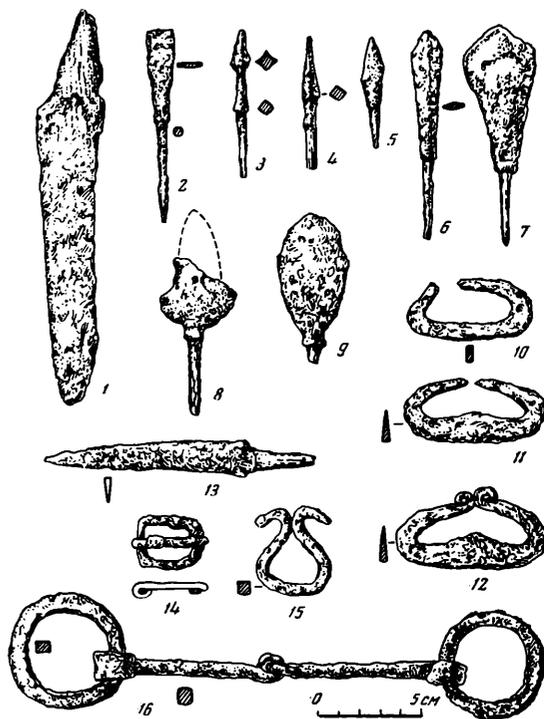

Рис. 42. Вещи из мужских погребений Балымерских курганов

1, 13 — ножи; 2—9 — наконечники стрел; 10—12 — кресала; 14, 15 — пряжки; 16 — удила

¹⁷ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 284, рис. 183, 5.

¹⁸ А. М. Ефимова. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары. МИА, № 80, 1960, стр. 191.

¹⁹ В. П. Левашова. Белореченские курганы. Труды ГИМ, вып. XXII, 1952, стр. 178.

Обнаруженный вещевой материал укладывается в довольно широкие хронологические рамки XII—XIV вв.

По погребальному обряду курганы принадлежат кочевникам. Они свидетельствуют о проникновении на территорию Булгарского государства кочевого населения из южных степей. Не исключена возможность, что курганы связаны с периодом вторжения в Волжскую Булгарию татаро-монгольских орд.

Сопоставление сохранившихся сведений о раскопках П. А. Пономарева и обнаруженных им материалов с материалами наших раскопок позволяет сделать предположение о существовании в окрестностях с. Балымеры не одной, а двух курганных групп. Комплекс П. А. Пономарева хорошо датируется IX—X вв. мечом каролингского типа, в то время как наши материалы относятся к более позднему времени.

Проведенные в 1961 г. разведки и частичные раскопки в окрестностях Маклашеевки — Полянки — Балымеры, выявившие около двух десятков разновременных археологических памятников, дают возможность в основных чертах проследить непрерывный ход исторического развития на указанной территории, начиная с середины II тыс. до н. э. до XIII—XIV вв. н. э., и свидетельствуют о плодотворности сплошного археологического обследования небольших локальных районов.

А. В. КУЗА, А. Л. НИКИТИН

СЛАВЯНСКИЙ МОГИЛЬНИК В пос. КУПАНСКОЕ БЛИЗ
г. ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО

В 1957 г. во время разведки в Переславском районе Ярославской области наряду с обширным материалом по неолиту были получены первые сведения о наличии славянского могильника на правом берегу р. Векса на территории пос. Купанское.

В 1956 г. при рытье ямы для столба электропередачи был найден человеческий череп. При строительных работах здесь неоднократно находили человеческие кости, оружие (меч), украшения (бусы, браслеты, серьги) и керамику. В сентябре 1957 г. один из авторов на этом месте нашел остатки славянского погребения (погребение № 1) (рис. 43, б). Никаких следов от насыпи или ровика обнаружено не было. Могильная яма прорезала желтый дюнный песок и слегка углубилась в белый озерный песок материка. Заполнял яму желто-серый песок с угольками и золой. Все это было перекрыто темным гумированным песком современной почвы. На высоте 0,42 м над погребением были найдены фрагменты славянского горшка, сделанного на круге, с линейно-волнистым орнаментом. Глина теста розовая с примесью дресвы и шамота. Покойник был положен на спину, головой на запад; руки вытянуты вдоль туловища, ноги раздвинуты в стороны и слегка согнуты в коленях. В погребении были найдены следующие предметы: возле левой руки короткий железный нож с остатками деревянной рукоятки и деревянных ножен; кресало калачевидное X—XII вв., кремь и железная пластина с ажурной головкой, полностью коррозированная с отпечатками ткани на окислах.

Погребение № 2 (рис. 43, б) было найдено при строительных работах на расстоянии 150 м от погребения № 1. На глубине 0,75—0,8 м было вскрыто женское погребение на спине, головой на запад с незначительным отклонением на юг. Лицом на юг. Под черепом было найдено серебряное семилучевое (с каплями) височное кольцо (рис. 43, а 1). Это ранний вариант вятического височного кольца, известный из раскопок Н. И. Булычева в Калужской губ.¹

В 1961 г. сотрудниками Переславского отряда Верхневолжской археологической экспедиции рядом с погребением № 2 на площади около 600 м² было раскопано еще шесть погребений. В процессе работ было выяснено, что бугор у р. Козловки, содержащий, по-видимому, значительное число погребений, в позднейшее время был изрыт траншеями и огородами.

¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 3, 66, табл. I, рис. 2, 5, табл. XXIX, рис. 7.

Погребение № 3 (женское). Из-за поздних перекопов пятно ямы прослеживалось плохо. Судя по сохранившейся части длина ямы достигала 1,2—2 м. Глубина от современной поверхности 0,6 м. Заполнение — серовато-зеленый песок с мелкими угольками и золой. Костяк лежал на спине, головой на запад, с отклонением к югу на 12°. Сохранность костей плохая: череп раздавлен, кости ребер не сохранились. Правая рука, согнутая в локте, лежала на поясе, левая — вытянута вдоль тела (?). Ноги вытянуты. Сопровождающий инвентарь: у правого виска — серебряное височное кольцо с полой напускной бусиной, украшенной зернью и золочением (рис. 43, а2). У левого виска — медное перстневидное височное кольцо. У левой ключицы найдено ожерелье из семи бусин: одна пастовая, круглая с тремя глазками, одна боченковидная золоченая и пять малых боченковидных золоченых. В середине между бусинами на остатках кожи лежала прорезная биллоновая лунница (рис. 43, а4). Здесь же находилось браслетообразное височное кольцо, свитое в полтора оборота, медное, подтреугольно смятое (рис. 43, а9). С левой стороны, у пояса, лежал железный нож, дугообразнообушковый с остатками деревянной рукоятки и деревянных ножен, сохранился и железный гвоздик, соединявший обе половинки рукоятки. Рядом с ножом найдены фрагменты железной булавки. В юго-восточном углу могильной ямы на уровне ног и на 0,14 м выше дна ямы лежал раздавленный сосуд, сделанный на круге. Диаметр по венчику — 13 см, высота — 13 см. Орнаментирован горизонтальными линиями. Глина темная, тесто с примесью дресвы. Рядом с сосудом лежала челюсть коровы (по определению В. И. Цалкина). И череп, и сосуд стояли на большом зольном пятне с угольками. Два подобных зольных пятна найдены под костяком — под правым плечом и левым бедром.

Погребение № 4 (мужское?) было найдено на расстоянии 4,5 м на юг от погребения № 3. Могильная яма хорошо прослеживалась в профиле и в плане. Пятно ямы овальное, вытянуто с востока на запад с отклонением от запада к югу до 10°, размеры — 2,5 × 1,8 м. Глубина — 0,6 м. Заполнение — серовато-зеленый песок с угольками и золой. Костяк вытянут на спине. Сохранность костей плохая. Раздавленный череп лежал на правом виске. Повидимому, руки были скрещены на животе. Ноги несколько сдвинуты в коленях. Вещей при погребении не обнаружено.

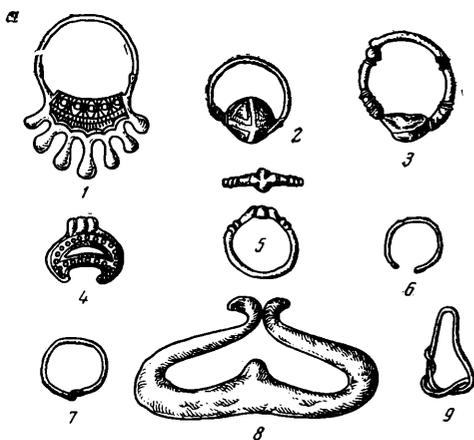
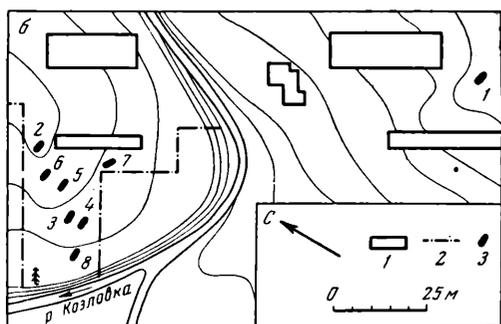

Рис. 43. Вещи из погребений (а)

1 — семилчастное серебряное височное кольцо; 2 — серебряная серьга с круглой зернистой напускной бусиной; 3 — серебряное височное кольцо с остатками трех полых позолоченных напускных бусин; 4 — бронзовая лунница; 5 — бронзовый перстень; 6 — бронзовое проволочное кольцо; 7 — бронзовое проволочное височное кольцо с сомкнутыми концами; 8 — железное калачевидное кресало; 9 — бронзовая проволочная привеска с перевитыми концами

План могильника (б)

1 — строения пос. Купанское; 2 — заборы; 3 — план погребения № 7. Условные обозначения: 1 — дерево, 2 — уголь; 3 — граница ровика; 4 — граница ямы на глубине 0,45 м; 5 — граница ямы на глубине 0,95 м; 6 — очертания гробовища; 7 — гвозди; 8 — две бусин-пуговицы

Погребение № 5 (женское). Могильная яма подпрямоугольной формы вытянута в направлении с востока на запад. Размеры $2,2 \times 0,9 \times 0,65$ м. Заполнение — серовато-желтый песок со вкраплениями мелких угольков и золы. Костяк лежал на спине, череп смещен. Правая рука вытянута, левая согнута в локте. Ноги вытянуты, плюсневые кости отсутствуют.

Сопровождающий инвентарь: справа под черепом — серебряное височное кольцо с остатками напускных бусин (трех?). Кольцо лежало на куске плохо сохранившейся кожи, под которой находились остатки коры. Слева было найдено второе серебряное височное кольцо (рис. 43, а3) с тремя напускными полыми тисненными и позолоченными бусинами (сохранилась одна, а от двух только следы). Под кольцом остатки черных волос на куске коры². У левой ключицы и на груди находилось шесть золоченых боченковидных бусин, одна ребристая серебряная и одна пастовая. Справа, около пояса, лежала фаланга пальца с медным перстнем (рис. 43, а5), украшенным крестовидной четырехлепестковой розеткой, ограниченной с обеих сторон тремя насечками. Справа от костяка, на уровне головы и выше, в стенке ямы прослеживалось углубление, заполненное золой.

Погребение № 6 (женское) было вскрыто к северу от погребения № 5. Яма вытянута с востока на запад, повреждена перекопами; размеры: $1,8 \times 0,82 \times 0,56$ м. Заполнение — серо-желтый песок с мелкими угольками и зольными включениями. Костяк сохранился плохо: от черепа осталось несколько затылочных костей, от правой руки — одна фаланга в области живота, левая рука, согнутая в локте, ноги вытянуты. Костяк лежит головой на запад с отклонением к северу на 8° . Сопровождающий инвентарь: три золоченых боченковидных бусины найдены у правого плеча и на груди. Между бусинами у черепа медное перстневидное височное кольцо (рис. 43, а7). У фаланги пальца правой руки второе — с несомкнутыми концами (рис. 43, а6). У левого бедра — железный нож с остатками деревянной рукоятки и ножен.

Погребение № 7 резко отличалось от остальных конструкций могильной ямы. Слой почвы до 0,4 м перекрывал большой овал прокаленного песка. На глубине 0,45 м от современной поверхности выявлено пятно могильной ямы, прямоугольной формы размером $2,7 \times 1,16$ м (рис. 44). Заполнял яму серо-желтый песок с большим количеством золы и углей, среди которых встречались целые головни. Наиболее интересной деталью явилась канавка,

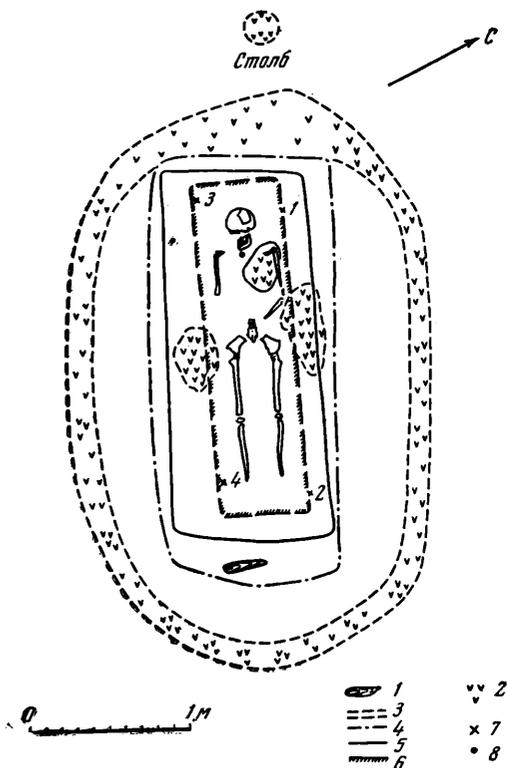

Рис. 44. Могильник у пос. Купанское. Погребение № 7

² Ближайшие аналогии см.: А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 139, рис. 137, 140, 142, 144.

замыкавшая овал прокаленного песка. Глубина канавки 0,25—0,4 м от уровня пятна могильной ямы. Ширина — до 0,2 м. Заполнял канавку серый песок с большим количеством углей и золы. Форма канавки в плане — вытянутый овал, вершина которого сходится в угол (рис. 44). На расстоянии 0,25 м от вершины канавки сохранился след столба диаметром до 0,25 м, который был врыт в песок на глубину 0,5 м от верхнего уровня канавки.

На глубине 0,95 м размеры могильной ямы несколько сократились и четко проступил коричневый тлен от гробовища прямоугольной формы, размером 2,1 × 0,55 м. По углам, в слое тлена найдены четыре кованых гвоздя. На глубине 1,05 м лежал костяк, головой на запад с отклонением на север на 23°.

Сохранность костей плохая. Череп — в обломках. Правая рука, судя по предплечью, вытянута; левая, согнутая в локте, лежала несколько выше таза. Ноги вытянуты.

Единственной находкой были фрагменты двойной бронзовой застежки, лежавшей под нижней челюстью. Застежка состояла из пары бронзовых бусинок-пуговиц, каждая из которых имела две полусферические половинки, скрепленные швом.

Погребение № 8 было расположено у самого берега и почти полностью разрушено. Проследить контуры могильной ямы не удалось. От костяка остались только кости ног, таза и левой руки. Ориентировка западная. У левого бедра погребенного находился нож со слегка изогнутой спинкой.

Большинство предметов из Купанского могильника находит себе аналогии среди славянских древностей XI—XII вв. Для уточнения датировки и дальнейшего изучения бусы и металлические предметы были переданы в Лабораторию структурного и спектрального анализа при кафедре археологии МГУ³.

Структурный анализ показал, что два ножа были откованы из сырьевой горновой стали. Согласно исследованиям Б. А. Колчина, технологическая схема, по которой были изготовлены ножи, применялась только в первой половине XII в.⁴

Спектральному анализу были подвергнуты 10 бусин; восемь из них оказались византийского производства X — начала XII в., две — изготовлены из русского стекла середины XI — первой трети XIII в.

Таким образом, результаты анализов подтверждают датировку Купанского могильника по инвентарю концом XI — первой половиной XII в.

Важен вопрос и о том, с каким типом могильника мы имеем дело — с курганным или грунтовым? Авторы склонны считать его грунтовым бескурганым могильником. В пользу этого мнения говорит следующее: 1) полное отсутствие насыпей, хотя бы и деформированных в настоящее время и в недавнем прошлом (по свидетельству местных жителей); 2) отсутствие каких бы то ни было указаний у П. С. Савельева и А. С. Уварова и других исследователей, осмотревших все, сколько-нибудь сходное с курганами; 3) незначительное расстояние между погребениями. Так, между 3-м и 4-м погребением расстояние равно 4,5 м.

Окончательный ответ может быть получен при дальнейших раскопках этого уникального памятника, которому угрожает полное уничтожение.

³ Авторы пользуются случаем выразить свою благодарность Н. В. Рындиной и Ю. Л. Шаповой за любезно выполненную работу.

⁴ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 54.

С. С. ШИРИНСКИЙ

КУРГАНЫ XI—XII вв. у дер. ГЛЫБОВ

В 1958 г. на правом берегу р. Днепра у дер. Глыбов Речицкого района Гомельской обл. БССР раскопано три кургана¹. Два из них исследованы в курганной группе из девяти насыпей, располагающихся в две линии с юга на север на южной окраине деревни.

Курган № 1 высотой 0,62 м и диаметром 8 м имеет форму уплощенного шарового сегмента. Песчаная насыпь кургана нарушена ямой, в которой найдены обломок поздней посуды, нож и польский бронзовый образец XVIII—XIX вв. На уровне древней дневной поверхности центральной часть насыпи подстилает угольно-зольный слой толщиной до 5 см, образованный при сооружении кургана ритуальным выжиганием на древнем горизонте круглой площадки диаметром около 4,7 м.

В центре кургана в угольно-зольном слое, а затем и в материковом песке прослежена прямоугольная яма длиной 2,3 м, шириной 1,2 м и глубиной 0,98 м. На дне ее найдены плохо сохранившиеся кости мужчины среднего возраста, лежащего на спине и ориентированного головой на запад. Под сложенными на поясе кистями рук находилась круглопроволочная подковообразная поясная пряжка (рис. 45, 1).

Курган № 2 находится рядом с курганом № 1 и имеет форму шарового сегмента высотой 0,72 м, диаметром 6,3 м. Центральную часть его насыпи, как и в кургане № 1, подстилает такая же круглая площадка выжженного древнего горизонта диаметром 4,5 м. Здесь обнаружены три погребения.

Погребение I — женское, открыто в центре кургана на горизонте. Костяк очень плохой сохранности лежит на спине головой на запад. Между черепом и нижней челюстью найдены бронзовое перстнеобразное сомкнутое височное кольцо диаметром 2,2 см, бронзовое перстнеобразное загнутоконечное височное кольцо с напускной битрапецидной бусиной фиолетового стекла (рис. 45, 3), на правом плече — перстнеобразное сомкнутое височное кольцо и бронзовый крестик, украшенный желтой выемчатой эмалью (рис. 45, 4); у нижней челюсти и на груди — стеклянные и глухого стекла бусы: 46 зеленых зонных, две битрапецидных голубых, три желтых зонных, три черных зонных, 18 мелких желтых зонных, три обломка цилиндрических черных бус, инкрустированных белой спиралью. У правой ноги погребенной женщины лежало бронзовое перстнеобразное височное кольцо с тремя напускными узловатыми бусами (рис. 45, 2), а у левой ноги — обломки браслета диаметром 5,5 см, одну треть которого составляла железная

¹ Работы проводились Гомельским отрядом Верхне-Днепровской экспедиции под руководством автора. Начальник отряда — О. Н. Мельниковская.

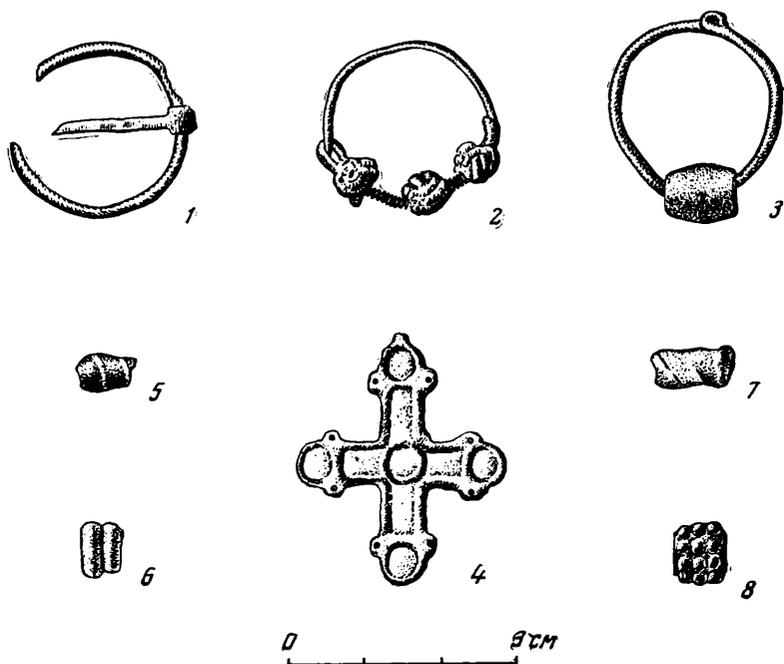

Рис. 45. Вещи из кургана у дер. Глыбов

1 — поясная пряжка — курган № 1; 2 — трехбусинное височное кольцо; 3 — однобусинное височное кольцо; 4 — крестик с выемчатой эмалью; 5—7 — стеклянные бусы — курган № 2; 8 — бронзовая зернистая бусина — курган № 3

пластина и две трети — согнутый круглый в сечении фиолетовый стеклянный стержень.

Погребение I оказалось нарушенным еще в древности впускным погребением II. В 10—15 см от правой берцовой кости погребения I на глубине от 48 до 70 см обнаружены лежащие под углом друг к другу две трубчатые кости и рядом с ними лицевыми костями вниз женский череп без нижней челюсти. Под черепом лежало височное кольцо с тремя напускными узловатыми бусинами.

По заключению Т. И. Алексеевой, погребение I принадлежит женщине 25—30 лет, а череп погребения II — девушке 15—16 лет, погребенной спустя 15—20 лет после первого основного захоронения кургана².

К северу от основного женского погребения I в прямоугольной яме длиной 1,21 м, шириной 0,4 м и глубиной 0,4 м вскрыто третье погребение — мальчика 5—6 лет, лежащего на правом боку головой на запад с согнутыми в коленях ногами. У левой большой берцовой кости погребения найден обломок височного кольца с тремя напускными узловатыми бусинами.

В головах погребений I и III на выжженном горизонте встречено днище славянского гончарного горшка.

Погребения I и III совершены одновременно, что доказывается единым слоем выжженного горизонта для обоих погребений, тем, что они расположены лицом друг к другу. Погребение II совершенно позднее.

Найденные вещи датируют оба кургана XII в. В 1 км к ЮЮЗ от дер. Глыбов на территории современного польского кладбища находилась вторая курганная группа из 12 насыпей, расположенных тоже двумя линиями с СВВ на ЮЗЗ. В этой группе раскопан один курган. Его песчаная насыпь

² Пользуюсь случаем выразить свою признательность Т. А. Алексеевой, любезно определившей антропологический материал из курганов.

высотой 0,78 м и диаметром 6,8 м лежит на угольно-зольном слое толщиной до 4 см — след выжигания площадки для сооружения кургана.

В центральной части кургана на горизонте вскрыто ориентированное головой на юго-запад женское погребение очень плохой сохранности. Левая часть тазовых костей и кости ног отсутствуют полностью, уничтоженные перерезавшей погребение кладоискательской ямой. Под черепом и рядом с ним найдены три обломка бронзового перстнеобразного височного кольца; под позвоночником — две бронзовые бочонкообразные крупнозерненные бусины (рис. 1, 8), использовавшиеся, очевидно, как пуговицы; на левой руке — обломок проволочного колечка.

В головах и ногах погребенной женщины на горизонте стояли два горшка светло-коричневой глины хорошего обжига. Горшки имеют конусовидное тулово, высокие округлые плечики, низкую шейку и округлый, чуть утолщенный венчик. По плечикам сосуды украшены зубчатым штампом в четыре ряда в одном случае и в семь рядов в другом. Погребение датируется XII — началом XIII в.

Три раскопанные кургана принадлежат дреговичам³.

³ В. В. Седов. Дреговичи. СА, 1963, № 3, стр. 116.

Г. А. АВДУСИНА, П. И. ЗАСУРЦЕВ
РАСКОПКИ НА ДРЕВНЕЙ ИЛЬИНОЙ УЛИЦЕ
В НОВГОРОДЕ В 1962—1963 гг.

В 1962 г. Новгородская археологическая экспедиция, руководимая А. В. Арциховским, закончила продолжавшиеся 12 лет раскопки в Неревском конце города и заложила новый раскоп в древнем Славенском конце.

Раскопки в Славенском конце велись в 1932, 1934, 1936 и 1937 гг. возле церкви Ильи на Славне¹, в юго-восточной части города.

Новый раскоп расположен на одном из последних еще не застроенных участков города, на углу современной улицы 1-го Мая и Знаменского переулка, вблизи церкви Спаса Преображенья и Знаменского собора (рис. 46). Этот участок представляет несомненный археологический интерес. При начале работ предполагалось, что раскоп окажется в непосредственной близости от древней Ильиной улицы, проходившей примерно там же, где и современная улица 1-го Мая² (рис. 47). Летом 1963 г. мостовая Ильиной улицы была зафиксирована при работах по благоустройству города в 12 м к северу от раскопа, непосредственно под современной мостовой. Возможно, в дальнейшем удастся соединить ее траншеей с раскопом и увязать комплексы сооружений, вскрытые на раскопе, с настилами мостовой древней Ильиной улицы.

Площадь Ильинского раскопа составляет 600 м², ее можно расширить в дальнейшем в южном и западном направлениях до 1200—1300 м². До Великой Отечественной войны территория раскопа была застроена жилыми домами, остатки фундаментов которых были нами вскрыты при раскопках.

Культурный слой Ильинского раскопа как по своей консистенции, так и по мощности оказался таким же, как и в Неревском раскопе. Верхние напластования (от современности до начала XVI в.) толщиной до 1,2—1,5 м состоят из темно-серой, рыхлой, перекопанной при закладке фундаментов земли, в которой совершенно не сохраняется дерево. Ниже начинается потревоженный культурный слой второй половины XV в., лишь с незначительными и неглубокими ямами от основания фундаментов. В этом слое сохранность дерева также была не очень хорошей, но четкая стратиграфия

¹ А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 119.

² С. Н. Орлов. К топографии Новгорода X—XVI вв. «Новгород. К 1100-летию города» Сб. статей. М., 1964, рис. 2.

Рис. 46. Общий вид раскопа

напластований позволила уверенно выделить строительные комплексы и расчленить их на последовательные ярусы³.

За два раскопочных сезона раскоп был вскрыт до глубины 4,8 м. В водосборном колодце, выкопанном в юго-восточном углу раскопа, общая толщина культурного слоя составляла 6,2 м.

В 1962 г. раскоп был углублен до отметки 2,6 м — были пройдены слои XV и XIV вв., в которых зафиксировано шесть ярусов построек. В 1963 г. было вскрыто еще восемь ярусов. В каждом ярусе получены многочисленные срезы с бревен, пригодные для дендрохронологического определения. К настоящему времени определены даты трех ярусов — 6-го, 7-го и 14-го. Остальные ярусы датируются пока что по комплексам находок.

Эти даты следующие: 1-й ярус — вторая половина XV в., 2-й — середина XV — вторая половина XV в., 3-й — первая половина XV — середина XV в., 4-й — конец XIV — первая половина XV в., 5-й — 60-е годы XIV — конец XIV в., 6-й — 1339 г. — 60-е годы XIV в., 7-й — 1303—1339 гг., 8-й — 70-е годы XIII в. — 1303 г., 9-й — 40—70-е годы XIII в., 10-й — начало XIII в. — 40-е годы XIII в., 11-й — 60-е годы XII в. — начало XIII в.,

³ Термин «ярус» был применен А. В. Арциховским для стратиграфии сооружений еще в первые годы раскопок в Новгороде. Этот термин применялся и во время вскрытия Неревского раскопа. Для ясности необходимо оговориться, что содержание этого термина для разных раскопов различно. В Ильинском раскопе ярус — это комплекс одновременно существовавших построек и сооружений и слой земли, наросший за время существования этого комплекса.

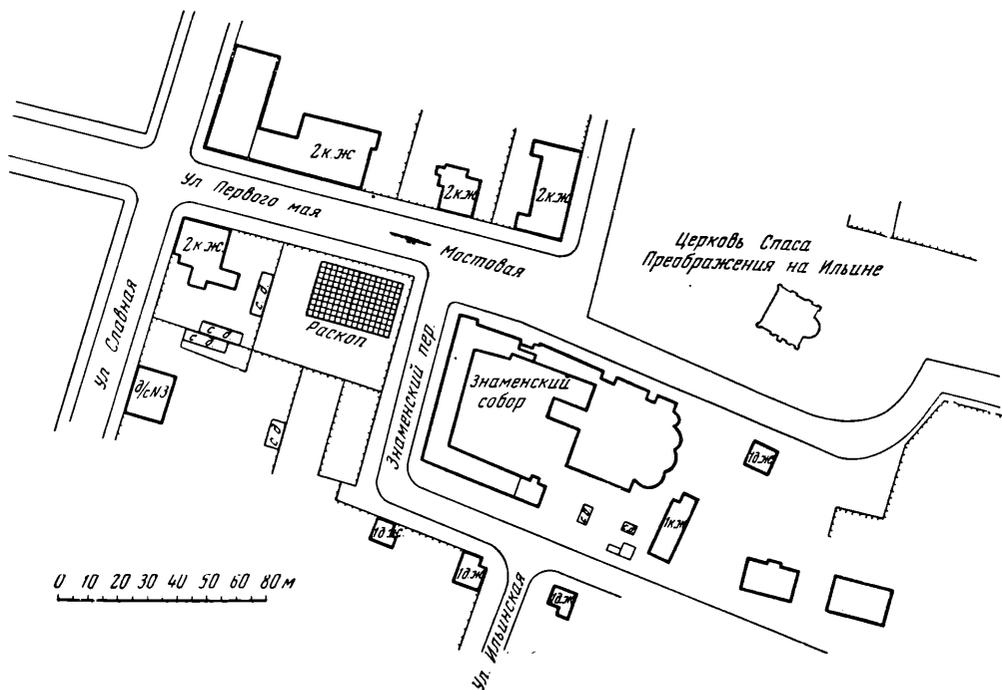

Рис. 47. Ситуационный план Ильинского раскопа

12-й — первая половина XII — 60-е годы XII в., 13-й — начало XII в. — первая половина XII в., 14-й — начало XII в.

На протяжении четырех столетий раскопанный участок был тесно застроен. В XII—XIII вв. (13—8-й ярусы) здесь было две усадьбы⁴. Они были тесно связаны между собой, и даже весьма вероятно, что это была единая усадьба, расчлененная на две части из хозяйственных соображений («чистый» и «черный» дворы). В дальнейшем описание застройки будет вестись, исходя из этого предположения. В XIV—XV вв. (7—1-й ярусы) здесь была лишь центральная часть огромной усадьбы, границы которой находились за пределами раскопа.

Вещи, найденные на Ильинском раскопе, не отличаются по своему составу от находок на Неревском раскопе, в основном повторяются те же категории и типы вещей. Весь комплекс находок, как и характер застройки, говорит о принадлежности открытых усадеб богатым владельцам, игравшим, вероятно, и некоторую роль в истории Новгорода.

Прежде всего необходимо отметить находки берестяных грамот — за два раскопочных сезона их было найдено девять. Наибольший интерес представляют «грамоты Феликса», о них будет сказано ниже, и берестяная книжечка, найденная в слоях второй половины XIII в. Книжечка составлена из трех двойных листов — всего 12 страниц, размером 5 × 6 см. Первые четыре страницы ее не заполнены, дальше идет запись (вечерняя молитва), последняя страница оставлена чистой. Есть отверстия, свидетельствующие о том, что листы были сшиты нитками.

Интересны находки свинцовых печатей — их всего 12. Такое большое количество печатей на этом участке уже указывает на важность его. Интересна печать, найденная в слое первой половины XIV в., с изображением на одной стороне кентавра, а на другой — надпись в три строки «печать Феликсова».

⁴ Мы не будем касаться 14-го яруса, который еще не доследован полностью.

Детальному исследованию грамот и печатей будут посвящены специальные работы, поэтому подробно останавливаться на них мы не будем.

Как обычно, одной из наиболее массовых находок являются стеклянные браслеты. Их найдено более 900, они дают очень четкую дату. Найдены браслеты в 5—14-м ярусах, выше их нет, ниже их тоже вероятно уже не будет. Наибольшее их количество (290 штук) относится к 10-му ярусу (19-й пласт). Много и других обычных находок — шиферных пряслиц, кресал, костяных и деревянных гребней и т. п. Описание наиболее интересных находок, как и комплексов сооружений, будет дано по ярусам, начиная с 12-го.

В 12-м ярусе (рис. 48, 1) полностью повторилась застройка предшествующего, 13-го яруса. В восточной половине находился чистый двор, комплекс построек которого состоял из большого дома *A* и трех хозяйственных построек *B*, *B* и *Г*⁵. Дом *A*, несомненно двухэтажный с сеньями, представлял собой наиболее распространенный тип жилых построек зажиточных владельцев XII в. Об этом говорят количество и состав находок на этой усадьбе. Хозяйственные постройки, расположенные в одну линию вдоль восточной границы усадьбы, представляли собой обычные кладовые для хранения имущества. В западной половине, на «черном» дворе, был примерно такой же комплекс построек, что и на «чистом» дворе. Жилой дом *Д* площадью около 60 м² был также, несомненно, двухэтажным и принадлежал к тому же типу, что *A*, но связанные с ним находки крайне малочисленны — несколько обломков стеклянных браслетов, обрывок медной проволоки и скребница. В юго-восточном углу этого двора стоял еще один жилой дом *E*, однокамерный, площадью около 30 м². Пространство между этим домом и постройкой *Ж* было заполнено навозом: здесь находился хлев для скота.

В восточной части усадьбы, как уже было отмечено, находки были многочисленны и разнообразны. Много обломков стеклянных браслетов, шиферные пряслица, ножи, ножницы, кресала, обломки точеных деревянных чаш, деревянные гребни. Необходимо отметить находку довольно многочисленных — более 30 — обломков ближневосточной поливной расписной керамики. На Неревском раскопе за 10 лет было найдено только 22 обломка такой керамики⁶. По форме это также блюда и чаши, о чем дают возможность судить довольно большие обломки венчиков и днищ. Расписана эта посуда золотистым люстром, орнамент геометрический.

К этому же ярусу относятся обломки амфор, находка которых в Новгороде довольно обычна для слоев XII в.

Здесь же найдена железная шпора с притупленным шипом, характерная и для Новгорода XI—XII вв.⁷ Интересен литой, довольно массивный, медный крючок с петлей на конце (рис. 49, 2).

К предыдущему, 13-му ярусу, относится впервые найденное в Новгороде деревянное писало. Длина его 10 см. Один конец заострен для письма, другой срезан, как и у металлических писал, в виде плоской лопаточки (рис. 49, 9).

К этому же времени относится золотое трехбусинное височное кольцо или серьга. Бусины нанизаны на витую золотую проволоку. Один ее конец уплощен и имеет отверстие. Подобная серьга опубликована Ханенко⁸.

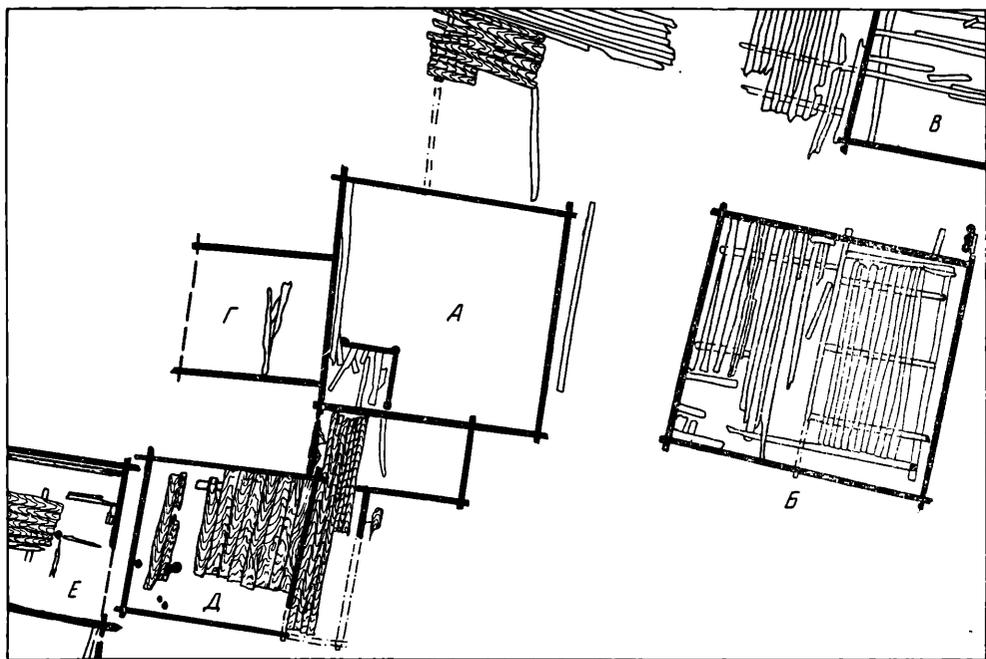
Мы опускаем застройку 11-го яруса, сооруженного в 60-х годах XII в., когда на усадьбе был явный упадок строительной деятельности и на обоих дворах стояло по одной лишь постройке. Среди находок обычные бытовые

⁵ Литерные обозначения построек даны лишь для пояснения чертежей.

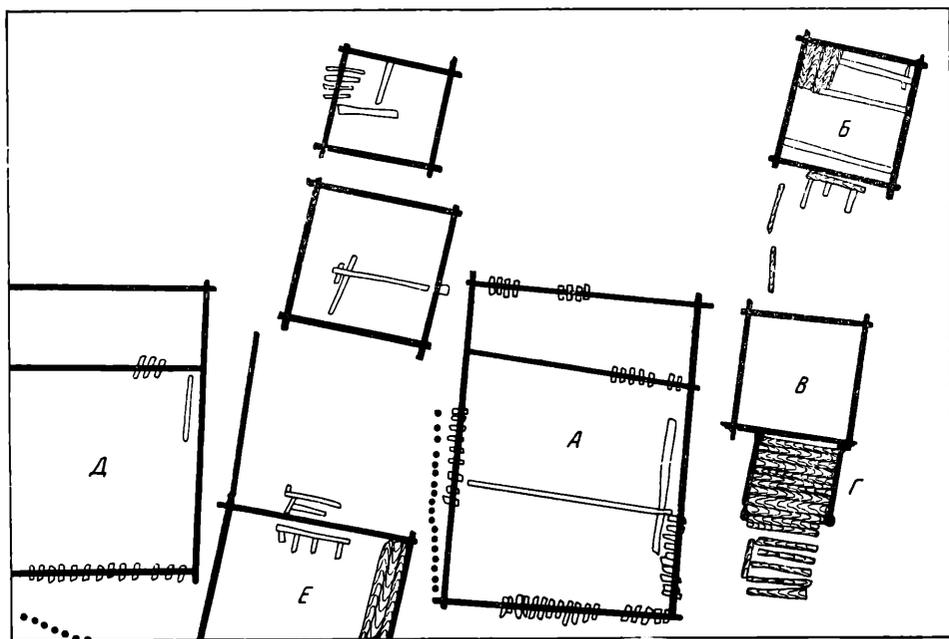
⁶ А. Ф. Медведев. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде. МИА, № 117, 1963, стр. 270—271.

⁷ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 191, рис. 23, 15.

⁸ Б. Н. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. XXVII, рис. 983.

1

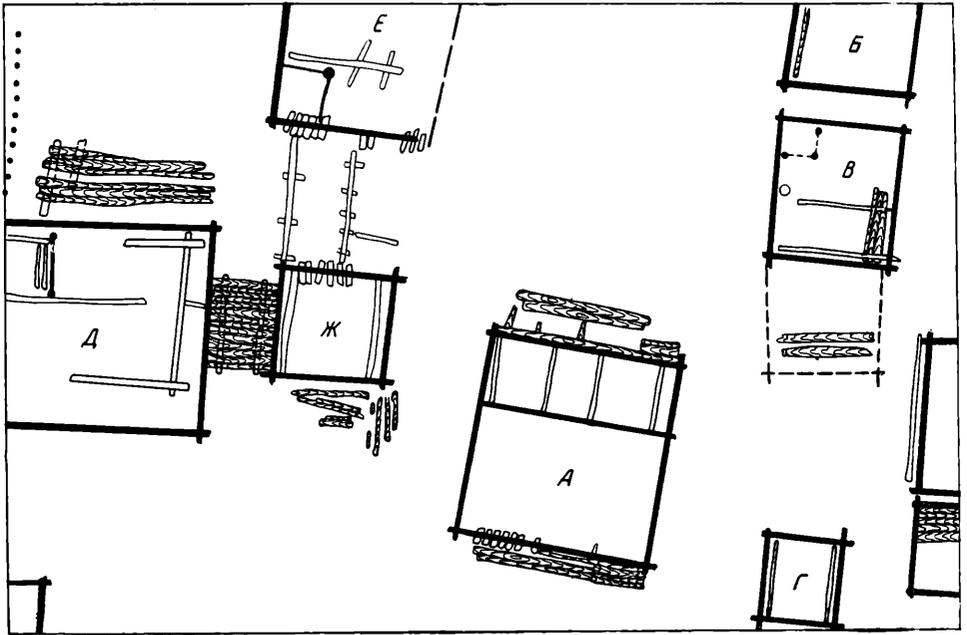
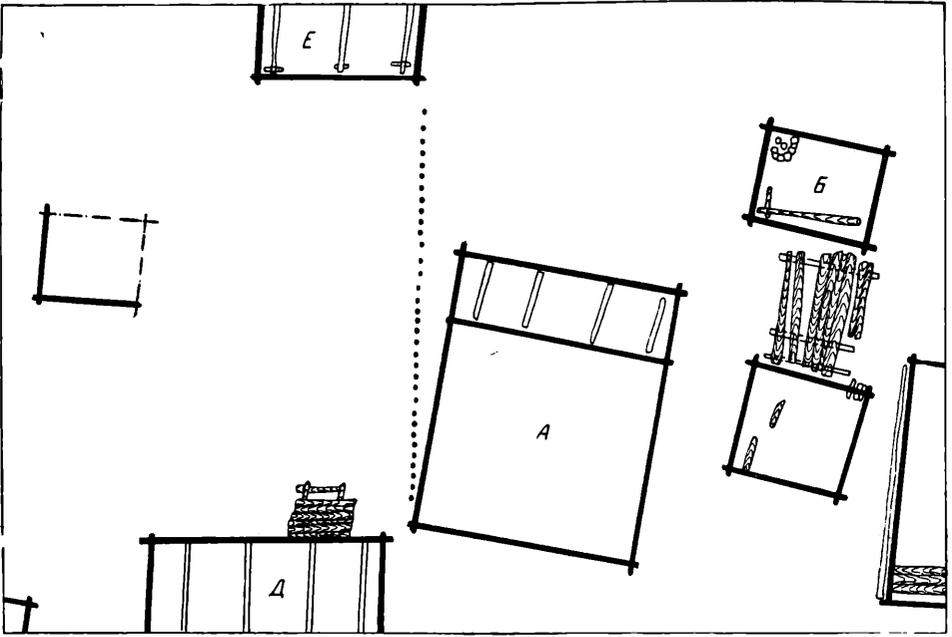
2

Рис. 48. Постройки 12-го яруса (1) и постройки 6-го яруса (2)

Рис. 49. Находки из Ильинского раскопа

1 — костяная накладка; 2 — медный крючок; 3 — обрывок рясен; 4 — костяной ювелирный молоток; 5, 6 — костяные пластины; 7 — литейная форма; 8 — дощечки для письма по воску; 9 — писало деревянное; 10 — медная гирилка кистеня

2

Рис. 50. Постройки 10-го яруса (1) и постройки 9-го яруса (2)

предметы и украшения. Наиболее интересной находкой является цельнолитая бронзовая гирилка кистеня с выпуклыми шишечками по всей поверхности. Гирилки такого типа характерны для XII — первой половины XIII в. (рис. 49, 10).

10-й ярус (рис. 50, 1) сооружен в начале XIII в. Картина застройки здесь кое в чем еще напоминает первую половину XII в. (12-й ярус), но произошли уже заметные перемены. По-видимому, сохранилось то же деление на «чистый» и хозяйственный дворы. Жилой дом *A* в восточной половине несколько уменьшился в размерах (60 м²), но имел не менее многочисленный комплекс находок, в котором уже отсутствовали амфоры и стеклянные кубки, но стало еще больше обломков стеклянных браслетов, их в этом ярусе больше всего. Но что особенно важно — на усадьбе, к северо-востоку от дома появилась ювелирная мастерская (постройка *B*). Ее размеры — 3,3 × 4 м. В северо-западном углу находился развал печи-каменки. Около постройки найдены: точильные бруски, куски меди и медной проволоки, костяной ювелирный молоток (рис. 49, 4), воск, замок и различные бытовые предметы.

В 10-м ярусе значительно больше отличалась застройка западной части усадьбы. Жилой дом *D* располагался на том месте, где в предшествующих ярусах проходила южная граница усадьбы, которая переместилась еще дальше к югу. Дом вскрыт частично. Протяженность северной стены его 7,2 м и его площадь могла быть около 50 м². Дом был двухэтажным и его нижний этаж служил неотапливаемым подклетом. Из довольно малочисленных находок следует отметить железный светец, 10 обломков стеклянных браслетов, два ножа, зерно. Вторая постройка — *E*, — расположенная в северной стороне двора, также представляла подклет жилого дома. Размер ее южной стены 4,9 м. Здесь обнаружено несколько больше находок: 14 обломков стеклянных браслетов, кресало, ножницы, кожаный мяч и др. На довольно обширном пространстве двора стояла еще одна небольшая хозяйственная постройка *Ж*.

В слоях 10/11-го ярусов найдена золотая привеска, состоящая из тонкой золотой цепочки, звенья которой представляют собой тонкую проволоку, сложенную в виде восьмерки и перегнутую пополам. На одном конце этой цепочки круглая бляшка диаметром 0,8 см, сделанная из двух половинок, полая внутри, толщина ее 0,3 см. На ней симметрично расположены четыре небольших отверстия, украшенных по краю сканью. Сканый ободок идет и по краю бляшки. На другом конце цепочки — маленькая лунница. По краю ее и вокруг трех небольших кружочков на ней также идет сканная проволока (рис. 49, 3).

В 9-м ярусе (рис. 50, 2) снова открылась картина застройки, знакомая по 12-му ярусу. Но жилые дома здесь уже иного типа — однокамерные, подавляющее большинство находок было сконцентрировано в западной части усадьбы. Основной жилой дом *A* в восточной части имел площадь около 50 м². Наиболее интересные находки в этом доме — чашечка от весов, кожаные ножны, писало, семь ножей. Здесь же найдена костяная накладка рукоятки ножа с изображением головы, вероятнее всего барса (рис. 49, 1). По характеру изображения пластинка сближается с резьбой по камню на Владимирских соборах. В комплексе с этим домом были связаны три постройки — жилые *B* и *B* и хозяйственная *Г* (амбар) с большим количеством горелого зерна.

В западной части усадьбы жилой дом *D* имел площадь также около 50 м². В северо-западном углу стояла печь. К северной стене примыкал настил — возможно, здесь были пристроены сени столбовой конструкции. Весьма многочислен и разнообразен комплекс находок этого дома: около 160 обломков стеклянных браслетов, 21 нож, литейная форма (рис. 49, 7), медная проволока, неолитический топор, занесенный из окрестностей Новгорода, три вставки от перстней, 10 кусочков янтаря, четыре ложки, двое

ножен, слюда, два бронзовых браслета, ложкарь, кошелек, слитки меди и пр. Особенно много кусочков янтаря найдено было около построек *Е* и *Ж*. Вероятнее всего, ювелирной мастерской была постройка *Е*.

8-й ярус (сооружен в 70-х годах XIII в., просуществовал до конца XIII в.) особенно интересен тем, что главная масса находок снова переместилась в восточную часть усадьбы. Основной жилой дом *А* восточной части площадью около 45 м² был однокамерный, с печью в северо-восточном углу. К северной стороне его примыкали сени столбовой конструкции шириной около 2 м. Находки, хотя и многочисленны, но довольно обычны для зажиточной усадьбы. Можно отметить лишь три кошелька, жиковину, медные цепочки, ножны, точеные деревянные чаши и пр. Примыкавшая к дому постройка *В* была заполнена горелым зерном и служила, по-видимому, амбаром.

В западной части усадьбы было три постройки: дом *Г* площадью около 40 м², очевидно, двухэтажный; небольшая жилая постройка *Д* с печью в северо-западном углу и погреб *Е*. Из находок следует упомянуть льночесалку, обломки двух деревянных тарелок и чаши. В слое этого же яруса найдена костяная резная, довольно массивная, накладка с изображением русалки с кубком (рис. 49, 5). Подобная уже была встречена в Новгороде на Неревском раскопе⁹.

8-м ярусом завершился 200-летний период существования усадьбы, когда она была разделена на две части. С начала XIV в. (I-й ярус) разделение территории прекратилось. Границы усадьбы раздвинулись за пределы раскопа. Застройка уже не делилась на два обособленных комплекса, а составляла на всей раскопанной территории единый комплекс, в котором главные жилые постройки занимали середину раскопа.

Из находок в этих ярусах надо выделить находку еще одной костяной накладки, близкой по форме и стилю к русалке. На этой бляхе очень рельефно и выразительно изображен фантастический зверь в очень динамичной позе (рис. 49, 6). Здесь же найдена деревянная дощечка, одна сторона которой заливалась воском и служила для письма. Другая сторона с орнаментом¹⁰ (рис. 49, 8).

Особенно выразительно картина застройки представлена в 6-м ярусе, сооруженном в 1339 г. (рис. 48, 2) (по данным дендрохронологии). Раскоп занимали три довольно больших однокамерных дома *А*, *Б* и *В*, хозяйственная постройка *Г* и две постройки *Д* и *Е*, одну из которых предположительно можно считать баней.

Дом *А* размерами 7 × 7 м с печью в юго-западном углу, располагался в середине раскопа. С севера к нему подходил дощатый настил шириной 4 м, уложенный на бревенчатые лаги. Настил, несомненно, шел от самой мостовой Ильиной улицы и кроме центрального дома *А* соединялся еще с домом *В*. К юго-западному углу дома примыкал рубленый коридор, соединявший дом с постройкой *Д*. Эта постройка, которую мы определили как баню, имела размеры 5 × 5 м. В северной ее стороне был настлан пол из широких, хорошо вытесанных половиц, какие обычно встречались в лучших новгородских домах. Но по длине эти половицы занимали не всю постройку, а только 2/3 ее, оставляя в южной стороне незамощенное пространство шириной около 2 м. В этом пространстве прослеживалось несколько столбов, которые, вероятнее всего, могли поддерживать полок. Печь здесь не обнаружена, но камни из развалов печей новгородцы использовали обычно для последующих построек и поэтому даже в жилых домах эти камни встречаются не всегда. О существовании бань в древнем Новгороде известно довольно

⁹ Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55. 1956, рис. 17, 2.

¹⁰ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 63—82.

много. Несомненно также, что среди более чем 1100 построек, открытых в Неревском раскопе, бань было немалое количество, но они не были выявлены, поскольку их остатки не отличались какими-либо ярко выраженными признаками от остатков обычных жилых построек. Постройку Д с известными оговорками можно отнести к этой категории сооружений.

Второй дом — Б — имел размеры 7,5 × 8 м. В нем был двойной пол: «черный» — бревенчатый и «чистый» — из широких досок. Печь в этом доме не прослежена и в бревенчатом настиле «черного» пола для нее не оставлено места. Несомненно, что дом был двухэтажным и подклет имел, скорее всего, парадное назначение, о чем свидетельствует конструкция и отделка пола.

Третий дом — В — расположен в северо-восточном углу раскопа и вскрыт только его угол. Можно предполагать, что размеры этого дома были довольно значительными, и, вероятнее всего, он был также не менее чем двухэтажным.

Перед нами, несомненно, центральная часть усадьбы зажиточного владельца, о чем свидетельствуют и находки, в частности дорогая золотоордынская керамика¹¹.

К этим же слоям (6/7 ярусов) относится найденная в стороне от построек медная монета XIV в. Она определена как анонимная золотоордынская монета времени Джанибека, чеканена в 744 г. хиджры (1343—1344 гг.) в г. Мохша-ал-Мгаруса (Наровчат)¹². Здесь же была найдена свинцовая печать, на одной стороне которой был изображен кентавр, а на другой надпись «печать Филиксова» и несколько грамот с упоминанием имени Феликса. Кто же был этот Феликс, владевший открытой нами усадьбой в первой половине XIV в.?

Нам хорошо известен круг людей, которые в древнем Новгороде имели право привешивать свою печать. Это князь, архиепископ, посадники, тысяцкие, тиуны, а также княжеские и владычные наместники — и в редких случаях — послы. Имя Феликс для Новгорода очень редкое. В документах этого времени оно встретилось только один раз: в договоре Новгорода с немецкими купцами от 17 мая 1336 г. В нем говорится: «Да будет ведомо всем людям, которые эту грамоту видят и слышат. Приехали заморские послы от Любека господин Маркворт фон Косфельде, от Готланда господин Венемир фон Эссен, а от великого князя Филипп, от новгородцев Андрей и Филипп и Павел и Анисим и Микула, наместник Феликс...» Эта грамота сохранилась лишь в немецком варианте и в ней не указано, чьим именно наместником был Феликс (в грамоте это слово было передано в русском звучании «месеник»).

По мнению В. Л. Янина, Феликс не мог быть княжеским наместником, так как от князя выступает Филипп. Следовательно, он мог быть только владычным наместником.

Обратимся теперь к берестяным грамотам, найденным на усадьбе. В грамоте № 414 Феликс обращается к Семену и Юрию с просьбой вложить в церковь какой-то «прибыток в весе», дав предварительно жене Феликса сколько ей будет нужно¹³.

В грамоте № 415 некая Февронья обращается к Феликсу с жалобой на своих пасынков, которые ее избили и прогоняют со двора. Она спрашивает Феликса, нужно ли ей ехать в город или же он придет сам и разберется во всем на месте. Эта грамота удивительно созвучна по содержанию с грамотой № 9 «от Гостяты к Васильеви», хотя между ними лежит промежуток

¹¹ А. Ф. Медведев. Ближневосточная и золотосордынская керамика из раскопок в Новгороде. МИА, № 117, 1963, стр. 279—287.

¹² Определение С. А. Яниной.

¹³ Нас не должно смущать то обстоятельство, что у Феликса была жена: владычные наместники были светскими людьми.

почти в полтора столетия¹⁴. Здесь уже определенно Феликс выступает как должностное лицо, причем известно, что семейные дела находились в сфере деятельности архиепископа.

Если верно, что Феликс был владычным наместником, то нужно выяснить, какой он ведал территорией, так как наместников было по нескольку. Есть ответ и на этот вопрос. В грамоте № 417 говорится о сборе дани с Заволоцкой (т. е. Двинской) земли. Следовательно, Феликс скорее всего мог быть владычным наместником по этой земле.

Застройка вышележащих ярусов не могла быть пока что прослежена с достаточной отчетливостью. Так, в 5-м ярусе значительную часть раскопа занимал настил, соединявшийся, несомненно, с мостовой Ильиной улицы. Постройки располагались по периметру раскопа и в большей своей части находились за его пределами. По конфигурации настила можно предполагать, что он огибал какую-то огромную постройку, расположенную в самом центре раскопа. В Неревском раскопе в слоях середины XIV в. на одной из усадеб был выявлен по остаткам столбового фундамента огромный дом¹⁵. Вполне возможно, что и здесь, в 5-м ярусе стоял подобный же дом, но столбовые фундаменты сохраняются очень редко.

По характеру застройки и по комплексам находок, несомненно, и в следующих ярусах усадьба принадлежала довольно богатым владельцам, может быть потомкам Феликса.

Итак, в 1962—1963 гг. мы познакомились еще с одним уголком древнего Новгорода XII—XV вв. Из 70 построек, остатки которых здесь прослежены, не встретилось ни одной, которая не была нам по типу знакома по Неревскому раскопу. Но пока здесь не обнаружены очень характерные для Неревского раскопа постройки с серединным местоположением печи, имевшие ремесленный характер. Интересно отметить, что в Ильинском раскопе прослеживается такое же чередование типов жилых построек во времени, что и в Неревском. В XII в. господствует I тип (прямоугольный сруб с отделенными бревенчатой стенкой сенями), в XIII в. его полностью заменяет III тип (однокамерный сруб без сеней). Появление на Ильинской усадьбе в XIII в. ювелирной мастерской также находится в полном соответствии с общими признаками хозяйственного облика Неревских усадеб. Но вместе с тем Ильинская усадьба имеет свои ярко выраженные индивидуальные особенности, которые помогут лучше понять сложную картину жизни средневекового Новгорода.

¹⁴ А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951 г. М., 1953, стр. 40.

¹⁵ П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, № 123, 1963, стр. 161, рис. 53.

О. В. ОВСЯННИКОВ
ЕМЕЦКИЙ ГОРОДОК

В письменных источниках Емецкий городок упоминается под 1471 г.— в списке Двинских земель¹. Из того же списка узнаем о существовании недалеко от городка погоста Емецкого. Близко от городка находилась Емецкая слобода². В списке русских городов ближних и дальних составитель допустил хронологическое смещение: город «в Емце» у него существует вместе с Орлецом, разрушенным в конце XIV в.³

В 1342 г., когда Лука Варфоломеев поставил городок Орлец, он «и скопив Емчан, и взя землю заволотскую по Двине, все погосты на щит»⁴.

Остатки Емецкого городка находятся в 2 км от с. Емецка у дер. Задворской, в 400 м от впадения р. Ваймуги в р. Емцу⁵. Городище занимает оконечность мыса, вытянувшегося между оз. Ефановским (Елифановским) и оз. Задворским, площадь его 210 × 30 м⁶ (рис. 51, а). Склоны мыса поросли лесом, высота городища над зеркалом озер около 19 м. У местных жителей городище известно под названием «Городка» и связывается с легендой о захвате «чудского» городка новгородцами. Площадка городища неровная: северная ее часть выше южной, в юго-западной части несколько воронкообразных ям, поросших кустарником. В большую воду озера соединялись, омывая городище с трех сторон. С напольной стороны вал и ров отделяли площадку от остальной части мыса. Высота вала около 3 м. Он обильно порос кустарником и деревьями, глубина рва 13 м.

В 1896 г. городище осмотрел служащий Архангельского губернского статистического комитета А. Г. Тышинский, который считал его чудским⁷ и составил общий план городища и окрестностей⁸. Первые археологические разведки на городище провел в 1896 г. К. П. Рева⁹, открывший остатки

¹ ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 94.

² М. Сибирцев, А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. Исследования по русскому языку, т. II, вып. 5. СПб., 1909, стр. 13.

³ НПА, М.—Л., 1950. Приложение второе, стр. 477.

⁴ НПА, 6850 (1342) г.

⁵ А. И. Насонов допустил неверное предположение, что Емецкий городок располагался у самого устья р. Емцы (см.: А. И. Насонов. «Русская земля» и образование древнерусского государства, М., 1951, стр. 106).

⁶ В сводке А. А. Спицына неточно указана площадь городища: 200 × 200 сажень (А. А. Спицын. Сведения 1873 г. о городищах и курганах. ИАК, вып. 5, 1905, стр. 6).

⁷ А. Г. Тышинский. О чудских древностях в Архангельской губернии, Тр. I АС, т. II, М., 1871, стр. 354—358.

⁸ Тр. I АС, атлас, табл. VII.

⁹ ОАК за 1896 г., СПб., 1896, стр. 90—94.

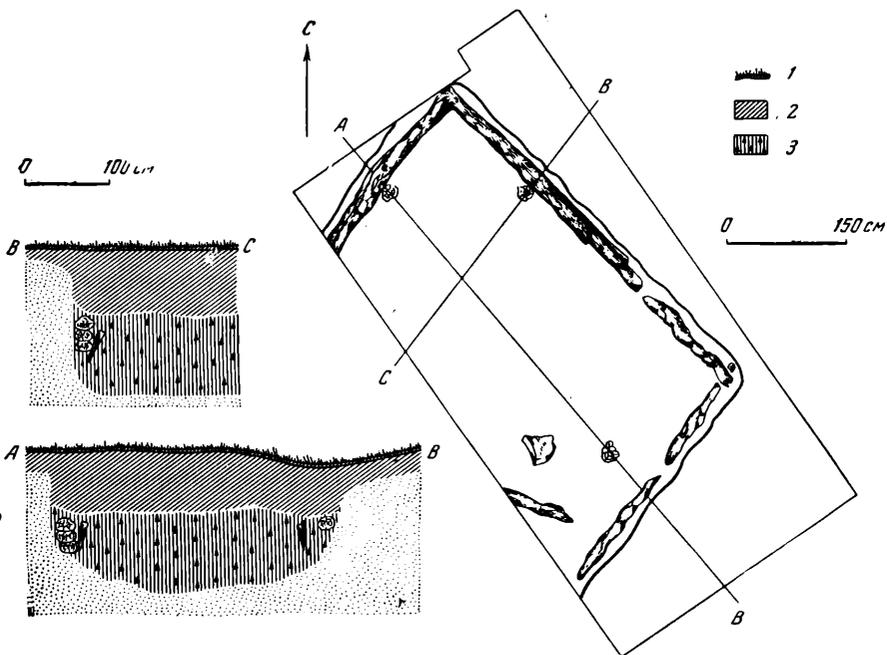
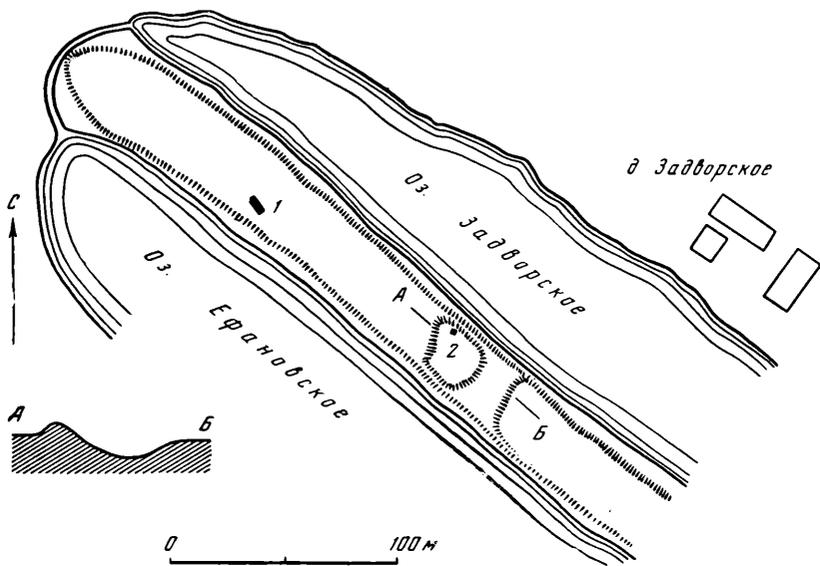

Рис. 51. План Емецкого городища (а)

1 — разведочный раскол; 2 — зачистка стенки вала. Остатки углубленной в землю постройки (б). Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — черный слой; 3 — слой земли с кусками пережженной глины

углубленных в землю срубных жилищ со следами очагов и полов, а в валу — слой угля, под которым находилась «перекаленная земля».

В 1959 г. городище у с. Емецк было нами осмотрено, а в 1961 г. проведены небольшие разведочные раскопки¹⁰. В раскопе (7,5 × 3,5 м), заложенном в средней части городища, сразу же под слоем дерна открылись контуры ямы, вырытой в светлом песчаном материке. На глубине 0,8 м заполнение ямы состояло из темной земли с примесью золы и больших кусков обожженной глины со следами отпечатков дерева с трех сторон ямы (четвертая не была вскрыта) (рис. 51, б). Сохранились один — три обугленные бревна сруба. У них обнаружены небольшие подпорки, выполнявшие роль контрфорсов¹¹. Углы постройки сохранились, но способ рубки можно только предполагать (обло, с остатком). На уровне нижнего венца лежал плоский булыжный камень, вероятно, заготовка жернова¹². Любопытно, что заполнение ямы глиняной обмазкой шло ниже предполагаемого «пола» постройки (материк обнаружен на 0,7—0,8 м ниже уровня «пола»). Это может быть след предшествующей постройки.

Судить о жилом или хозяйственном назначении постройки и ее облике трудно за недостатком данных. Можно предполагать, что венцы сруба были уложены на небольших земляных уступах, в которые были вбиты столбики-контрфорсы; во время пожара уступы обвалились, но более вероятно, что постройка была поставлена в яму, в которой остался завал печины от предшествующей постройки. Тип емецкой постройки наиболее близок к полуземлянкам XII—XV вв., открытым В. В. Седовым на Перыни¹³, и, несомненно, принесен на Северную Двину новгородцами.

В северной части вала зачищена небольшая яма. Стратиграфия этого участка вала дает некоторое представление о его конструктивных особенностях: дерновое покрытие 0,1 м, слой песка с примесью печины 0,45 м (на этом уровне лежали два обгорелых бревна), слой печины 0,5 м, углистый слой 0,06 м, слой серого песка 0,45 м (на этом уровне зафиксированы еще два обгорелых бревна диаметром 0,1 и 0,2 м), углистый слой со скоплением камней 0,25 м, слой мелких фрагментов печины с остатками обгорелых бревен 0,45 м и ниже.

Вероятно, внутри вала были какие-то помещения, так как вместе со скоплением камней от очага найдены фрагменты такой же керамики, что и в постройке.

Обмазка с противопожарной целью глиной жилых и оборонительных сооружений была распространена на севере в начале XVII в. С этой целью была обмазана глиной деревянная крепость Архангельска¹⁴.

Обнаруженные на городище вещи (железные наконечники копья и стрелы, обломки топора и замка, фрагменты гончарной керамики, в том числе красноглиняных горшков) вполне согласуются с датировкой памятника XV в. Незначительная мощность или отсутствие культурного слоя на городище вне жилищ может свидетельствовать о непродолжительности его обитания¹⁵.

¹⁰ Работы проводились на средства Архангельского областного краеведческого музея.

¹¹ Такие столбики-контрфорсы встречены нами при раскопках срубных жилищ XVII в. в Архангельске, Холмогорах и Шенкурске.

¹² В 1896 г. К. Рева вместе с обгорелым ячменем нашел жернов с суживающимися краями (см. ОАК за 1896 г., стр. 93).

¹³ В. В. Седов. Поселение XII — начала XV в. в Перыни. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 108. Некоторые из открытых В. В. Седовым полуземлянок были углублены до 1,2 м и имели уступы у дна ямы 25—30 см (Указ. соч., стр. 143 и др.).

¹⁴ «Архангельск в начале XVII в.» (По писцовым книгам Мирона Вельяминова). Памятная книжка Архангельской губернии за 1913 г. Архангельск, 1913, стр. 69.

¹⁵ Несмотря на отдельные находки кремней и «грубой» керамики на городище нет культурного слоя древнее XV в.

По всей вероятности, городок возник где-то во второй половине XV в. в связи с активизацией военных действий между Москвой и Новгородом. Об этом же, правда, косвенно свидетельствуют и летописные источники. Ни в 1398 г.¹⁶, ни в начале XV в. летописец не знает Емецкого городка¹⁷.

В 1471 г. во время похода на Двину московские войска «градки поимаша, приведоша всю землю ту за великого князя»¹⁸. События на Двине переплетаются с военными действиями новгородцев в 1471 г. на р. Пинеге, где они «городок Кегрольский сожгли, а с Чакольского городка окуп взяв»¹⁹. Как военно-инженерное сооружение он типичен для второй половины XV в. После присоединения Заволочья к Москве он потерял свое значение и больше не возобновлялся.

¹⁶ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950. 6906 (1398) г.

¹⁷ Летописный свод 1497 г. 6925 (1417) г. ПСРЛ, т. 28, 1963.

¹⁸ Там же, 6979 (1471) г.

¹⁹ ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 94.

А. В. НИКИТИН

КРЕПОСТЬ ХАЛЕЗЕЦ И КИЧ-ГОРОДОК

Предлагаемая статья посвящена двум памятникам Вологодской области, где автор работал в 1961—1962 гг. Они близки хронологически и территориально, однородны по планировке и принадлежности к самобытному народному оборонительному зодчеству.

Городище Халезец находится в Никольском районе в 1,5—2 км к северу от дер. Ковригино, на левом берегу реки Юг, в небольшой излучине, на высоте 24—26 м¹ (рис. 52, 1). От традиционного типа городищ на мысу его отличают небольшие размеры мыса и расположение на одном уровне с плато. Связанная с этим уязвимость крепости в какой-то степени компенсируется глубокими балками по бокам городища и крутыми склонами в сторону реки. С напольной стороны крепость отделена широким, сильно запыленным рвом.

К югу, на расстоянии 70—80 м находится церковь Георгия, с которой тесно связана история городища. По преданию, одноименная церковь стояла на нем сто лет назад. Сама же крепость якобы построена новгородцами против «чуди». В писцовой книге 1626 г. Никита Вышеславцев описывает ее так: «В Шарженской волости погост в осыпи, где был городок Халезец, а на погосте церковь Георгия теплая деревянная клецки»².

Этими известиями и ограничиваются все сведения о нашем памятнике. Скучность письменных источников, отдаленность и скромные размеры говорят о том, что перед нами одно из рядовых городищ. Полное отсутствие археологических исследований в Никольском районе тем более заставляет обратить на него внимание.

В 1949 г. учитель А. П. Панов произвел небольшие раскопки на городище, прекращенные им, как только стали попадаться на валу остатки обгоревшего дерева. Расчистка траншеи 1949 г. помогла установить мощность культурного слоя. Из находок следует отметить серьгу в форме незамкнутого кольца с подвеской из стекла. Аналогичные украшения найдены в раскопках Белгородской крепости 1593—1638 гг.³

¹ В раскопках этого памятника большую помощь оказала А. В. Гусаркина, за что автор выражает ей глубокую признательность.

² Цитируется по книге: И. К. Степановский. Вологодская старина. Вологда, 1890, стр. 415.

³ Близка по изготовлению серьга, опубликованная в статье И. И. Троицкого. «Берега Непрядвы в историко-археологическом отношении». Автор указывает также на одну серьгу, описанную А. К. Жизневским, найденную вместе с монетами Ивана IV и Бориса Годунова (см. Тр. VII АС, т. I, стр. 83, М., 1890).

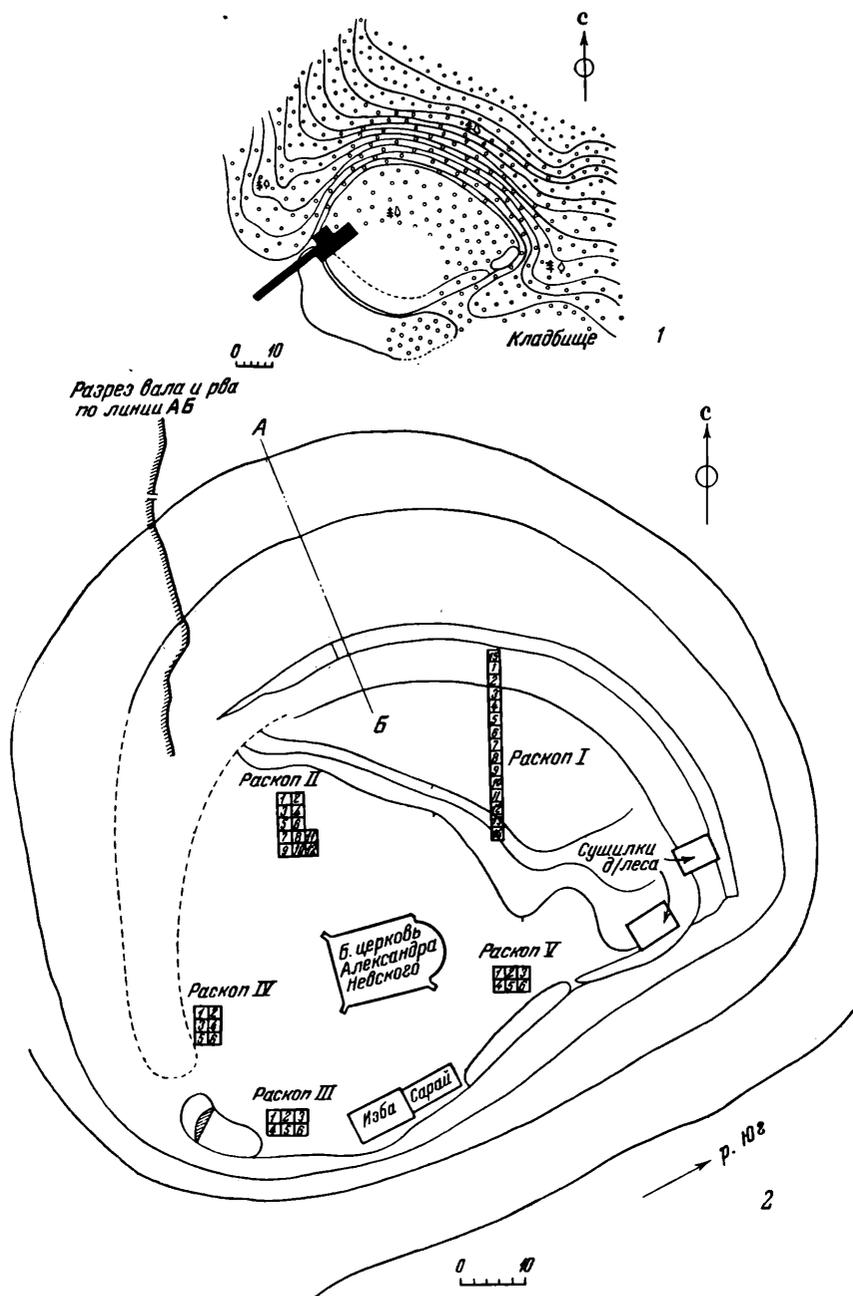

Рис. 52. План городища Халезец (1) и план Кич-городка (2)

На месте траншеи был заложен раскоп; продолжением основной части раскопа был разрез вала и рва — это помогло установить связь оборонительных сооружений с культурным слоем крепости.

На глубине до 40 см была сосредоточена основная часть вещей и следы единственной в раскопе деревянной постройки.

В плане от нее сохранилась одна стена длиной 2,75 м и небольшая часть другой. В глубину постройка сохранилась до трех венцов. Внутри найдены куски дерева прямоугольного сечения, возможно, остатки пола. Размер постройки восстанавливается, если предположить квадратную планировку: в таком случае перед нами — дом около 9 м².

На глубине 20—40 см на основной части раскопа (квадраты 15—23) из находок следует отметить шаровидный замок, полностью соответствовавший найденному на Белгородской крепости. Керамика из раскопок круговая, однотипная, почти без орнамента. Венчик слабо профилирован, весь облик сосудов традиционно русский XVI—XVII вв. Тесто с примесью кварцевого песка и слюды. Излом шероховатый, окраска серо-черная, полученная в результате печного обжига. Раскоп на валу дал следующую картину.

Под дерном встречены пятна угля, темной земли и обожженной глины. Говорить о существовании стен на валу вряд ли возможно. В некоторых квадратах под дерном сохранились куски угля и обгоревших бревен, лежавших с внутренней стороны, вдоль вала, одно над другим. Между ними были вбиты колья, вероятней всего остатки крепления. Подобный способ крепления крыш сохранился в местных постройках под названием «спичечников». Детали можно было наблюдать потому, что вся обкладка вала была обуглена, так что даже прослеживались остатки хвоя, шишки, необработанные комли. Все это заставляет предполагать, что крепление вала велось поспешно, под огнем противника. Глубже в профиле вала прослеживалась вторая прослойка угля и обгоревшего дерева. Очевидно, первоначально вал был ниже, но после пожара крепости вал был увеличен и вновь укреплен. Со стороны городища прослойки в насыпи вала сливались в одну полосу, что позволяет говорить об отсутствии хронологического разрыва между двумя присыпками вала. Как только противник сжег первоначальные укрепления, немедленно и очень поспешно жители вторично укрепили и увеличили вал. Только после повторного уничтожения крепость была оставлена. По системе укреплений городище может быть отнесено к домонгольскому типу. Однако находок этого времени и ранее XVI в. в культурном слое не обнаружено. Основная часть находок (серьги, замок, стремя) относится к XVI—XVII вв. (рис. 53, 1, 2). Однородный керамический материал близок к поздней керамике В. Устюга. Все это позволяет датировать городище XVI—XVII вв. Городище однослойное и существовало короткий отрезок времени. С какими же историческими событиями можно связать возникновение этого укрепления?

К 1626 г. крепость была уже заброшена («в осыпи»). А между тем археологический материал не ведет нас глубже XVI в. События этого времени на территории крепости были связаны с вторжением поляков и шведов. Отряды вооруженных иноземцев проникали в то время в самые отдаленные уголки Вологодского края; создание крепости следует отнести ко времени борьбы с интервентами. В таком случае будет понятна не только примитивность, но и поспешность, которая наблюдается в создании этого укрепления. Нам представляется, что укрепление было построено местным населением. Важно было создать единовременную крепость-убежище, чтобы оставить ее после прекращения опасности.

Следует обратить внимание на живучесть в условиях Севера укрепленный домонгольский тип. Аналогичный памятник — Устюгское городище.

Возможно, что и в центральной части Руси при более пристальном исследовании подобных городищ мы можем встретить среди них крепости XVI—XVII вв., построенные по домонгольским образцам. Длительное

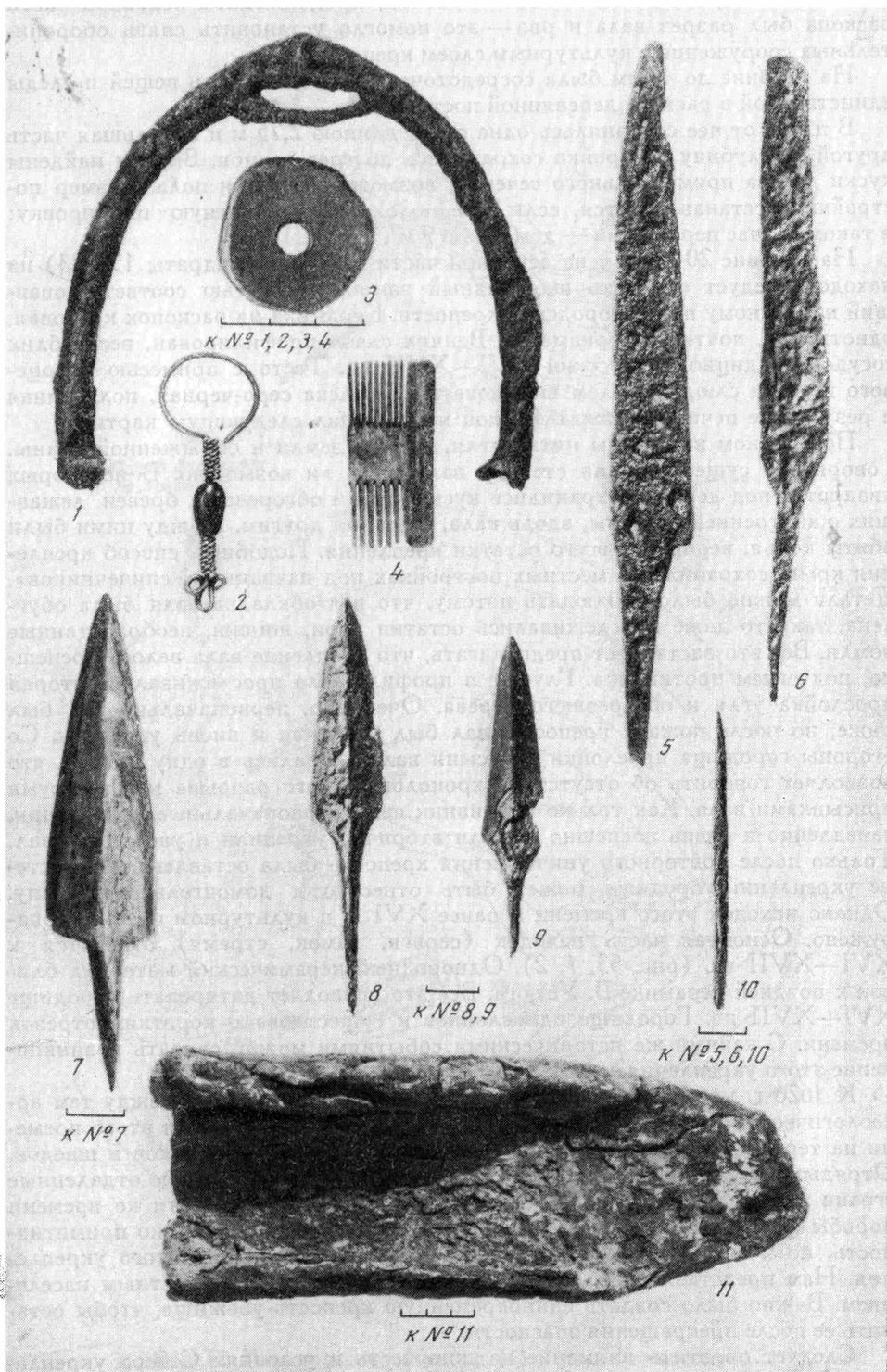

Рис. 53. Городище Халезец и Кич-Городок. Находки из раскопок

1 — стреля; 2 — серьга; 3 — грузило; 4 — гребень; 5—6 — ножи (городище Халезец); 7 — костяная стрела; 8—9 — железные стрелы; 10 — шило; 11 — сошник (Кич-Городок)

существование подобного рода крепостей объясняется не только ограниченностью возможностей обороняющихся, но и простотой вооружения нападающих. И то и другое было нередким в XVI—XVII вв.

В Халезской крепости это осложнялось внезапностью нападения и связанной с ней необходимостью быстроты построения обороны, а также отсутствием мастеров-градодельцев, населению приходилось использовать традиции и природные преимущества местности.

Кич-городок лежит на левом берегу р. Юг. С запада в нее впадает небольшая река Кипарица. С севера и востока крепость отделена рвом шириной 16—18 м (рис. 52, 2). Ров и Кипарица образуют единый оборонительный пояс. Во время половодья городище окружено сплошной водной преградой. Даже в настоящее время в половодье городище недоступно. Внутри оно не возвышается над плато, что могло служить одной из причин создания вала высотой до 3 м и вынудило также укрепить южную сторону городища. Вдоль реки вал прослеживается только в восточной части на высоте не более метра. Следует отметить великолепную сохранность восточной половины основного вала, где полностью сохранился первоначальный трапециевидный профиль. Западная половина имеет расплывчатое сечение полукруглой формы. Вход на городище с запада. Внутри городище ровное, лишь в северной его части заметно понижение и уступ. Городище и вал хорошо задернованы.

Крепость никогда не раскапывалась; для получения археологического материала со всей площади раскопы заложены в разных пунктах крепости.

Раскоп I. При его закладке преследовалась цель: установить стратиграфию вала и внутренней части городища и определить характер уступа, хорошо видного с северо-запада на юго-восток.

Под дерном в небольшом количестве встречены мелкие обломки гладкостенной круговой керамики с темно-серым, черным и розовато-красным изломом.

В целом посуда городища близка керамике Устюга и Халезского городища. В большинстве участков на уровне материка прослеживались прослойки угля. На глубине второго штыка были найдены остатки бревен, шедших в юго-восточном направлении. Бревна плохой сохранности, сильно сгнили. Большинство их круглого сечения. Вероятней всего, это были следы замощения, так как ни на одном из них не было найдено вырубков или следов кладки бревен венцами.

В раскопе найдена керамика и два наконечника стрел (рис. 53, 8, 9). На валу под слоем дерна находилась плотно слежавшаяся глина с незначительными прослойками угля без находок. Ниже шла сплошная прослойка угля. Она лежала на плотной обгоревшей глине. Можно утверждать, что перед нами остатки одной из самых ранних насыпей вала. Возможно, что это первая присыпка вала, так как под ней хорошо видна основная прослойка пожарища, прослеживаемая почти по всему раскопу. Стратиграфия угольных прослоек позволяет говорить о том, что время между присыпками было незначительное. Угольные прослойки скорее всего были остатками изгородей, так как встречались отдельные бревна, найденные на одном уровне с углем. Ниже шел второй ряд бревен такой же сохранности. Бревна, как и первый ряд, шли вдоль вала. Они сильно обгорели. Сечение проследить трудно, но расположение их вдоль вала позволяет сделать два предположения: или перед нами остатки крепления вала, аналогичного халезскому, или же это следы рубленых стен. Второе кажется более вероятным, так как глиняный панцирь Кич-городка вряд ли нуждался в деревянном покрытии.

На материке были обнаружены остатки двух сильно обгоревших бревен. Их расположение параллельно друг другу и толщина позволяют говорить, что перед нами остатки первоначального укрепления городища. Оно могло первое время существовать с тыном со стороны плато. Интересно отметить, что никаких находок в насыпи из обожженной глины и между бревен не

было найдено. Возможно, что к моменту создания тына культурного слоя не было, а вал насыпался за счет рва. В насыпном слое выше обожженной глины было много керамики, в нем также были найдены две железных листовидных стрелы.

Раскопки на этой территории городища позволяют сделать следующие выводы. По угольным прослойкам и насыпям, на которых они расположены вал был создан не менее, чем за три приема. По всему раскопу наблюдались остатки угольной прослойки на материке, уходящей под основание вала. На материке же были найдены и остатки бревен. Можно предположить, что перед нами следы замощения внутренней части крепости. В сравнительно небольшой период существования произошло довольно заметное укрепление ее боевой мощи. Первоначально, вероятней всего, крепость от плато отделял тын, но вскоре создали вал и ров, выросшие до значительных размеров после трехкратных присыпок.

Остальные раскопы, расположенные на площади городища, не дали остатков каких-либо долговременных жилых или хозяйственных сооружений. Тлен дерева, остатки бревен и лаг, найденные во всех раскопах, вероятно, представляют собой следы деревянной вымостки, которая создавалась не только из-за повышенной влажности, но и обуславливалась стремлением создать возможно большую площадь для удобного размещения населения.

Бытовой инвентарь Кич-городка указывает на возникновение крепости не ранее XVI в., а слабо насыщенный находками культурный слой — на короткий период ее существования. Как и Халезская крепость, он мог возникнуть для обороны во время вторжения поляков и шведов. Отряды иноземцев не только проникали в глубинные районы вологодской области, но иногда им удавалось держать под контролем, правда, недолго, целые районы. Все это вызывало противодействие народа.

Рассчитывать на регулярные войска центральных районов Руси не приходилось. И местное население организовало своими силами военные отряды для борьбы с врагом. Работы на Халезской и Кичменгской крепости позволяют в какой-то степени судить о формах народного оборонительного творчества, опиравшегося на далеко уходящие традиции и одновременно использовавшего глубокое знание природных преимуществ и местных возможностей в борьбе с иноземцами.

Г. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

СТАЛЬНЫЕ НОЖИ ДРЕВНЕГО ЛЮБЕЧА

(Металлографические исследования)

Среди археологических материалов, найденных при раскопках Б. А. Рыбакова в Любече (1957—1960 гг.), имеется значительная коллекция бытовых предметов из железа. Они представлены в основном хозяйственными ножами. Для металлографического исследования было отобрано 40 экземпляров ножей¹. Нами проведены: макро- и микроструктурное изучение шлифов, отжиг термически обработанных образцов и измерение микротвердости структурных составляющих с целью выяснения технологических характеристик ножей из Любеча.

Такой массовый универсальный инструмент, как хозяйственные ножи, изготовлялся, по-видимому, местными кузнецами или привозился из ближайшего ремесленного центра. В связи с этим следует отметить, что при въезде в замок раскопками были вскрыты остатки кузницы².

Отобранные для анализа ножи найдены в большинстве случаев в жилищах и в культурном слое замка и шесть ножей — на территории древнего посада (рис. 54). Из 40 ножей девять экземпляров — с узким и маленьким лезвием (длина клинка 50—60 мм, ширина 7—8 мм), остальные ножи с более длинным и широким клинком (длина клинка доходит до 120—130 мм). Многие ножи, особенно с длинным клинком, плохой сохранности.

В результате проведенных исследований мы получили возможность судить о качестве металла, который металлурги поставляли кузнецам, о конструкции ножей, их рабочих качествах и, следовательно, о мастерстве любечских кузнецов.

Как правило, основа клинка древнерусского ножа отковывалась из железа, а на лезвие шла сталь³. На нескольких экземплярах ножей из Любеча железо оказалось отличного качества: мелкозернистое, хорошо очищенное от включений шлака при проковке крицы. У основной же массы ножей железо намного хуже: оно часто крупозернистое, с повышенным содержанием мелких шлаковых включений. Микротвердость феррита по сравнению с современным чистым железом повышенная (193, 206, 221 кг/мм²). Сталь на всех ножах, за исключением одного, находилась в метастабильном состоянии (следовательно, подвергалась термической обработке). При исследовании

¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность Б. А. Рыбакову за предоставленные материалы.

² Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 31.

³ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 74.

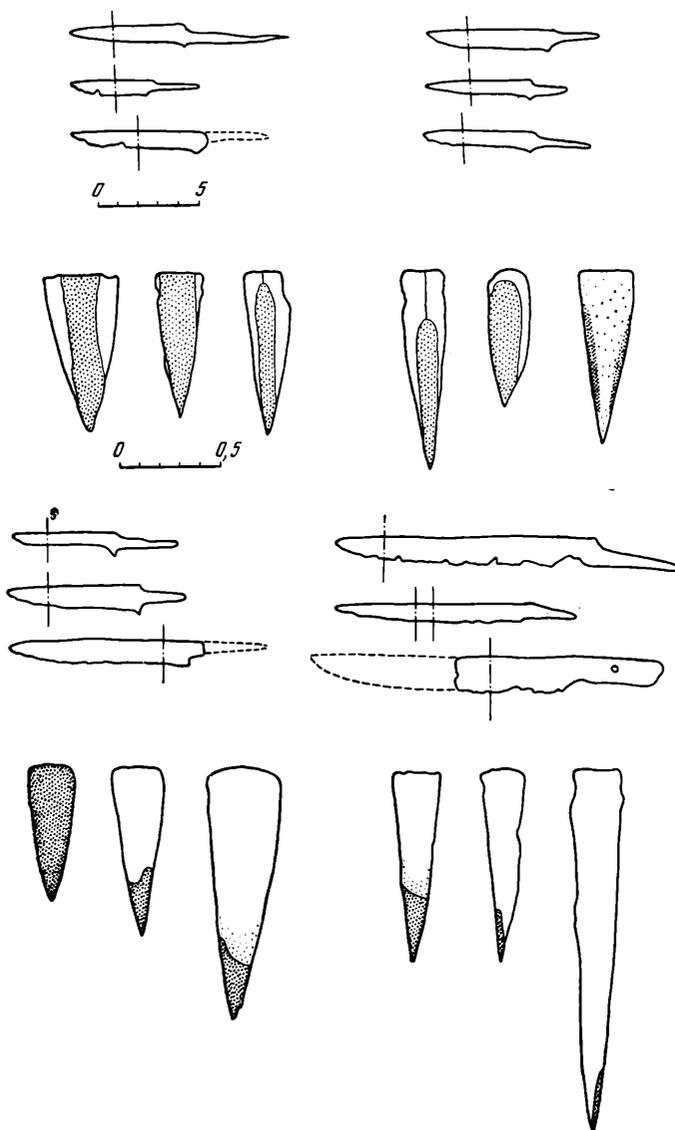

Рис. 54. Технологические схемы ножей

микрошлифов наблюдались структуры мелкоигльчатого и крупноигльчатого мартенсита, мартенсита с трооститом, сорбита отпуска или сорбитообразного перлита. Микротвердость термообработанных структур 464, 642, 724, 824 кг/мм². В результате проведенного отжига термообработанных сталей выяснено, что в большинстве случаев на изготовление стальных лезвий ножей шла среднеуглеродистая сталь с содержанием углерода 0,4—0,6%. В нескольких случаях отмечено повышенное содержание углерода в стали — 0,7—0,9% (анализы 17, 40, 41). Почти на всех ножах сталь высокого качества: однородная, равномерно науглерожена, почти не содержит включений шлаков.

Микроструктурный анализ ножей показал, что они изготовлены с применением пяти различных технологических приемов.

Одним экземпляром представлен нож с цементированным (науглероженым) лезвием (анализ 4). Содержание углерода в цементированном слое

около 0,7—0,8%. При цементации клинка готового железного ножа образовывался поверхностный слой стали, который придавал ножу необходимую твердость и остроту. Цементация поверхности железных изделий — один из самых древних и простых способов улучшения рабочих качеств орудий труда или оружия. И в то же время этот процесс очень трудоемкий и непроизводительный. Ножи с цементированным клинком недолговечны в употреблении, так как поверхностный науглероженный слой быстро стачивался и мягкий железный нож терял остроту.

Наиболее сложная технология изготовления ножа — сварка клинка из трех полос металла: в центре стальной и по бокам железные. Этим способом в изученной нами коллекции изготовлено шесть ножей (анализы 6, 8, 10, 16, 30, 33). У таких ножей клинок пригоден к употреблению почти до полного стачивания, так как при точке лезвия на острие всегда выходит твердая сталь. Среди ножей с трехслойным клинком выделяются три экземпляра, у которых наблюдается начало перехода от трехслойного пакета к варке стальной середины лезвия в нижнюю часть железного клинка: стальная полоса немного не доходит до спинки ножа.

Дальнейшее усовершенствование технологии изготовления, которое шло по линии упрощения технологических приемов и экономии дорогой стали, привело к появлению ножей, изготовленных техникой торцовой наварки стального лезвия на железную основу клинка. В исследованной коллекции подобные ножи наиболее многочисленны (анализы 1—3, 5, 7, 12, 22—25, 29, 31, 32, 36, 39—41). Большинство ножей было долгое время в употреблении — стальная наварка лезвия у них почти вся сточена.

С применением техники косой боковой наварки узкой стальной полоски — лезвия на железную основу клинка отковано четыре ножа (анализы 9, 15, 21, 26). Во всех случаях стальная наварка очень плохо сохранилась.

Целиком из стали отковано пять ножей. На их изготовление пошла неравномерно науглероженная мягкая сырцовая сталь, в отличие от высокого качества стали на ножах с иной технологией. Исключением является маленький ножик хорошей сохранности с сильно сточенным лезвием, откованный из высокоуглеродистой стали (анализ 17).

При микроструктурном исследовании ножей установлено, что термическая обработка была обязательной операцией при их изготовлении. Все ножи сохранили первоначальный вид термообработки — закалку на мартенсит (в холодную воду) или следы такой закалки. Закалка ножей на мартенсит придавала наибольшую твердость стальному лезвию. Отпуск или в одном случае отжиг структур произошел, вероятнее всего, при случайном попадании предмета в огонь.

Восемь ножей ввиду плохой сохранности и сточенности лезвия не дают возможности полностью восстановить их конструктивную схему. В данном случае при исследовании микроструктуры шлифов на поперечном сечении клинка наблюдается ферритная структура со шлаковыми включениями, иногда незначительно науглероженная.

Результаты микроструктурного анализа позволяют утверждать, что любечские ножи изготовлены кузнецами, в совершенстве владевшими техникой сварки железа и стали. Тонкие и чистые сварочные швы, прочно соединявшие металл, свидетельствуют об умении кузнеца применять флюсы, чтобы освободить свариваемую поверхность металла от окалины. Тонкие стальные наварки лезвий не обезуглероживались при сварке с железной основой будущего ножа, так как мастер строго соблюдал температурный режим сварки.

Закалка ножей носит дифференцированный характер; все они закалены на мартенсит, что в данном случае наиболее целесообразно.

При микроструктурном изучении нескольких ножей (анализы 5, 25, 31, 35, 36) отмечено вторичное использование металла или отходов кузнечного производства.

Изученная коллекция представляет все известные для древней Руси варианты технологических схем ножей: ножи многослойные и с цементированным клинком, ножи со стальным наваренным лезвием и цельностальные. Для древнерусских ножей уже установлена определенная закономерность изменения технологии изготовления по времени⁴. Если в форме и орнаменте предмета старые традиции очень устойчивы, то технология изготовления орудий труда и оружия очень изменчива и постоянно подвергается различным конструктивным усовершенствованиям.

Определенная рационализация технологии производства наиболее важных орудий труда и оружия появляется почти одновременно не только в древнерусских землях, но и на более широкой территории⁵. Поэтому вполне возможно сравнить хронологические рамки существования технологических схем ножей древнего Новгорода с коллекцией ножей из Любеча. Ножи с трехслойным клинком представляют наиболее древнюю технологию изготовления, существовавшую на Руси с X до начала XII в. В изученной нами

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

№№ анализа	Шифр предмета	Технология
4	Любеч 59 р. XVIII № 173	Цементация
6 8 10 16 30 33	Любеч 58 р. XXVII № 16 Любеч 59 р. XIX № 18 Любеч 58 р. XXII № 119 Любеч 59 р. I посад № 71 Любеч 59 р. XVII № 6 Любеч 6/п	Трехслойный пакет
1 2 3 5 7 12 22 24 25 29 31 32 36 39 40 41	Любеч 57 р. XXII № 170 Любеч 57 р. XXI № 6-а Любеч 57 р. XXII № 120 Любеч 59 р. II посад № 477 Любеч 57 р. XXII № 222 Любеч 58 р. XXV № 292 Любеч 59 р. II посад № 390 Любеч 60 р. XXIV № 385 Любеч 59 р. XVII № 302 Любеч 59 р. XVII № 74 Любеч 59 р. II а посад № 299 Любеч 60 р. XXIV № 240 Любеч 59 р. XXXII № 556 Любеч 60 р. III № 51 Любеч 59 р. XIX № 32 Любеч 60 р. VII № 269	Торцовая наварка
9 15 21 26	Любеч 57 р. XIII № 15 Любеч 58 р. XX № 135 Любеч 59 р. II а посад № 91 Любеч 60 р. VII № 268	Косая боковая наварка
17 23 27 35 38	Любеч 59 р. I посад № 103 Любеч 59 р. XXXII № 562 Любеч 59 р. XIX № 57 Любеч 59 р. I посад № 164 Любеч 59 р. XXXII № 338	Цельностальные

⁴ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 50.

⁵ J. Piaskowski. Technika Gdańskiego hutnictwa i kowalstwa żelaznego X—XIV w. na podstawie badań metaloznawczych. Gdansk wczesnosredniowieczny, t. II. Gdansk, 1960.

коллекции подобную технологию изготовления имеют шесть маленьких клиновидных ножей с сильно сточенным лезвием. Как уже отмечалось, технология трех из этих ножей приближается к переходному типу от трехслойного пакета к стальной наварке. Ножи с торцовой наваркой стального лезвия на железную основу клинка, технология производства которых менее трудоемкая, но не менее сложная, появляются в 10—20-х годах XII в. и полностью вытесняют трехслойный пакет во второй половине XII в. Подобная конструкция в Любече встречена на 16 ножах. К концу XIII в. и в XIV в. конструкция древнерусского ножа стала еще более простой, острие наваривалось тонкой стальной пластинкой с одного бока железного клинка. В любечской коллекции изготовлены подобным способом всего четыре ножа.

Ножи, откованные целиком из стали, бытовали в разное время и их технологическая дата неопределенна.

Таким образом, большинство всех найденных на замке и посаде древнего Любеча ножей имеет технологическую схему, которая появилась в русском ремесле в 20-е годы XII в.

III. ХРОНИКА

СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИА АН СССР

В 1963 г.

В соответствии с планом Института археологии сектор работал над проблемами: 1) происхождение славян, 2) генезис и история феодализма, 3) города древней Руси. В 1963 г. закончены большие плановые работы: Г. К. Вагнером «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси (город Юрьев-Польский)», Л. В. Алексеевым «Очерки истории Полоцкой земли», А. В. Никитиным «Кузнечное дело XVI—XVII вв.». Продолжалась работа над выпусками «Свода археологических источников СССР»; сданы в печать выпуски: «Русские датированные надписи X—XIV вв» Б. А. Рыбакова, «Фибулы юга СССР II в. до н. э.—IV в. н. э.» А. К. Амброза. Вышли из печати монографии Б. А. Рыбакова «Древняя Русь (Сказания. Былины. Летописи)», Б. А. Колчина «Дендрохронология Новгорода» и П. И. Засурцева «Усадьбы и постройки древнего Новгорода».

Для ознакомления широких кругов читателей с достижениями археологии в СССР сектор подготавливает научно-популярные книги в серии «Из истории мировой культуры».

Полевые работы охватили большую территорию не только древней Руси, но и ее юго-восточных соседей. Для изучения славянских памятников кануна образования Киевского государства большое значение имеют работы Древлянского отряда Приднепровской экспедиции, руководимого И. П. Русановой: в зоне строительства Житомирской ГЭС выявлены памятники VI—VIII вв.; на шести поселениях проведены раскопки (три из них вскрыты целиком); всего за последние годы изучено 40 жилищ, собран большой вещевой материал. Погребальные памятники X—XII вв. летописных радимичей изучал Радимический отряд под руководством Г. Ф. Соловьевой (раскопки у с. Веточка Рогачевского района Гомельской обл.).

Новые важные результаты получены в изучении древнерусского города. Приднепровская экспедиция (руководитель Б. А. Рыбаков) продолжала изучение системы древнерусских городищ по рекам Роси и Стугне, оборонявших южные рубежи Русского государства в X—XI вв. Прутско-Днестровская экспедиция (под руководством Г. Б. Федорова) продолжала раскопки жилищ и домниц X—XII вв. на Алчедарском поселении и раскопки курганов с трупосожжениями в урнах (близ Алчедарского городища) и с трупоположениями (Бранешты). Верхне-Окской экспедицией (руководитель Т. Н. Никольская) в Урицком районе Орловской области выявлен ряд древнерусских городищ XII—XIII вв., на них заложены разведочные раскопы. Смоленская экспедиция (руководитель Н. Н. Воронин) изучала руины грандиозного храма XII—XIII вв. в Смоленске, найдены фрагменты фресок, впервые дающие представление о смоленской школе древнерусской живописи. Под руководством Л. В. Алексеева в Мстиславле была вскрыта

часть улицы с девятью ярусами мостовых XII—XIV вв. Новгородской экспедицией (руководитель А. В. Арциховский) на Ильинском раскопе (около 600 м²), вскрыты части двух усадеб, найдены новые берестяные грамоты и много вещей. Раскопками Л. А. Голубевой (Белозерская экспедиция) исследованы на Белоозере слои X в., а также материалы XII—XIII вв. Новые данные получены и при раскопках А. В. Никитина (Устюжно-Железнопольская экспедиция).

Значительный шаг вперед сделан в изучении истории юго-восточных соседей древней Руси. Северо-Донецким отрядом Нижне-Донской экспедиции (руководитель С. А. Плетнева) завершены многочисленные разведки салтовских поселений в Приазовье и по Северскому Донцу. В результате обрисовывается широкая историческая картина: установлены области размещения оседлых и кочевых племен салтовской культуры, найдены места зимних и летних кочевий и т. д. Т. И. Макаровой проведены раскопки в Керчи, вскрыты постройки юстиниановского и хазарского времени и X—XI вв. Раскопки В. А. Кузнецова (Зеленчукский отряд Северо-Кавказской экспедиции) подтвердили предложенную им ранее датировку Нижне-Архызского городища XI—XII вв., были вскрыты дома и часть улицы.

Широкой была тематика заседаний сектора. На совместных заседаниях с сектором скифо-сарматской археологии обсуждались вопросы изучения черняховской культуры. Ю. В. Кухаренко сделал доклад о могильнике Брест — Тришин в связи с проблемой проникновения на Полесье и Волинь культуры нижневислинского типа. При обсуждении доклада говорилось о том, что археологи должны обратить особое внимание на изучение стыков общественных формаций, как на очень сложные и наименее изученные; в этом отношении черняховская культура имеет большое значение (Б. А. Рыбаков). Доклад получил высокую оценку слушателей. Признано очень важным в историческом отношении установленное докладчиком параллельное существование на Украине и в южной Белоруссии III—IV вв. нижневислинской и черняховской культур (Г. Б. Федоров, Э. А. Симонович). Важно и то, что Ю. В. Кухаренко проследил проникновение в IV в. отдельных групп северного населения на собственно черняховскую территорию (А. К. Амброз). В итоге дискуссии стало ясно, что нельзя смешивать два разных вопроса: о проникновении культуры нижневислинского типа на юг и о происхождении черняховской культуры. Значительный интерес вызвала готская проблема. Был поставлен вопрос о соотношении местных, римских и готских элементов в культуре того времени (Б. А. Рыбаков, А. Л. Монгайт), об исследовании роли готских племен в истории нашего юга. Важно также проследить конкретный путь готского переселения (Б. А. Рыбаков). Пока нет археологических данных для предположения о мощном сарматском заселении на пути готов к югу (В. В. Крopotкин, К. Ф. Смирнов), так как в ту эпоху сплошное сарматское население жило лишь к востоку от Нижнего Днепра (К. Ф. Смирнов). Едва ли полесские и волинские памятники типа Дитыничи — Брест можно приписать тем готам, о пребывании которых на юге сообщают письменные источники (А. К. Амброз). По-видимому, границей между собственно черняховской культурой и готами Причерноморья могли быть Днепровские пороги (Б. А. Рыбаков). Сотрудники сектора приняли активное участие в обсуждении сектором скифосарматской археологии вопросов применения новых естественнонаучных методов для изучения черняховской культуры.

Основная часть докладов и сообщений была посвящена истории и археологии древней Руси. Были обсуждены главы по истории Киевской Руси, написанные Б. А. Рыбаковым для первого тома Истории СССР.

Находкам на Руси монгольских наконечников стрел посвятил доклад А. Ф. Медведев. Они найдены всюду, где прошли монголы, на Руси их больше всего в разрушенных монголами городах, подражания этим стрелам встречались лишь среди материалов периода золотоордынского господства

и исчезли после свержения татарского ига. На русские стрелы монгольские изделия не повлияли. Выступавшие подчеркивали, что кочевническая тактика осыпания противника дождем стрел была известна на Руси и до монгольского нашествия (М. Г. Рабинович, Н. Н. Воронин). Признана важность подобных исследований.

Принципы классификации восточнославянских курганных древностей рассматривались в докладе Л. П. Гуссаковского. При обсуждении был высказан ряд общих соображений о принципах, методах и задачах археологической классификации. Говорилось, что стремление к излишней формальной стройности, к проведению принципа последовательного почкования в классификационных схемах устарело, это сковывает материал (Б. А. Рыбаков). В классификациях следует выделять ведущие и решающие признаки (А. Л. Монгайт), необходимо выработать общую терминологию (И. К. Фролов), классификация должна быть детальной, чтобы не загушевывать своеобразие материала (А. К. Амброз). Одна из задач археологов — готовить материал для использования в счетных машинах (Б. А. Рыбаков), в связи с этим следует составить специальную сетку, где каждый признак (и его шифр) имел бы постоянное место; нужно опубликовать списки признаков (Б. А. Рыбаков). Важность тех или иных признаков вещи нельзя выделить априорно, это определяется при работе с конкретным материалом, важны те признаки, которые позволяют выделить территориальные или хронологические различия вещей (В. В. Седов).

Границы Тмутараканского княжества были рассмотрены в сообщении А. Л. Монгайта. Основную дискуссию вызвали сомнения докладчика в подлинности Тмутараканского камня с надписью князя Глеба.

Молдавское сельское гончарство XIV в. охарактеризовал Л. Л. Полевой (Кишинев). Признаны убедительными тезисы докладчика о проникновении на территорию Молдавии населения и традиций производства керамики из Галицкой Руси (Г. Б. Федоров) и Северного Причерноморья (А. А. Бобринский).

О раскопках средневековых русских городищ Халезец и Кич-городок (в Вологодской области) рассказал А. В. Никитин. Оказалось, что эти укрепления были построены как убежища для обороны населения в конце XVI — начале XVII в.

Итогам изучения рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском посвятил доклад Г. К. Вагнер. Раскрытие докладчиком основной идеи этого декора, как воплощения космогонических идей древней Руси, признано убедительным (Б. А. Рыбаков и др.). Второй доклад Г. К. Вагнера был посвящен вопросу о главном мастере Георгиевского собора.

На других заседаниях были заслушаны отчеты сотрудников о проделанной работе и обсуждены планы работы сектора, сделаны сообщения об итогах полевых работ 1963 г.

Сотрудники сектора приняли активное участие в работе очередной отчетной сессии (в Минске), в ходе которой были прочитаны доклады В. В. Седовым «Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы», Н. Н. Ворониным «Новый памятник смоленской архитектуры XII—XIII вв.», Б. А. Колчиным «Методы естественных наук в археологии» и П. И. Засурцевым «Усадьбы древнего Новгорода» — на пленарных заседаниях и Г. Ф. Соловьевой и Л. В. Алексеевым — на секционных.

Сектор участвовал также в работе совещания, посвященного новым методам в археологии.

А. К. Амброз

ГРУППА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА В 1963 г.

В 1963 г. сотрудники группы славяно-русской археологии, как и в предыдущие годы, разрабатывали две основные проблемы: древнюю историю славян и историю культуры древнерусского города.

Первой проблемой занимались П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин и М. А. Тиханова.

П. Н. Третьяков продолжал работать над монографией «Финно-угры, балты и славяне в Восточной Европе», для которой написал два раздела: «Зарубинецкие племена и их продвижение в области Верхнего Поднепровья» и «Этническая карта «Повести временных лет» и археологические данные».

И. И. Ляпушкин работал над разделом «Славяне на территории Восточной Европы», составляющем значительную часть подготавливаемой им монографии «Восточные славяне накануне образования древнерусского государства».

М. А. Тиханова продолжала работать над монографией «Поселение у с. Лепесовки» (к истории населения южной Волыни в первой половине I тыс. н. э.).

Вторую проблему разрабатывали М. К. Каргер, Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт, Ф. Д. Гуревич, А. Н. Кирпичников и Ю. П. Спегальский.

М. К. Каргер, продолжая работать над монографией «Древнерусский город Изяславль», подготовил главу «Клетки Изяславля». Кроме того, им был сделан доклад о «Развалинах храма Бориса и Глеба в Новогрудке» (по материалам раскопок 1961—1962 гг.).

Г. Ф. Корзухина, закончив монографию «Среднее Поднепровье в V—VII вв. н. э.», в 1963 г. приступила к обработке и подготовке к печати материалов Староладожской экспедиции, выявив и собрав документацию экспедиции за 1938—1959 гг., находившуюся кроме архива ЛОИА в Эрмитаже и Ленинградском университете.

П. А. Раппопорт работал над монографией «Военное зодчество западно-русских земель X—XIV вв.», для которой закончил раздел «Памятники Галицкой земли».

Ф. Д. Гуревич, продолжая работать по теме «Древний Новогрудок», завершила большой раздел: «Археологические материалы окольного города», сделала доклад «О некоторых вопросах датировки древнего Новогрудка».

А. Н. Кирпичников доложил на заседании группы две главы из работы «Древнерусское оружие X—XIII вв.»: 1—русские сабли, 2—русские щиты. В 1963 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Русское оружие ближнего боя (X—XIII вв.)», составляющую часть упомянутой выше монографии автора. Кроме того, А. Н. Кирпичников произвел расчистку мечей X—XIII в. из собраний ленинградских музеев, которая дала очень интересный результат: на большей части мечей обнаружены надписи или знаки.

Ю. П. Спегальский продолжал разрабатывать тему «Деревянное зодчество северо-западной Руси IX—XIII вв.». Он написал главу «Массовое жилище в IX в.»

М. В. Малевская сделала доклад об амфорах Новогрудка (раздел работы «Керамика древнего Новогрудка»).

В 1963 г. группа посвятила четыре заседания обсуждению спорных вопросов славяно-русской археологии. В дискуссии приняли участие П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, М. К. Каргер, М. А. Тиханова, Г. Ф. Корзухина, Ф. Д. Гуревич и Д. А. Мачинский. Сотрудники группы выступали с докладами на пленумах ЛОИА и ИА, а также на конференциях в других городах. П. Н. Третьяков подготовил и опубликовал доклад для V международного съезда славистов в Софии на тему: «Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги» (сб. «История, фольклор, искусство славянских народов». М., 1963). Г. Ф. Корзухина и Ф. Д. Гуревич приняли участие в конференции по истории, археологии и этнографии скандинавских стран и Финляндии, организованной Гартуским университетом. Г. Ф. Корзухина прочла доклад «О новых находках скандинавских вещей близ Торопца», а Ф. Д. Гуревич — на тему «Древние прусы и норманны».

На заседаниях группы в 1963 г. были заслушаны доклады сотрудников других секторов и групп: Б. А. Рыбакова «Владимир Мономах», А. Г. Митрофанова (Минск) «Раскопки на городище и селище Замковая гора близ д. Дедиловичи Борисовского района Минской обл.», М. И. Островского (Кременец) «Об археологических находках в районе Кременца», И. А. Рафаловича (Молдавия) «О памятниках раннеславянского времени в Молдавии» и А. Д. Поболя (Минск) «Археологические памятники южной и юго-восточной Белоруссии первой половины и третьей четверти I тыс. н. э.»

В 1963 г. были проведены следующие экспедиции.

Верхнеднепровская экспедиция (руководитель П. Н. Третьяков) произвела раскопки в поречье р. Десны в двух пунктах — около дер. Смолянь на Десне к северу от Брянска и у с. Посудичи на р. Судость, где были исследованы остатки поселений I тыс. н. э.

Галицко-Волынская экспедиция (руководитель М. К. Каргер) продолжала совместно с Ленинградским университетом раскопки на территории окольного города у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой обл. (древнерусский город Изяславль). Кроме того, в городе Турове были раскопаны руины храма XII в. (см. статью М. К. Каргера «Развалины храма XII в. в Турове». КСИА, вып. 100).

Отряд по изучению крепостей (руководитель П. А. Раппопорт) проводил работу по исследованию древнерусских городищ на территории Галицкой и Волынской земель. Всего было обследовано 29 пунктов, в 19 из которых исследованы древнерусские городища. В с. Крылосе (древний Галич) был прорезан оборонительный вал и ров детинца.

Славяно-литовский отряд (руководитель Ф. Д. Гуревич) продолжал раскопки в Новогрудке (Гродненской обл. БССР). На территории окольного города были исследованы ранее начатые раскопками большие богатые постройки XII—XIII вв. Обнаруженные в нижнем горизонте остатки сооружений и инвентарь X—XI вв. дополнили представления о раннем этапе жизни на городище. Кроме того, под руководством К. В. Павловой производились раскопки могильника близ Новогрудка (у дер. Бретянка), где было вскрыто 11 курганов конца X—XI в. (см. статью К. В. Павловой в настоящем сборнике).

В 1963 г. вышла из печати книга П. Н. Третьякова «Древние городища Смоленщины» (16 авт. л.). Сданы в печать научно-популярные работы П. А. Раппопорта «Древние русские крепости» (объемом 3 авт. л.) и Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевской «Стеклянные сосуды древнего Новогрудка» (альбом с текстом — 1 авт. л. и 19 табл.).

М. В. Малевская

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты археографической экспедиции
АП — Археологічні пам'ятки
АС — Археологический съезд
ВЦНИЛКР — Всесоюзная научно-исследовательская лаборатория консервации и реставрации
ГИМ — Государственный исторический музей
ИАК — Известия Археологической комиссии
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИКДР — История культуры древней Руси
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА — Ленинградское Отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское Отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
НПЛ — Новгородская первая летопись
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. В. Седов. Из истории восточнославянского расселения	3
Л. А. Голубева. О дате поселения Веси на Белом озере	12
Н. Н. Воронин. Памятник смоленского искусства XII в.	18
Е. Г. Шейнина. Методика снятия стенных росписей храма XII в. в Смоленске	33
В. П. Даркевич. Гемма из Смоленска	38
А. В. Гадло. Глиняная статуэтка в собрании Новочеркасского музея	41
Г. Ф. Корзухина. Находка на Рюриковом городище под Новгородом	45
Ю. Л. Щапова. Стекланные браслеты Полоцкой земли	47

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. П. Русанова. Работы в зоне затопления Житомирской ГЭС	50
С. А. Плетнева, Т. И. Макарова. Южное городище у с. Витачева	54
И. Б. Зеест, А. П. Якобсон. Раскопки в Керчи в 1963 г.	62
Т. И. Макарова. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи)	70
Ф. Д. Гуревич. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка	77
М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка	85
И. Д. Зильманович. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г.	93
К. В. Павлова. Раскопки могильника близ Новогрудка	99
М. В. Седова. Археологические работы во Владимирской области в 1962 г.	106
Е. А. Халикова. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г.	110
А. В. Куза, А. Л. Никитин. Славянский могильник в пос. Купанское близ г. Переславля-Залесского	117
С. С. Ширинский. Курганы XI—XII вв. у дер. Глыбов	121
Г. А. Авдусина, П. И. Засурцев. Раскопки на древней Ильиной улице в Новгороде в 1962—1963 гг.	124
О. В. Овсянников. Емецкий городок	135
А. В. Никитин. Крепость Халезец и Кич-городок	139
Г. А. Вознесенская. Стальные ножи древнего Любеча	145

III. ХРОНИКА

Сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1963 г. (А. К. Амбров)	150
Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1963 г. (М. В. Малевская)	153

Средневековые памятники Восточной Европы (КСИА-104)

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Г. В. Моиссенко
Технический редактор А. П. Ефимова

Св. тем. план общественно-политической литературы, 1965, 1154. Сдано в набор 5/V 1965 г.
Т-12301. Подписано к печ. 24/VIII 1965 г. Формат 70 × 108^{1/16}. Печ. л. 9,75 + 1 вкл. = усл. л. 13,36.
Уч.-изд. л. 12,9 + 1 вкл. Тираж 1300 экз.
Изд. № 4328/04. Тип. зак. № 2531.

Цена 80 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
16	9 св.	южном	южной
26	3 св.	10	10,11
27	8 сн.	11	13
28	15 сн.	пологом	порогом
29	8 св.	12	13
30	9 св.	13	14
74	21 сн.	рис. 39	рис. 31
75	7 св.	рис. 2	рис. 30
	9 сн.	рис. 28	рис. 29
118	1—6 сн.		относятся к рис. 44 на стр. 119